КАК ПОЛУЧИТЬ ИНОСТРАННЫЙ ДИПЛОМ, НЕ ПОКИДАЯ ПРЕДЕЛОВ РОССИИ. Стр.46

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 19 ОКТЯБРЯ 1999

Итоги

ВМЕСТЕ С New

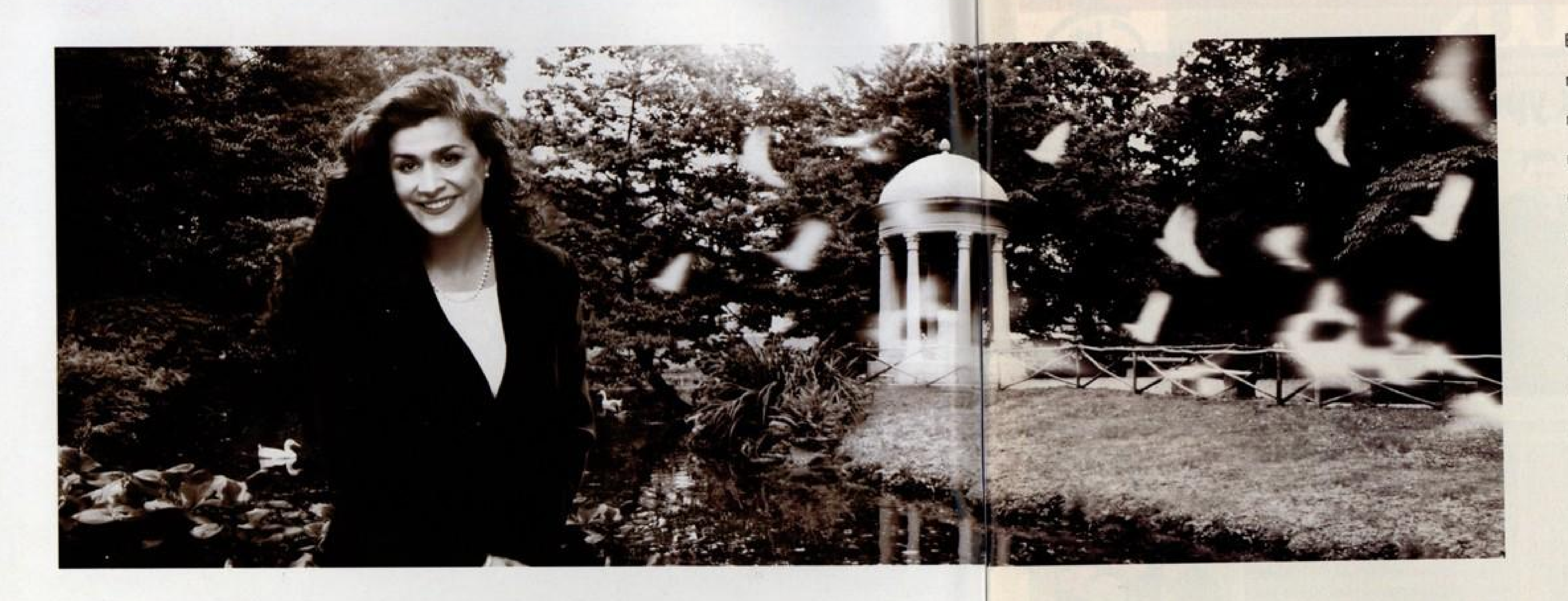
Второй чеченский поход

Стр.14-22

№ 42 (177)

Подписка на журнал **«Итоги»** принимается без ограничений по всей территории РФ. В розницу журнал распространяется в Москве и Московской обл., Санкт-Петербурге, … Астрахани, … Владиво… Волго… Ворон… Екате… Иванове, … Казани, Кал… …ирове, К… …е, …ле, Пензе, …ми, Пскове, …ове-на-Дону, …зани, …ратове, …ке, Сочи, Ставрополе, Сыктывкаре, Тамбове, Твери, Томске, Туле, Тюмени, Ульяновске, Ухте, Хабаровске, Челябинске, Шуе, Элисте, Ярославле; в странах СНГ: **Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, Украине.** Журнал можно приобрести также в **Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Испании, Польше, США, Финляндии, Швейцарии.**

Ее назвали в честь святого – покровителя музыки. И когда Сесилия Бартоли поет, изумленным слушателям открывается истинное волшебство: время буквально останавливается. Оно лишь напоминает о своем присутствии еле уловимым тиканьем ее элегантного Rolex Lady-Datejust, официально сертифицированного хронометра, с неумолимым постоянством отмеряющего секунду за секундой. Даже когда его обладательница уносит аудиторию куда-то далеко на крыльях своего магического голоса.

ROLEX
of Geneva

«ВРЕМЯ ЛЕТИТ» – ГОВОРИМ МЫ ПОРОЙ. НО КОГДА ПОЕТ СЕСИЛИЯ БАРТОЛИ, ВРЕМЯ В ПОЧТЕНИИ ЗАМИРАЕТ

Lady-Datejust
Официально сертифицированный швейцарский хронометр

Казалось бы, российские власти усвоили уроки прошлой чеченской кампании. Московские политики держатся осторожно: публично пообещав не сегодня-завтра развернуть наступление на Грозный, тут же дают понять, что это не более чем слова – психологическая атака. **Однако с 1994 года мало что изменилось: военной операцией руководят те, кто озабочен прежде всего своей политической карьерой.** Стр. 14–24

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Лондон – единственная из крупнейших столиц мира, которая живет без мэра. **Первый лондонский градоначальник будет избран весной будущего года. Главный кандидат – лорд Джеффри Арчер,** автор бестселлеров и герой громких финансовых скандалов. Стр. 39

С начала 90-х годов в России стали открываться филиалы зарубежных университетов, где можно учиться как за деньги, так и бесплатно, на иностранном языке или по-русски. Считается, что западные принципы обучения, внедряемые совместными программами, способны вдохнуть новую жизнь в российское высшее образование, изрядно скисшее в советские времена. **Однако зарубежный диплом, полученный без выезда из России, оказывается зарубежным лишь отчасти.** Стр. 46

На обложке фото **Sergei Sidorov/AP**

Громкое эхо тихого переворота

Тихий переворот. Так охарактеризовала мировая пресса события в Пакистане, когда на прошлой неделе армия, руководимая генералом Первезом Мушаррафом, сместила премьера Наваза Шарифа. Западные газеты наперебой обсуждали возможность ядерной конфронтации между давними противниками Пакистаном и Индией, которые в прошлом году официально признали, что обладают атомным оружием. В России были обеспокоены тем, что пакистанская армия пообещала расширить военную помощь талибам в соседнем Афганистане, а это может угрожать стабильности в Средней Азии.

Между тем Пакистан оставался спокойным. Массовых выступлений против новых властей не было, сторонники оппозиционных партий вышли на улицы с лозунгами «Да здравствует армия!». Военные лидеры тем временем вели консультации с президентом Мохаммадом Рафиком Тараром о будущем страны. «Ждем новых парламентских выборов», — говорили люди на улицах зарубежным корреспондентам. Пакистанцам давно знаком подобный сценарий политической борьбы. Именно так в 1990 году была отстранена от власти Беназир Бхутто — военные инициировали смещение премьера, политика которого их не устраивала.

Короткая история Пакистана, появившегося на карте мира в 1947 году, это история военных переворотов. Лишь 27 лет этой страной управляли гражданские лидеры. Последний военный диктатор Зия-уль-Хак погиб при загадочных обстоятельствах в 1988 году. Но армия по-прежнему — самая влиятельная сила в государстве, изменилась только политика военного истеблишмента. Теперь генералы предпочитают оставаться за спиной гражданских премьеров. Они внимательно наблюдают, как в стране борются две ведущие партии — Пакистанская народная партия, возглавляемая Беназир Бхутто, и Пакистанская мусульманская лига, лидер которой Наваз Шариф. Стоит любому из них, заняв премьерский пост, покуситься на привилегии военных или заговорить о возможности снижения непомерно высокого для такой бедной страны военного бюджета, как «возмущенная коррумпированным правительством» армия вновь «спасает страну от дальнейшего разложения».

Очередной раз придя к власти в 1997 году, Наваз Шариф начал постепенное наступление на всевластие армии. Сначала был отставлен главнокомандующий генерал Карамат. Во время недавнего обострения в Кашмире Шариф предпочел не накалять ситуацию и вывести части со спорной территории, что вызвало острое недовольство военных кругов, воспринявших это как уступку Индии. В довершение всего Наваз Шариф решил сместить и нового главнокомандующего генерала Мушаррафа, назначив на его место своего человека. Но все закончилось переворотом.

Теперь многие полагают, что в Пакистане появятся новые политические лидеры. Вечно сменявшие друг друга Беназир Бхутто и Наваз Шариф уже не обладают ни прежней популярностью, ни прежним влиянием. Главное, впрочем, чтобы эти новые лидеры устраивали генералов. ■

Евгений Пахомов

Кинозвезда разоружает албанцев

Майкл Дуглас, одним из актерских амплуа которого является «крутой парень», ловко управляющийся со всеми видами огнестрельного оружия, приехал в Албанию. Здесь он в качестве «посла доброй воли» от Организации Объединенных Наций агитирует местных жителей сдавать это самое оружие. ООН выделяет албанцам деньги на улучшение инфраструктуры. Албанские власти в свою очередь проводят кампанию по добровольной сдаче оружия населением, в изобилии ходящего по рукам со времен различных бурных событий недавних лет. Дуглас побывал в городке Грамш на юго-востоке страны, где, облачившись в оранжевую спецовку и защитные очки, лично поучаствовал в показательном уничтожении двух автоматов Калашникова. ■

В статую Христа спрячут ретранслятор

К интересному и взаимовыгодному решению пришли итальянская телекоммуникационная компания Omnitel и приходская община собора Девы Марии в городе Чивитавеккья в 70 км к югу от Рима. Долгое время Omnitel добивалась от приходских священников разрешения на установку телефонного ретранслятора в непосредственной близости от храма, стоящего на вершине холма в 620 метров — самой высокой точке этой местности. Но епархиальное руководство Чивитавеккья опасалось, что антенна сильно испортит идиллический пейзаж близ собора, и разрешения не давало. Тогда было предложено вписать ретранслятор в общую картину, замаскировав его под статую Христа Спасителя. Уже найден скульптор: немец Эрнст Райнард Пфенгст согласился выполнить 3,6-метровую статую за 15493 евро, которые поступят из пожертвований прихожан. Omnitel же берет на себя установку и подсветку скульптуры. ■

Каштановые короли

В английском городе Эштоне был проведен чемпионат мира по игре в каштаны. Каштаны — традиционное английское состязание, суть которого заключается в том, что его участник ударяет привязанным к шнурку конским каштаном по каштану соперника. Чей плод остается цел, тот и побеждает. Помимо англичан, в чемпионате участвовали представители Америки, Австралии, Канады и ряда европейских стран. Прошлогодний чемпион, 81-летний Чарли Брей (на снимке), в нынешнем соревновании дошел только до полуфинала.

Книги-на-Майне

В 51-й раз во Франкфурте-на-Майне прошла крупнейшая в мире Международная книжная ярмарка, где 6600 издательств из 113 стран представили свою продукцию. По традиции одна из стран — участниц ярмарки выбирается в качестве «именинника». В этот раз впервые в истории ярмарки выбор пал на одну из стран бывшего «восточного блока», а именно — на Венгрию, которая делегировала во Франкфурт 120 писателей. У некоторых из них появился неплохой шанс прославиться на весь мир, ибо именно на Франкфуртокой ярмарке заключается 80% всех договоров о покупке/продаже авторских прав. ■

Музыкальный привет от Кастро

Первые в истории гастроли популярнейшей гаванской фолк-группы «Ван-Ван» в Майами буквально раскололи эту «столицу» кубинской эмиграции. Одни — в основном молодые эмигранты — до отказа заполнили концертный зал «Майами Арена» и бурно аплодировали Хуану Формелю и его музыкантам. Другие — радикально настроенные антикастристы — сперва пытались сорвать гастроли, а когда это не удалось, проникнув в зал, закидали «Ван-Ван» яйцами и пустыми пластиковыми бутылками с криками «Кастровские марионетки, убирайтесь вон!». Досталось от радикалов и тем, кто, придя на концерт «Ван-Ван», радостно подтанцовывал и подпевал соотечественникам на сцене. Гастроли «Ван-Ван», впрочем, лишь выявили тот раскол, который давно зрел в среде кубинской эмиграции. Немалая ее часть устала ждать падения Кастро и выступает за «наведение мостов» между островом и Соединенными Штатами, где осело более двух миллионов бежавших от коммунистического режима кубинцев.

ЛОНДОНСКИЙ АУКЦИОН СОТБИ ГОТОВИТСЯ ВЫСТАВИТЬ НА ДЕКАБРЬСКИЕ ТОРГИ НЕДАВНО ОБНАРУЖЕННУЮ **РУКОПИСЬ НЕИЗВЕСТНОГО СТРУННОГО КВАРТЕТА БЕТХОВЕНА, НАПИСАННОГО КОМПОЗИТОРОМ В 1817 ГОДУ В ВЕНЕ.** СТАРТОВАЯ ЦЕНА БУДЕТ УСТАНОВЛЕНА В ПРЕДЕЛАХ 150 — 200.000 АНГЛИЙСКИХ ФУНТОВ (ОКОЛО 300 ТЫС. ДОЛЛАРОВ)

ПАКЕТИК, КОТОРЫЙ ДЕМОНСТРИРУЕТ МАНЕКЕНЩИЦА АРИАНА НА ВЫСТАВКЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ В КЕЛЬНЕ, НАПОМИНАЕТ ЕДУ ДЛЯ КОСМОНАВТОВ, НО ПРЕДНАЗНАЧЕН ВОВСЕ НЕ ДЛЯ НИХ. **В НЕБОЛЬШОЙ УПАКОВКЕ СОДЕРЖИТСЯ ВСЕ, ЧТО НУЖНО ЛЮБИТЕЛЮ ТЕКИЛЫ, — СОБСТВЕННО ТЕКИЛА, СОЛЬ И ЛОМТИК ЛИМОНА**

В храм ведем с собой кота

В октябре католики всего мира почитают святого Франциска Ассизского, который, как известно, проповедовал и «сестрам ласточкам», и «братьям цветочкам». Римско-католическая церковь в XX веке признала его покровителем экологии. В США в этот день прихожане епископальной церкви брали с собой в храм домашних животных и молились за них. В собор св. Иоанна в Нью-Йорке, например, помимо кошек и собак, привели нескольких верблюдов, слонов, корову, свинью и ламу, принесли пчел (в контейнере), тарантула и питона. В епископальном соборе в Сан-Франциско животных кропили святой водой, а в церкви Всех Святых в Беверли-Хиллз (на снимке) многие звери получили благословение. ■

**По информации «Итогов», REUTER, AFP, DPA
ФОТО REUTER, AP, EPA, EAST NEWS/SCIENCE**

Пфайффер в роли Деми Мур

Жанр этого года в Голливуде (если не считать многочисленных триллеров и ужастиков) — мелодраматические комедии, в которых большие звезды прикидываются возлюбленными. Пару

Джулия Робертс — Хью Грант можно увидеть в фильме «Ноттинг Хилл», пару Джулия Робертс — Ричард Гир в «Сбежавшей невесте». Теперь пришла очередь пары Мишель Пфайффер — Брюс Уиллис. В картине Роба Райнера «История о нас» (The Story of Us), вышедшей на американские экраны в минувший уик-энд, они изображают супругов, которые вдруг поняли, что за пятнадцать лет совместной жизни надоели друг другу до чертиков. Надо полагать, все тем не менее закончится хорошо (продлением брака и возрождением чувства), и общие дети сыграют в этом важную роль. Желтая пресса счастлива. Ведь сюжет напоминает о реальном семейном кризисе, с которым столкнулись Брюс Уиллис и его жена Деми Мур. Там, правда, все закончилось плохо. Реальная жизнь голливудцев — это вам не Голливуд. ■

Помидоры переходят в наступление

На прошлой неделе комитет по продовольствию Европейской комиссии разрешил продажу в странах ЕС генетически модифицированных помидоров производства фирмы «Астра Зенека» (Великобритания). В отличие от равнодушных американцев европейцы отчаянно сопротивляются появлению в их меню продуктов из растений, генетический код которых искусственно изменен. Вот уже 18 месяцев в странах ЕС действует фактический мораторий на производство и продажу генетически модифицированных продуктов, однако ряд стран давно настаивал на том, чтобы сделать исключение для помидоров и хлопка. Помидоры фирмы «Зенека» предназначены для изготовления консервов и томатной пасты. Напомним, что в начале нынешнего года консервы с этой томатной пастой были сняты с полок во всех супермаркетах Великобритании. Теперь они появятся снова — не исключено, что и на прилавках российских магазинов, ведь в нашей стране отсутствует законодательство по ограничению продажи «пищи Франкенштейна», как часто называют генетически модифицированные продукты.

Расскажи ближнему своему

Плохое настроение, депрессия — в нашей жизни явления, увы, не редкие. Кто помогает нам справиться с этим состоянием? Как видно из опроса ВЦИОМ (общенациональная репрезентативная выборка, 2000 человек), в трудную минуту люди рассчитывают на поддержку близких.

КТО ЛУЧШЕ ВСЕХ МОЖЕТ ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЕСЛИ У НЕГО ТЯЖЕЛО НА ДУШЕ?

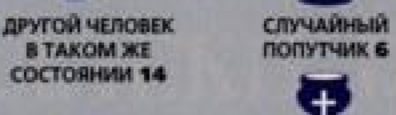
(СУММА ОТВЕТОВ ПРЕВЫШАЕТ 100%, ТАК КАК МОЖНО БЫЛО ВЫБРАТЬ НЕСКОЛЬКО ПОЗИЦИЙ ОДНОВРЕМЕННО)

БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ 92

ДРУГ, ПОДРУГА 27

ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК В ТАКОМ ЖЕ СОСТОЯНИИ 14

СЛУЧАЙНЫЙ ПОПУТЧИК 6

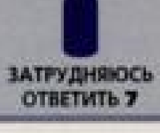

СОБАКА, КОШКА 6

СВЯЩЕННИК 3

НИКТО 4

ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ 7

«В душе вот чего-то не хватает, чтобы этого больного старика топтать ногами»

Светлана Горячева о Ельцине

«Говорить о государственной политике в государстве с таким повышенным плюрализмом, наверное, очень сложно».

Александр Михайлов, руководитель Российского информационного центра, о войне в Чечне

«Сегодня мозги наших детей забиты рекламой, которая ни отношения никакого не имеет ни к воспитанию, ни, так сказать, к продолжению рода».

Владимир Васильев, депутат Мосгордумы

«Нельзя безрассудно выполнять ту или иную задачу в спокойной обстановке: военные действия есть военные действия».

Юрий Гришин, заместитель главнокомандующего ВВС России

«Социалистическая мысль, стремление людей к равенству, справедливости, солидарности были, будут и всегда. И если уж кому претензии нужно предъявлять, то первое, кому предъявить, — Иисусу Христу, ибо оттуда идут эти ноги».

Михаил Горбачев о социал-демократии

«Оборонная промышленность ничем не отличается от промышленности по производству велосипедов, потому что велосипеды всегда производились в оборонной промышленности».

Илья Клебанов, заместитель председателя правительства РФ

«С ним игрались и здесь, когда подбрасывали ему деньги на так называемые компьютеры. Какие Басаеву компьютеры?! Вы вообще Басаева видели когда-нибудь с компьютером?»

Сергей Степашин о политике в отношении равнинных районов Чечни

«Я еще раз говорю — я впервые из этой публикации узнал о существовании «Бэнк оф Нью-Йорк». Ну согласитесь, даже это является уже основанием оскорбления».

Павел Бородин

«И уж если мы критиковали Сталина, Ленина и так далее — я, кстати, тоже не сторонник этих людей, хотя отрицать тоже ничего нельзя».

Александр Гуров, номер три в избирательном списке «Единства»

«В ходе расследования было наработано большое количество даже чисто визуально томов уголовного дела».

Юрий Демин, главный военный прокурор, о деле Скуратова

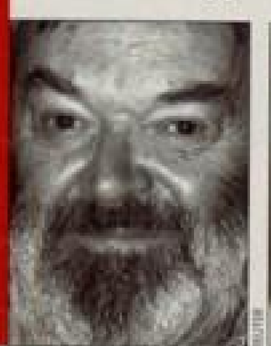
«Ирак сегодня — это прекрасный плацдарм для того, чтобы, ну, в какой-то степени опоясать Россию окончательно».

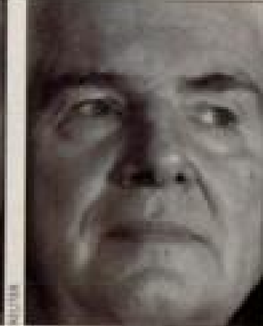
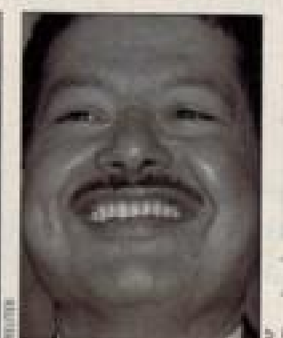
Виктор Калюжный, министр топлива и энергетики

Слушал и записывал **Вова Белозерцев**

«Невидимого больше нет»

«Этот труд дает исследователям хорошо работающий теоретический аппарат, позволяющий предсказывать свойства еще не открытых частиц» — говорится в решении шведской Академии наук о присуждении Нобелевской премии-1999 **по физике** голландцам **Герардусу 'т Хоофту** и **Мартинусу Велтману** за исследование квантовой структуры электрослабых взаимодействий. Премия стала своеобразным подарком к юбилею совместной работы двух физиков — 30 лет назад 23-летний 'т Хоофт начал свою стажировку у 38-летнего Велтмана. Как раз в те годы Стивен Вайнберг и Абдус Салам создали теорию, связавшую воедино два фундаментальных типа физических взаимодействий: всем известные электромагнитные и так называемые слабые — экзотические, характерные только для некоторых явлений в мире элементарных частиц. (Эта работа, отмеченная Нобелевской премией 1979 года, доныне остается единственным крупным успехом физиков в решении завещанной Эйнштейном задачи — построении единой теории поля.) Новая теория потребовала новых методов расчета физических характеристик частиц и процессов. Их разработкой и занялись Велтман с 'т Хоофтом.

Впоследствии 'т Хоофт стал профессором их общей альма матер — Утрехтского университета, а Велтман с 1981 года преподавал теоретическую физику в Мичиганском университете и лишь недавно вышел в отставку и вернулся в Нидерланды. Тем временем разные лаборатории мира успешно использовали математический аппарат, предложенный 'т Хоофтом и Велтманом. Среди наиболее впечатляющих его побед — расчет массы топ-кварка, открытого в 1995 году лабораторией Ферми (США). Физики надеются, что в самое ближайшее время станет доступной прямому наблюдению «частица Хиггса», существование которой было предсказано с помощью аппарата Велтмана — 'т Хоофта.

Работа голландских физиков неожиданно встревожила пентагоновских специалистов по компьютерной безопасности. Некоторые коллеги Велтмана и 'т Хоофта допускают, что работы новоиспеченных лауреатов открывают путь к созданию «квантовых компьютеров» с невиданным быстродействием, способных за несколько дней сделать то, на что у современных машин ушли бы тысячелетия. Одной из таких задач как раз и является взлом компьютерных систем защиты путем простого перебора всех возможных вариантов пароля.

Биография 63-летнего **Гюнтера Блобеля** типична для нобелевских лауреатов последних десятилетий. Уроженец Силезии (принадлежавшей в те времена Германии), он давно обзавелся американским гражданством и с 1967 года работает в Рокфеллеровском университете (Нью-Йорк). Там он и начал в первой половине 70-х исследования, удостоенные ныне Нобелевской премии **по медицине.**

Блобеля интересовало, каким образом белковая молекула, собранная в одной части клетки, попадает в другую ее часть — именно ту, где ей предстоит работать (например, в мембрану, окружающую клетку снаружи). Ему удалось установить существование «внутренних сигналов» — участков белковой молекулы, соотносящихся с молекулярными опознавательными знаками будущего «места службы» как ключ — с замком. Сам Блобель сравнивает эти внутримолекулярные сигналы с ярлыками, которые авиаперевозчики клеют на багаж пассажиров, чтобы он попал туда, куда надо.

Работы Блобеля, несмотря на всю их фундаментальность, впрямую касаются практической медицины. Есть веские основания считать, что именно нарушения в работе открытого Блобелем механизма вызывают такие болезни, как первичная гипероксалюрия (болезнь, приводящая к возникновению камней в почках у детей), некоторые формы наследственной гиперхолестеролемии (повышенного содержания холестерола в крови) и другие. Кроме того, использование «топогенных» сигналов Блобеля позволит повысить эффективность производства лекарств белковой природы — интерферонов, антител и т. д.

Сразу же после обнародования решения Каролинского института Гюнтер Блобель объявил, что всю денежную часть премии (в этом году она составляет 960 тысяч долларов) он передает вновь учреждаемому фонду «Друзья Дрездена», цель которого — восстановление памятников архитектуры этого города, разрушенных во время правления нацистов и Второй мировой войны.

Даже в самой простенькой химической реакции непременно возникают короткоживущие промежуточные соединения — сверхактивные обломки молекул, эфемерные комплексы, причудливые конформации. Время жизни этих призраков молекулярного мира невообразимо мало, но именно в этот момент определяется, по какому пути пойдет реакция и пойдет ли она вообще. Химия накопила целый арсенал изощренных косвенных методов, позволяющих судить о составе, внутренней структуре и взаимодействиях веществ-невидимок. Но среди изучавших их химиков, наверное, не было такого, которого хотя бы изредка не посещала мечта — взять и просто посмотреть, как эти «промежуточные продукты» устроены.

Осуществил эту старинную мечту **Ахмед Зевайль,** гражданин двух стран — Египта, где он родился в 1946 году и жил вплоть до окончания Александрийского университета, и США, где он продолжал учебу, защищал диссертацию, вел свои исследования, а последние 9 лет возглавляет кафедру физической химии в Калифорнийском технологическом институте в Пасадине. Он создал «фемтохимию» — сверхбыструю лазерную спектроскопию, позволяющую с помощью ультракоротких лазерных вспышек изучать процессы, протекающие за фемтосекунды — так называется одна квадриллионная часть секунды.

«Мы достигли конца пути, — говорится в решении шведской Академии наук, присудившей Зевайлю Нобелевскую премию **по химии** 1999 года. — Никакие химические реакции не протекают быстрее. Невидимого больше нет».

Лауреатом Нобелевской премии этого года **в области экономики** стал американец канадского происхождения **Роберт Манделл.** Высокого звания и награды он удостоен за анализ монетарной и финансовой политики в условиях меняющихся курсов валют.

Сегодня в чести экономисты, которые разрабатывают модели, обслуживающие процессы международной интеграции. Работы Манделла в области макроэкономики оказались востребованы именно сейчас, когда идет активное создание Евросоюза. Исследования Манделла по международной торговле показали, что мобильность трудовых ресурсов и капитала приводит к выравниванию потребительских цен, несмотря на внешнеторговые ограничения. Считается, что создатели единой европейской валюты во многом руководствовались трудами ученого. ■

Борис Жуков, Наталья Калиниченко

СЛЕВА НАПРАВО: **МАРТИНУС ВЕЛТМАН, ГЕРАРДУС 'Т ХООФТ, ГЮНТЕР БЛОБЕЛЬ, АХМЕД ЗЕВАЙЛЬ, РОБЕРТ МАНДЕЛЛ**

ВЕХИ ВЕКА

Конец Бычьего рынка

Сергей Иванов

Ровно 70 лет назад, в воскресенье 20 октября 1929 года, американские газеты вышли с успокоительными заверениями крупнейших экономистов: происшедшее в последние дни падение курса акций (за неполный день торгов к продаже было предложено 3,5 млн.) является случайным колебанием. Профессор Ирвинг Фишер предсказывал дальнейший рост котировок, а глава Нэшнл Сити Банка Чарльз Митчелл заявил, что опасаться абсолютно нечего.

Тем не менее стоило в понедельник открыться бирже, как ее захлестнула волна продаж: было предложено 6 млн. акций, бегущая лента не успевала их фиксировать и к концу торговой сессии отстала от реального положения на полтора часа. Впрочем, последующие два дня прошли сравнительно спокойно. Но в четверг, 24 октября, с самого утра, повинуясь безотчетному инстинкту, брокеры ни с того ни с сего все панически кинулись сбрасывать акции. Их было сразу продано неслыханное количество: 12 894 650. На Уолл-стрит собралась толпа зевак, недоумевавших, что происходит за стенами солидного здания Нью-Йоркской биржи: внутри раздавался громкий гул, как в растревоженном улье. К полудню муниципальные власти отправили туда полицейский отряд, опасаясь беспорядков. Но против финансового хаоса полиция была бессильна: цена акций падала с головокружительной скоростью, начали появляться «пустоты», когда на объявленные к продаже ценные бумаги вообще не находилось желающих. По всей стране у брокерских контор собирались толпы, биржевая лента безнадежно отставала от стремительного развития событий. Тем не менее в Буффало и Чикаго биржи закрылись. В Нью-Йорке нарастало ощущение катастрофы. В здании биржи происходили душераздирающие сцены. На всех лицах, по словам очевидца, «было написано не столько страдание, сколько испуг и недоверие». После того как к 12.30 одиннадцать человек покончили с собой, полиция очистила галереи для публики.

ВЕЛИКИЙ КРАХ НЬЮ-ЙОРКСКОЙ БИРЖИ 24 ОКТЯБРЯ 1929 ГОДА

В середине дня Джон Морган-младший собрал в своем офисе на Уолл-стрит, 23, пятерых крупнейших банкиров. Самого известия об этом совещании оказалось достаточно, чтобы паника несколько утихла. В общественном сознании жила полунаивная, полуциничная вера в «организованную поддержку», которую якобы непременно окажут магнаты, если бирже будет грозить беда. Действительно, было объявлено о создании некоего пула (о его размерах ходили различные слухи) для стабилизации котировок. В половине второго падение акций прекратилось, а к семи вечера биржевая лента догнала наконец реальность.

В течение последующих нескольких дней финансовое сообщество активно обсуждало происшедшее. Все сходились на том, что обвал был вызван длившимся все лето необоснованным взвинчиванием котировок — так называемым Бычьим рынком, и что случившееся даже оздоровило биржу, ликвидировав многочисленных «бумажных миллионеров». Весь уик-энд 26 — 27 октября Америка давала убаюкивать себя подобными заявлениями — а в понедельник с утра поголовно ринулась продавать акции. Их было сброшено девять с четвертью миллиона, из них три — за последний час работы биржи. Когда Чарльз Митчелл вошел в офис Моргана, брокеры понадеялись, что банкиры опять готовят интервенцию, но скоро стало известно, что Митчелл сам просит о помощи. В 18.30 Морган выпустил заявление, что никакой «организованной поддержки» больше не будет. Страну заволакивало тягостное ожидание катастрофы.

День 29 октября, «черный вторник», стал, по словам экономиста Гэлбрейта, «самым страшным днем в истории рыночной экономики». За первый час было продано 3 млн. акций, к двум часам дня — 8, к закрытию — 16 410 030. Все уже поняли, что имеют дело с чем-то неуправляемым и необъяснимым. Разорения и самоубийства стали будничным делом. Успокоительные заявления представителей промышленности и даже президента не имели никакого эффекта. Суммарная стоимость ценных бумаг упала за полтора месяца на 26 млрд. долларов. Вслед за финансовым крахом наступила индустриальная депрессия. В эти дни была похоронена «американская мечта» и надолго дискредитирована доселе священная фигура банкира. Расхожая шутка тех дней гласила: «Не говори маме, что я банкир, — она думает, что я тапер в борделе». ■

ПУТЕШЕСТВИЕ

Трое в «вольво», не считая собаки

Маша Гессен

Я, конечно, понимаю, что за все в жизни надо платить. Но никогда раньше не понимала это так буквально, как теперь. Пару недель назад я собралась в автомобильное путешествие. Подготовила свою машину, страховку международную купила, паспорт на собаку оформила, с фотографией. Кроме собаки со мной отправлялись мой отец и его молодая жена. Путь наш лежал из Москвы через Украину в Кишинев, затем, опять захватив кусочек Украины, мы собирались через Венгрию в Австрию.

Папу у меня отобрали на российско-украинской границе. Он гражданин США, и в украинском посольстве в Вашингтоне его заверили, что виза на Украину ему не нужна — транзитную поставят на границе. На границе и слышать об этом не захотели, и после трехчасового разбирательства подсадили папу в машину к какому-то греку, ехавшему в Москву.

Мы же остаток ночи провели на границе, а утром, не успев проехать и 30 километров, были остановлены у украинского поста ГАИ. Первым делом пожилой гаишник по фамилии Халявка стал сверять номера двигателя и кузова, проставленные в техпаспорте, с номерами на машине. И в номере кузова углядел несоответствие. То есть не то чтобы несоответствие, просто ему показалось, что буква K на кузове в техпаспорте выглядела как буква R. Засомневавшись, он стал спрашивать окружающих — своего напарника, других водителей: «Эта вот буква R — вам не кажется, что это K?» Почему-то никому, кроме меня, не казалось, что это K. Только один сердобольный водитель сказал, что «принтер мог смазать», чем вызвал волну возмущения у двух гаишников, пригрозивших поставить мой автомобиль на штрафную стоянку, «откуда еще ни одна машина не уезжала».

«У меня собака», — взмолилась я.

«В клетку посадим, будем кормить», — Халявка был неумолим.

«У нас вещи, мы же женщины, — я готова была упирать на все свои недостатки. — Со мной жена отца».

Последний аргумент почему-то подействовал. Впечатлило гаишника не то, что я везу мачеху, а то, что жена отца — моя ровесница. Пораженный Халявка отпустил меня с моей R за 20 гривен (около пяти долларов).

Далее такса не менялась, менялись только способы изъятия денег. За превышение скорости — это когда на шоссе откуда ни возьмись вырастает столбик с цифрой 40, а рядом с ним — гаишник. За экологию — и на украинской, и на молдавской границе. За незалитые пять литров бензина, потому что счетчик на бензоколонке сломан. За разрешение не открывать багажник («а то мы взрывчатку будем искать», — пригрозили российские миротворцы в Приднестровской республике, стоящие по одну сторону моста). Просто так («нам из Москвы что-нибудь передавали?» — осведомились миротворцы с другой стороны моста). Моя принадлежность к слабому автомобилистскому полу — один украинский гаишник, увидев меня, вылезающую из машины с документами в руках, совершенно искренне осведомился, где, собственно, водитель, — не спасла ни разу.

Из всех способов вымогательства больше всего понравился подход Одесской области. На первом же посту ГАИ мне продемонстрировали стенд с постановлениями, из которых следовало, что за честь пользоваться местными дорогами я должна выложить 25 долларов. Я выложила, так как мне объяснили, что исключения делаются только для чернобыльцев и афганцев. Правда, к вошедшему после меня водителю, у которого не было с собой 25 долларов, гаишники отнеслись с пониманием: «Ну ничего, посмотри, сколько у тебя там есть».

В Кишиневе мы решили изменить маршрут и ехать через Румынию. Пусть горными дорогами и наперегонки с повозками, зато на румыно-молдавской границе я расплатилась последний раз — пять долларов за собаку и пять за «дезинфекцию»: обрызгали машину раствором хлорки. ■

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Старые газеты

Вера Мильчина

Есть снобы, которые презирают газеты. А я люблю их читать. Причем не только современные. Особенное удовольствие я получаю от чтения французских газет первой половины прошлого века. 1830-го, например, года. Впечатления иногда бывают очень сильные.

Тут, конечно, все зависит от оптики. Кто-то, наверное, способен отыскать в старой парижской прессе доказательства решительного превосходства «доброго старого времени» — тогда люди были чистые и духовные, не то что в наше развращенное время. Я, впрочем, почему-то все время замечаю другое. Например, трогательное свойство тогдашней прессы, удачно описываемое русским народным выражением, которым Пушкин некогда характеризовал тактику русских литературных критиков: «Сам съешь».

Сторонники короля упрекают либералов в том, что они мутят воду во всех европейских странах, и в том, что повсюду за границей у них имеются «сочувственники, друзья, агенты, готовые вступить в бой» и учинить то там, то здесь революцию. А либералы, напротив, совершенно убеждены, что тупого реакционера, премьер-министра Полиньяка (из-за которого в конечном счете и произошла Июльская революция 1830 года) прислали французам из-за границы — из Англии. Одним словом, каждая партия обвиняет другую, выражаясь более современным языком, в «национальном предательстве».

Сходным образом и намерение нарушить «основной закон» страны (во Франции в ту пору он назывался «Конституционной Хартией 1814 года») сторонники короля приписывают либералам, а либералы, натурально, — сторонникам короля. Первые говорят про вторых, что им необходимо добиться отмены Хартии, чтобы устроить в стране смуту и в результате захватить власть, а вторые, естественно, подозревают первых в том, что они вот-вот отменят Хартию, чтобы установить в стране абсолютную монархию, как в XVIII веке.

Замечательно также стремление тогдашних журналистов вычитывать в самых невинных жестах власть имущих далеко идущие замыслы. «Если король направляется в Компьень, вас убеждают в том, что он делает это с намерением разогнать своих министров, — пишет сторонник короля о своих противниках-либералах, — если министры направляются за город, они, разумеется, намереваются обсудить там государственный переворот, призванный уничтожить все французские установления; если иные философы печатают разные бредни, они, конечно, делают это по наущению министерства, которое жаждет уничтожить свободу печати, изменить закон о выборах, отменить несменяемость судей, а доказательством этих намерений служит то, что министерство никоим образом не препятствует критикам, приписывающим ему подобные намерения».

Все без устали гадали, что скрывается за действиями министров и на какой день они назначили государственный переворот, — а король с министрами всех надули (умели хранить тайну). Переворот произошел 27 июля 1830 года, а 24-го и 25-го числа того же месяца все журналисты, и левые, и правые, без тени сомнения сообщали своим читателям, что правительство отказалось от своих коварных намерений, передумало устраивать переворот и решило действовать в строгом соответствии с существующими законами.

Впрочем, министры тоже просчитались, спровоцировали народные волнения, трехдневную революцию и перемену власти — и об ошибках журналистов в этой суматохе никто уже не вспоминал.

А потом все повторилось снова — гадания, взаимные обвинения и легкие неточности в описании того, что случится завтра. ■

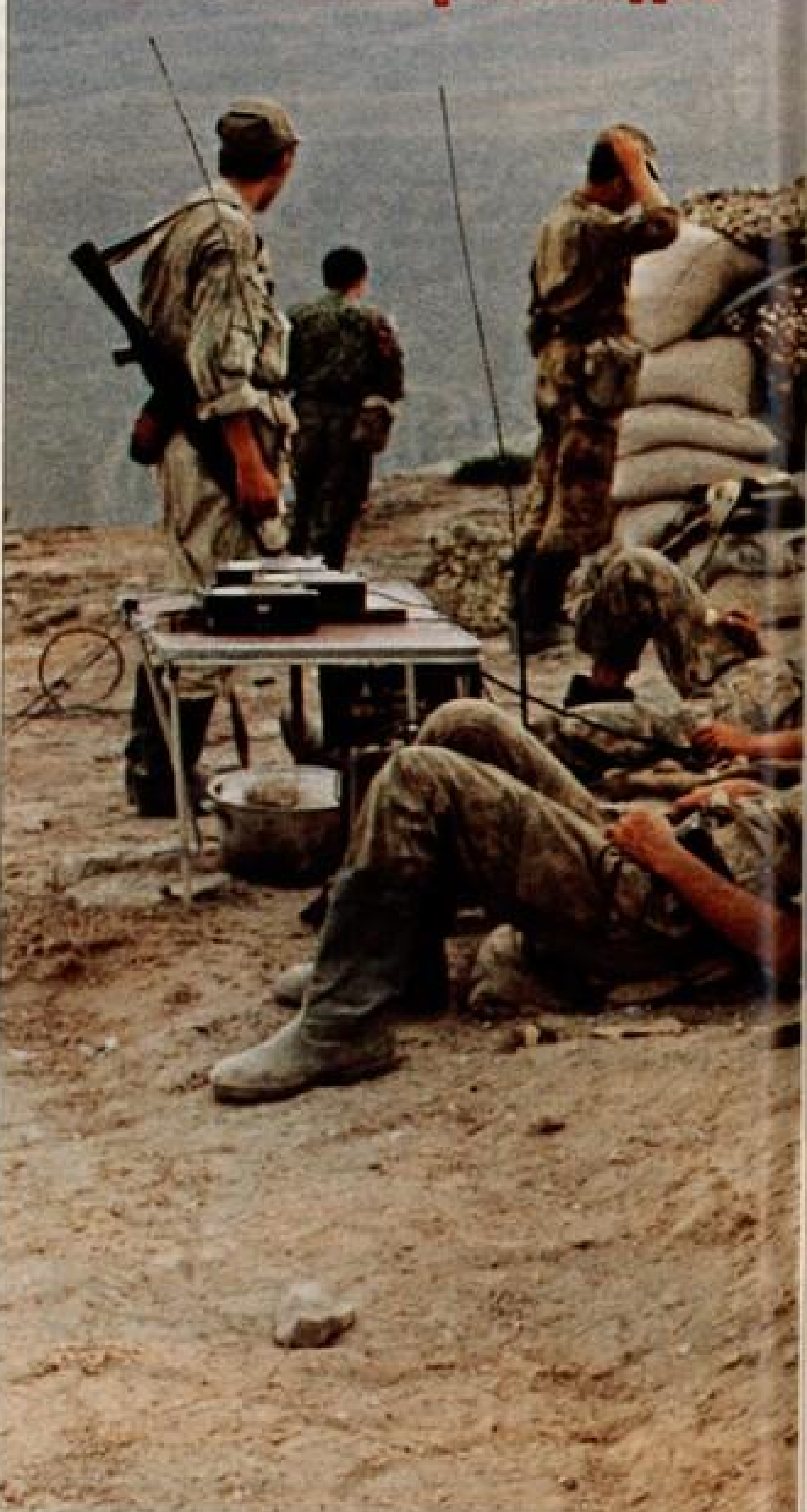
ГЛАВНАЯ ТЕМА

Война невыученных уроков

ПО СУЩЕСТВУ **С 1994 ГОДА НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ: РУКОВОДСТВО ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИЕЙ НАХОДИТСЯ В РУКАХ ЛЮДЕЙ, ОЗАБОЧЕННЫХ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СВОЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРОЙ.** ЗА АВАНТЮРУ ПРИДЕТСЯ РАСПЛАЧИВАТЬСЯ СОЛДАТСКОЙ КРОВЬЮ

Как и пять лет назад, исход военной операции в Чечне всецело зависит от московских политических раскладов

Александр Гольц,

Дмитрий Пинскер

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ, ЧТО РОССИЙСКАЯ власть сделала выводы из прошлой чеченской кампании, что уроки выучены, а работа над ошибками проведена. Московские политики держатся осторожно: перед телекамерами, побряцав оружием и пообещав не сегодня-завтра развернуть наступление на Грозный, они тут же дают задний ход и в кулуарах принимаются объяснять журналистам, что это не более чем слова — некая психологическая атака. А военные немедленно добавляют, что зимой отправляться воевать в горы они не намерены.

Прошлая война началась с того, что, подписав указ о восстановлении конституционного порядка, Борис Ельцин немедленно ушел в тень под откровенно надуманным предлогом — ему срочно понадобилось прооперировать носовую перегородку. Война уже шла больше недели, а растерявшиеся кремлевские обитатели все не могли решить, кого бы вытолкнуть на авансцену — объясняться с народом. Теперь все иначе. Нынешней военной кампанией непосредственно руководит Владимир Путин. Он же и несет ответственность за все происходящее.

За прошедший год московский политический класс уже привык жить без президента, и никого не смущает, что в периоды его длительных отлучек — по болезни ли, по причине отпуска, или просто потому, что он «работает с документами», — всем управляет очередной премьер-министр. Ни одному из предшественников Владимира Путина не дозволялось отдавать приказы силовикам. Нынешний глава кабинета стал местоблюстителем Верховного главнокомандующего.

Формальные препятствия с общего согласия всех заинтересованных сторон были формальным же образом обойдены. Поскольку речь идет не о войне, а всего лишь об антитеррористической операции, осуществляемой при участии вооружен-

НЫНЕШНЕЙ ВОЕННОЙ КАМПАНИЕЙ НЕПОСРЕДСТВЕННО РУКОВОДИТ ВЛАДИМИР ПУТИН. ОН ЖЕ И НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВСЕ ПРОИСХОДЯЩЕЕ. НИ ОДНОМУ ИЗ ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ НЕ ДОЗВОЛЯЛОСЬ ОТДАВАТЬ ПРИКАЗЫ СИЛОВИКАМ. **НЫНЕШНИЙ ГЛАВА КАБИНЕТА ФАКТИЧЕСКИ ВЗЯЛ НА СЕБЯ ФУНКЦИИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО**

ных сил, никаких письменных приказов от Верховного главнокомандующего и не нужно. Ведь для того, чтобы уничтожать бандитов на российской территории, равно как использовать для этого армию, не требуется особого президентского указа.

«С юридической точки зрения, — объяснили корреспонденту «Итогов» в одном из силовых ведомств, — нет никакой разницы между уничтожением вооруженной банды где-нибудь в Твери и ликвидацией террористических бандформирований в Чечне». Так что военные ежедневно докладывают обстановку премьеру, он проводит совещания, в ходе которых вырабатываются те или иные решения. И только после этого, как поведали корреспонденту «Итогов» высокопоставленные кремлевские чиновники, Владимир Путин отправляется к Верховному главнокомандующему, который до сих пор все предложенное одобрял.

Известно, что именно Путин грамотно сформулировал цель операции: окончательное уничтожение террористических формирований. Эту задачу нетрудно перевести на язык военного приказа. Уничтожение противника — как раз то, для чего и предназначены вооруженные силы. Это вам не безразмерное «восстановление конституционного порядка».

Военные весьма довольны тем, что, поставив задачу, политики не устанавливают им сроков и не ограничивают в применении имеющихся средств поражения. Они воюют «как положено», используя те вооружения, в которых у них абсолютное превосходство над боевиками: авиацию и артиллерию. Первый этап операции, который предполагает создание на территории Чечни и сопредельных территориях зоны безопасности, прошел вполне успешно.

Горячие головы

Санитарный кордон создали: окопы вырыли, солдат расставили. Но тут же выяснилось, что никто в политическом руководстве не знает наверняка, как быть дальше. С одной стороны, все, с кем корреспонденту «Итогов» довелось пообщаться на прошлой неделе в Белом доме, в один голос утверждали, что ошибок кампании 1994—1996 годов власть повторять не намерена и ввязываться в затяжную войну с мелкими партизанскими отрядами в горах Москва не собирается. Однако и терпеть «флибустьерскую республику» на Северном Кавказе российские стратеги как в погонах, так и без оных долго не намерены. Самое большее — до весны.

В окружении премьера предполагают, что зимовать войска будут в окопах на Тереке, а в наступление перейдут только в апреле—мае. «После зимы, проведенной в глухой блокаде, чеченцы задохнутся и серьезного сопротивления оказать не смогут, — уверяли корреспондента «Итогов» чиновники в Белом доме, по-видимому, искренне веря в то, что произносят. — Да и единого фронта там не будет — они между собой передерутся».

Получается, что осенью и зимой Москва ограничится военной и экономической блокадой той части территории Чечни, которая остается под контролем сепаратистов. А в это время три освобожденных района будут играть роль своего рода «витрины», где федеральные войска обеспечат восстановление более или менее нормальной жизни с работающими школами и больницами, устойчивым снабжением, действующими правоохранительными органами, — всем тем, от чего за несколько лет автономного существования жители Чечни отвыкли.

Однако именно в этот момент среди военных и политиков стали обнаруживаться горячие головы, обуреваемые теми же шапкозакидательскими настроениями, которые однажды, в 1994 году, уже подтолкнули Бориса Ельцина на путь авантюры. Некоторые генералы вдруг заговорили о возможности и даже необходимости взятия Грозного. Коекому опять стало казаться, что водружение трехцветного российского флага над чеченской столицей и означает победное завершение войны.

Военачальники, истосковавшиеся по победам, готовы принимать желаемое за действительное. Генерал Владимир Шаманов сообщает журналистам, будто в районе поселка Горагорского его войсками блокирован отряд боевиков под командой самого Шамиля Басаева, но ни ФСБ, ни даже Министерство обороны эту информацию не подтвердили. По прошествии нескольких дней «тяжелых боев» Басаев преспокойно появился перед народом в Грозном, что было зафиксировано телекамерами.

Нашлись энтузиасты и в спецслужбах, которые начали активно сбрасывать в печать информацию о разброде в стане боевиков и чуть ли не о полной потере управления. Более того, позабывши о печальном опыте с «правильными» боевиками Умара Автурханова, заговорили, будто авторитеты, такие как, например, муфтий Ахмед-хаджи Кадыров, поддерживаемый некоторыми полевыми командирами, готовы заключить сепаратные соглашения с федеральной властью и присоединить контролируемые ими районы к освобожденным российскими войсками территориям. Нашлись мечтатели, утверждающие, что российские войска, перейдя Терек, вовсе не встретят сопротивления и, двигаясь в глубь Чечни, будут просто «договариваться» с главами администраций и старейшинами, которые уже сами будут выгонять боевиков.

ЦЕЛЬ «АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ»: ВЗЯТЬ В ПЛЕН ГЛАВНЫХ ВРАГОВ, ПОЛЕВЫХ КОМАНДИРОВ ХАТТАБА (СПРАВА) **И БАСАЕВА.** ПЕРВЫЙ ЭТАП — СОЗДАНИЕ САНИТАРНОГО КОРДОНА — ПРОШЕЛ ВПОЛНЕ УСПЕШНО. НО ТУТ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ НЕ ЗНАЮТ НАВЕРНЯКА, КАК БЫТЬ ДАЛЬШЕ. НЕКОТОРЫЕ ГЕНЕРАЛЫ ЗАГОВОРИЛИ О НЕОБХОДИМОСТИ ВЗЯТИЯ ГРОЗНОГО. **«МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДОНОСНАЯ ВОЙНА» В ЧЕЧНЕ ОДНАЖДЫ УЖЕ ОБОШЛАСЬ РОССИИ В ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖИЗНЕЙ**

Между тем уже сейчас ясно, что обеспечение контроля и над «освобожденными» районами представляет собой непростую задачу. Генералы прекрасно понимают, что зимовка на Тереке простой не будет. Сложность рельефа местности и скудость отпущенных средств не позволят построить единую линию обороны, а позиционная война только на руку чеченским боевикам, которые будут просачиваться в тыл наших войск и наносить оттуда неожиданные удары. А виноватыми в таких потерях, конечно же, сочтут руководителей операции.

В этих обстоятельствах желание закончить дело побыстрее, пусть и с потерями, будет нарастать, тем более что до сих пор генералы не сталкивались с серьезным сопротивлением. И им кажется, что ни в коем случае нельзя останавливаться и отдавать боевикам военную инициативу.

Пока не видно, чтобы армия всерьез намеревалась остановиться на Тереке. По крайней мере генерал Косован, заместитель министра обороны по строительству и расквартированию войск, недавно сообщил, что никакого капитального строительства на этом рубеже вести не предполагается. Тыловики ограничиваются лишь посылкой в войска утепленных палаток.

Кто одолеет в этом споре — «осторожные» или «решительные», будет определяться отнюдь не военной теорией. Главная ошибка войны 1994—1996 годов повторяется: руководство военной операцией находится в руках людей, озабоченных в первую очередь своей политической карьерой.

Сокрушимый премьер

Пока что план неспешной военной кампании вполне встраивается в расчеты тех, кто уже сейчас готовится вести президентскую избирательную кампанию Владимира Путина. Пиарщики готовы предложить премьеру на период зимнего окопного сидения эффективную программу пропагандистского наступления на российского избирателя. Ее результатом должно стать формирование образа Путина не только как покорителя Чечни, но и как благодетеля жителей освобожденных территорий, где при его непосредственном участии восстанавливаются школы, больницы и газопроводы, строится жилье и проводятся выборы местной власти. «А в мае можно и наступление начинать — на рейтинг это не особенно повлияет», — спокойно рассуждают наши собеседники.

Сам премьер, видимо, не тверд в избранной тактике. Примечательно, что среди высокопоставленных чиновников Кремля и Белого дома не удалось найти ни одного, кто бы признался в том, что занимается чеченской проблематикой. Зато в Министерстве по делам национальностей спецов, судя по всему, хоть отбавляй. Они-то и призываются на регулярные путинские семинары по Кавказу, притом что свою профнепригодность уже успели продемонстрировать, предложив сформировать в Москве чеченское правительство в изгнании во главе с до той поры никому не известным Маликом Сайдуллаевым. Теперь бывшие депутаты, а ныне члены свежеобразованного Госсовета, на российских штыках должны вернуться на родину и приступить к управлению «освобожденными территориями». Министра Михайлова, возглавлявшего это ведомство и в прошлый кавказский конфликт, похоже, ничему не научила история «марионеточных» правительств Саламбека Хаджиева и Доку Завгаева (последнего в итоге пришлось упрятать аж в Танзанию, чтоб мстительным соотечественникам было сложнее до него дотянуться).

В Белом доме и Кремле сторонников затеи Миннаца вроде бы нет. Однако промосковское чеченское правительство сформировано, его лидеры получили аудиенцию премьера, а в ее ходе услышали слова поддержки и одобрения. «Премьеру очень не нравится вся эта затея, но у него не было

возможности увернуться от предложения, избежать встречи, а приняв масхадовских оппонентов, он не мог их не поддержать, — оправдывался высокопоставленный чиновник из Белого дома. И тут же наш собеседник перешел в наступление. — Но по действительно серьезным вопросам давить на Путина бесполезно. Он не сломается и давлению не уступит».

Хочется верить, да не получается. Нет никакой гарантии, что, не устояв перед не слишком сильным напором не слишком влиятельных лоббистов идеи правительства в изгнании, Путин устоит перед напором «ястребов» из силовых ведомств, мастеров кулуарных интриг. Давление их, как утверждают некоторые чиновники из окружения премьера, уже ощущается. И надо думать, оно будет только усиливаться. Тем более что сам же Путин и призвал «задушить гадину на корню». Вопрос только в сроках.

Для Путина и большинства политиков, уже ангажированных или только собирающихся принять участие в акции «Путин — наш президент», более разумным кажется начинать наступление весной. Впрочем, политический интерес может прийти в противоречие с военной целесообразностью.

И это чувствуется уже теперь. Отнюдь не только Владимир Путин строит планы на будущее. Армейские генералы, руководящие операцией, равно, как и их коллеги из МВД, уже сейчас задумываются о своих карьерах при будущем президенте. Один только министр обороны Игорь Сергеев, похоже, смирился с тем, что меньше чем через год его служба будет закончена. Его более молодым и амбициозным коллегам (а имена многих из них пока что связаны только с позорными поражениями в прошлой войне) позарез нужно отличиться. Причем до весны они ждать не могут, победы им нужны сейчас, в самое ближайшее время. В мае, за два месяца до президентских выборов, может оказаться слишком поздно. Ведь к тому времени все реальные кандидаты в президенты уже сформируют собственные военные команды. Разумеется, люди, в чьем послужном списке числятся только поражения в прошлой чеченской войне и сидение на Тереке, будут им просто не нужны.

Бросок к президентскому уху

Но даже если Путин и устоит против давления военных, жаждущих новых побед, то это отнюдь не означает, что операция по ликвидации бандформирований в горных районах республики не будет развернута уже завтра. Окончательное решение о наступлении на Грозный принимать будет не премьер, а все-таки президент.

Пока что Борис Николаевич находится в полусонном состоянии и практически отошел от дел, передав подчиненным управление страной. Но наиболее активные военные наверняка попытаются донести до президентского уха иной, отличный от путинского, план ликвидации террористов. Тем более что благодаря победным сводкам спецслужб из стана врага предложение пройти победным маршем по мятежной республике и взять реванш за прошлый позор не будет выглядеть пустым фантазерством. И тогда Борис Николаевич может очнуться, а очнувшись, скомандовать: «На штурм!»

Президенту, помнится, очень понравилось, как, уловив его желание хоть чем-то испортить натовцам праздник вступления в Косово, начальник Генерального штаба, не поставив в известность даже членов правительства, устроил бросок десантников из Боснии к приштинскому аэропорту. Борис Ельцин вполне может одобрить и вовремя подсунутый ему план броска на Грозный.

Последствия, правда, будут совершенно иными. Гладко выбритые натовские генералы предпочли просто подождать, пока русские поймут, что у них нет ни сил, ни возможностей для того, чтообы играть в миротворческой операции некую самостоятельную роль. Бородатые полевые командиры ждать не будут, и за авантюру придется расплачиваться солдатской кровью. ■

Пейзаж между битвами

В Дагестане опасаются, что, если армия загонит чеченских боевиков в горы, они снова вторгнутся в эту северокавказскую республику

ЭТОЙ ЖЕНЩИНЕ УЖЕ ВСЕ РАВНО, ПО ЧЬЕЙ ВИНЕ РАЗРУШЕН ЕЕ ДОМ — ФЕДЕРАЛОВ ИЛИ ВАХХАБИТОВ, ЖЕН КОТОРЫХ ТЕПЕРЬ ДОПРАШИВАЮТ ВОЕННЫЕ

Александр Рыклин
СИТО

НА БЛОКПОСТУ НЕПОДАЛЕКУ ОТ БУЙНАКСКА СТРОГОГО ВИДА молодой сержант самым тщательным образом изучил редакционные удостоверения, потом два раза перечитал выданную нам в Махачкале аккредитацию и принялся за багаж. Порылся в сумках, долго с любопытством вертел в руках фотоаппарат, объективы и наконец разрешил продолжить путь. До Ботлиха оставалось часа три мучительной езды по вконец раздолбанной гусеницами танков дороге. Наш водитель Омар (обладатель вполне свежих «Жигулей») не уставал на чем свет стоит крыть каждую колдобину, но в конце концов после нескольких пристрастных досмотров на блокпостах переключился на силовиков. «Чистая, слушай, показуха, — ворчал он, — днем-то они служаки — муха не пролетит. А вот ночью... В ту войну хоть вида не делали, что охраняют, — чеченцы ходили, где хотели. Правда, и мы к ним тогда, как к братьям относились. Теперь — нет. Теперь чеченцы — враги. Правда, все равно ходят. Что головой качаешь? Сейчас за гору заедем, сам увидишь».

Дорога сделалала очередную головокружительную петлю, и нашим взорам открылся чисто лермонтовский пейзаж: быстрая речка на дне глубокого ущелья, поросшие лесом горы и неизвестно как примостившееся на крутом склоне село. При въезде — маленький рыночек. Торгуют фруктами и домашними пирогами. Тут же расположился продавец бензина. Топливо разлито в десятилитровые стеклянные бутыли. На картонке надпись: «Аи 92 — 5. 50.». Цена существенно ниже, чем на бензоколонках. «Знаешь, почему в прозрачной посуде? — усмехается Омар. — Из канистры чеченский бензин только дурак купит. Качество по цвету узнаем. Парень, что торгует, — наш, аварец. Думаете, у него кто спрашивает, где он чеченский бензин берет». «Что, ребята, заправляться будем? — продавец улыбается нам, как старым знакомым, — не сомневайтесь, до Агвали вы лучшего бензина не найдете. Он вообще 95-й. Они там с технологией что-то напутали, и бензин вообще сумасшедшего качества получился. Три года торгую, такого не видел. Мне плохой нет смысла продавать, я тут постоянно сижу». На вопрос, откуда бензин получает, парень ответил просто: «Как откуда? На бензовозе привозят... Ах, вы про границу? Так это не мое дело. Мое дело — бензин продать». Мы двинулись дальше, и Омар бросил на меня многозначительный взгляд. «Сам подумай, до границы километров пятьдесят, а то и больше. Это сколько надо блокпостов проехать? А ты говоришь... Деньги — самый лучший пропуск».

Про дагестано-чеченскую границу мы говорили с заместителем председателя Конгресса народов Дагестана, журналистом и историком Али Алиевым. «Сегодня это для нас очень болезненный вопрос, — посетовал Али Минкаилович. — Когда боевиков загонят в горы — а лично у меня нет ни тени сомнения, что российские войска на Тереке не остановятся, — они опять попрут в Дагестан: им просто больше деться некуда. Другое дело — какую цену войскам придется платить за дальнейшее продвижение на юг.

Мне кажется, что сейчас у многих в России создалось обманчивое представление, что и дальше все пойдет как по маслу. Раз без боев вышли к Тереку, значит, так же легко и Грозный возьмем, и всю Чечню. Поверьте, это очень опасное

заблуждение. Я больше скажу — у чеченцев просто такая тактика. И не надо обманываться на счет местного населения, будто оно только и ждет русских. Все эти чеченские главы местных администраций ведут переговоры с российскими военными, потому что им так велели полевые командиры. А как иначе — им что, своя жизнь недорога или жизнь их семей? А что касается границы... Ну, во-первых, она перекрыта далеко не везде надежно. Если взять, скажем, Цумадинский или Ботлихский районы, то там горы, а в горах тропы. А во-вторых, остается проблема взяток... На днях при мне двое водителей спорили, кто больше берет — милиция или военные.

За примерами далеко ходить не надо. Скажем, события в Карамахи и Чабанмахи. Что, может, главарей ваххабитов арестовали? Нет. Они спокойно ушли. А куда? Одному Аллаху известно. Может, в Грузию, а может, в Чечню. Скорее, конечно, — в Чечню. В любом случае — не меньше ста километров до любой границы. А если можно пройти в одну сторону, значит, можно и в другую. Так где же гарантия, что завтра отряд Басаева не объявится где-нибудь в пригороде Махачкалы? Спрашивается тогда: какая же это борьба с терроризмом и чего ради уничтожили богатые села?»

После победы

Найти водителя, который бы согласился отвезти корреспондентов «Итогов» в Кадарское ущелье, где недавно шли кровопролитные бои с применением тяжелой техники и авиации, оказалось непростым делом. Даже наш верный Омар ехать отказался: «К этим ваххабистам (так в Дагестане называют ваххабитов. — **«Итоги»**) соваться не хочется». Уже на месте мы поняли, что опасения дагестанских води-

телей ненапрасны — по ночам здесь еще постреливают.

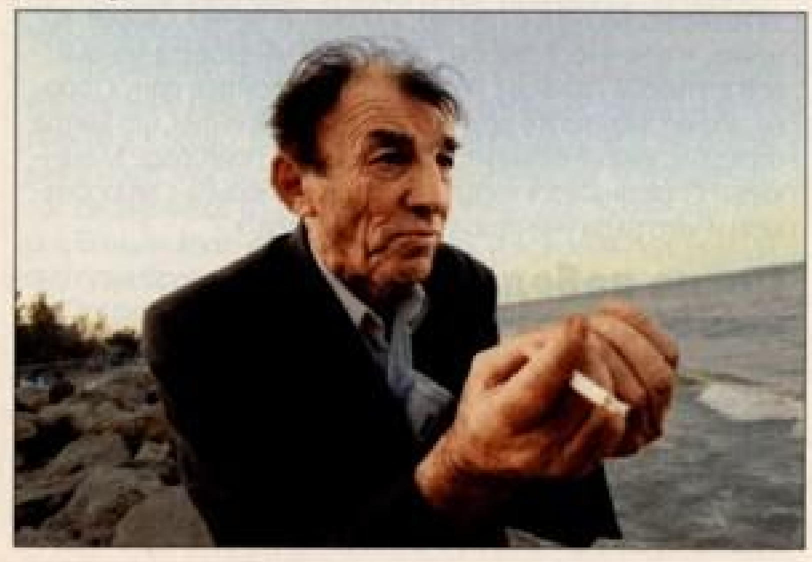
Село Карамахи раскинулось на широком плато. Дома не жмутся один к другому. Приусадебные участки большие, везде сады, огороды. Правда, и от домов, и от садов мало что осталось — снарядов и бомб для борьбы с исламским фундаментализмом федералы не пожалели.

Залетдину Салимову повезло — снаряд не полностью разрушил его дом, а только пробил в стене здоровенную дыру. Когда мы подошли, вся семья трудилась над тем, чтобы эту дыру как-то заделать. Хозяин без особого желания согласился ненадолго оторваться от работы. «Мирных жителей никого в селах не было, когда бомбили. Только ваххабисты — их в селе человек триста, не больше (всего в Карамахи около двух тысяч жителей. — **«Итоги»**) — рассказал Залетдин, — нас пустили только дня через три после того, как войска вошли. Одна беда — стена пробита, а другая... В общем, вернулись, а дом пустой — украли все. Телевизор с видеомагнитофоном в той комнате стояли, которая цела осталась. Ковры по стенам висели. Теперь ничего нет. Тут у нас в первый день генерал один ходил. Жена к нему пошла жаловаться. Так он ей знаете, что ответил? Сказал, теперь такие снаряды делают, что в одну комнату снаряд попадает, а в соседних все в пар превращается. Мы вот и думаем, почему ж тогда детские игрушки целыми остались?»

Про то, что силовики занимались в селе грабежами, в Карамахи говорят все. «Скот, понятное дело, весь съели, — это уже рассказ другого карамахинца Тагира Алибекова, — питаться же и военным надо, и милиции. Так они ж еще и все вещи потаскали, мебель, которая целая осталась. Говорят, грузовиками и бронетранспортерами вывозили. У них это называется — зачистка». «До смешного, слушай, доходит, — вмешался в разговор сосед Тагира. — У нас есть свой глава администрации. Зовут его Ибадулла Мукаев. Так вот у него солдаты телевизор унесли. Он к ним пошел. Просит: «Ребята, отдайте телевизор». Они говорят: «Гони полторы тысячи». Он заплатил. Так что ты думаешь? На следующую ночь опять украли». С самим Мукаевым переговорить не удалось — он в тот день уехал в Буйнакск. Узнать, что об этом думают военные, расположившиеся лагерем возле въезда в село, тоже не получилось. Они, ссылаясь на запрет начальства, говорить с журналистами отказались. Зато двое милиционеров из Каспийска, хоть и не захотели называть свои имена, все нам про исчезнувшее имущество рассказали. Его, оказывается, ваххабиты с собой в горы прихватили. А потом, понятное дело, в Чечню.

Беседа эта велась возле карамахинского отделения милиции. Там в тот момент допрашивали жену ваххабита. Женщина твердила, что не знает, где ее муж — то ли убили, то ли в горы ушел. «А сами вы ваххабитка?» — спросил следователь. «Нет, я мусульманка». — ответила женщина. «Зря вы так, — голос следователя звучал почти что ласково, — вот, например, когда меня спрашивают, я всегда честно говорю, что христианин. А вы раз мусульманка, значит, ваххабитка». ■

Фото **Руслана Ямалова**

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОНГРЕССА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА АЛИ АЛИЕВ СЧИТАЕТ, ЧТО **МОСКВА ЗРЯ НАДЕЕТСЯ ЗАВОЕВАТЬ ЧЕЧНЮ МАЛОЙ КРОВЬЮ**

Самоцензура

Российское общество больше не хочет быть объективным по отношению к Чечне и чеченцам

Галина Ковальская

ШОРЫ

НИКОГДА ЕЩЕ СО ВРЕМЕН ПОЯВЛЕНИЯ В РОССИИ СВОБОДЫ слова пресса не оказывала властям такую дружную поддержку, как в ходе нынешней чеченской войны. Каждое слово премьера, даже произнесенная на фене фраза («мочить в сортире») или явно неуместная цитата («я тебя поцелую... потом... если захочешь»), выданная в ответ на вопрос об отношении с чеченской легитимной властью, комментируются с полным сочувствием. Главными героями первополосных новостей стали генералы, которые еще три года назад были антигероями. Шаманов, Квашнин, Трошин «прославились» во времена прежней чеченской кампании — канал НТВ называл их «бездарными и безжалостными генералами», а их высказывания телеведущие богато иллюстрировали картинками, напрочь эти высказывания опровергавшими. Сегодня они — главные и почти единственные ньюсмейкеры. Репортеры смотрят им в рот и с удовольствием кушают даже очевидные несуразности. К примеру, генерал Трошин объявляет корреспонденту, что чеченцы встречают его армию хлебом-солью, а через несколько фраз грозит камня на камне не оставить от того дома, из которого выстрелят солдату в спину. И корреспондент не спрашивает, с чего это вдруг люди, встречающие солдат хлебом-солью, станут стрелять им в спину.

В 1994 — 1996 годах военным действиям в Чечне сочувствовал, пожалуй, лишь один телеканал — ОРТ, чей владелец был весьма близок к тогдашнему президентскому окружению. Зато НТВ с яркими репортажами Елены Масюк, Сергея Гапонова и других, показывавших ужасы и бессмысленность той войны, именно тогда завоевал себе славу самого профессионального и по-настоящему независимого телеканала. Да и государственное РТР в целом занимало антивоенную позицию. Что до газет и журналов — не было практически ни одного сколько-нибудь солидного издания, которое бы одобряло действия федералов в Чечне. Журналистов-«ястребов» были единицы. Сегодня трудно назвать влиятельный печатный орган или припомнить журналиста, который бы выступал против новой войны, разгорающейся на Северном Кавказе. Газета «Коммерсант» на первой полосе приветствовала начало бомбардировок такими словами: «Россия больше не намерена капитулировать перед Чечней, а все переговоры будет вести на единственно понятном ей языке силы... Правда, не обошлось без жертв среди мирного населения. Зато это несколько остудило воинственный пыл чеченского руководства». Этот тон приняли практически все издания и телеканалы: о жертвах среди мирного населения — мимоходом, через запятую, а в центре внимания — наступление армии.

Чеченская община в Москве сообщила, что разбомбили школу в Старой Сунже. Телевидение промолчало: у него источник — военные, а они твердят, что ни один гражданский объект не пострадал. Главком ВВС вообще договорился до того, что если и попали в кого гражданского, то нечего им было лезть туда, куда летчики бомбы кидают. «Известия» откликнулись на сообщения чеченцев о том, что в школе погибли в том числе и дети, пространной статьей, в которой утверждалось, что в школьном здании Басаев варил героин.

В ТУ ПЕРВУЮ ВОЙНУ КОРРЕСПОНДЕНТЫ, РАБОТАВШИЕ В ЧЕЧНЕ (ВВЕРХУ), БОЯЛИСЬ ТОЛЬКО ПУЛЬ. НО КОГДА УЖЕ В МИРНОЕ ВРЕМЯ НАЧАЛИСЬ ЗАХВАТЫ ЗАЛОЖНИКОВ, **БОЛЬШИНСТВО РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ АГЕНТСТВ И ИЗДАНИЙ НАНИМАЛИ ДЛЯ РАБОТЫ В РЕСПУБЛИКЕ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ** (СЛЕВА). СЕЙЧАС **ВЛАСТИ ГРОЗНОГО ЗАЗЫВАЮТ ЗАПАДНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ** ПОД ЛИЧНЫЕ ГАРАНТИИ ПРЕЗИДЕНТА МАСХАДОВА **И ВОЗЯТ ИХ ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ.** НО ПОД ОХРАНОЙ ПОЛНОЦЕННОЙ РАБОТЫ НЕ БЫВАЕТ

Как мы обиделись

Прошлую кампанию профессиональные журналисты старались освещать объемно, с разных сторон: вот так события видят генералы, вот так — боевики, вот взгляд на происходящее мирных жителей, русских и чеченских обитателей Грозного, крестьян Шатойского или Гудермесского районов, а вот как все это выглядит: руины, похороны, ополчение... Поскольку страдающей стороной неизменно оказывалось именно невоюющее население и страдало оно прежде всего от действий российских войск, позиция прессы получалась в общем «прочеченской». Даже события в Буденновске, даже Шамиль Басаев выглядели тогда в отечественных масс-медиа неоднозначно: корреспонденты, работавшие в Чечне, старались объяснить российским гражданам, что для жителей Шали или Грозного большой разницы между захватом буденновской больницы и бомбардировкой шалинской или грозненской не было.

Сейчас чеченская сторона в СМИ не представлена никак. Мы не видим последствий бомбардировок, не знаем, что за люди собираются сражаться с российскими войсками, не можем даже приблизительно оценить последствия военных действий. Российские генералы и политики рассказывают с телеэкранов, как надоели боевики простым чеченцам, но самих чеченцев в кадре нет. Не так давно всерьез обсуждали, корректно ли «давать эфир врагу», Басаеву и Хаттабу, в итоге отлучены от эфира оказались все жители Чечни. Показывают разве что беженцев, и то больше плачущих, чем говорящих. Журналист на словах описывает, как происходила «зачистка» села, — и никакого видеоряда. Если в кадре генерал Шаманов с чеченскими старейшинами, то говорит Шаманов, а старейшины слушают.

СУДЬБА КОРРЕСПОНДЕНТА **ЕЛЕНЫ МАСЮК** (НТВ), (СЛЕВА), СОТРУДНИКА ВЕРХОВНОГО КОМИССАРИАТА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ **ВИНСЕНТА КОШТЕЛЯ**, ЖУРНАЛИСТОВ **ЛЬВА ЗЕЛЬТЦЕРА, ЮРИЯ АРХИПОВА, НИКОЛАЯ МАМУЛАШВИЛИ, НИКОЛАЯ ЗАГНОЙКО** (РТР), А ТАКЖЕ СОТЕН ДРУГИХ ЗАЛОЖНИКОВ, МНОГИЕ МЕСЯЦЫ ПРОВЕДШИХ В ПЛЕНУ, НАДОЛГО ОТБИЛА У РЕПОРТЕРОВ ОХОТУ ЕЗДИТЬ В ЧЕЧНЮ

Как только кто-то пытается вставить слово, видеозапись обрывается. Министр по делам национальностей Михайлов между делом упомянул, что Масхадов осудил теракты в Москве и терроризм как таковой. Но никаких подробностей этого, прямо скажем, важнейшего заявления мы так и не узнали. Неясно даже, когда и при каких обстоятельствах оно было сделано.

Такая перемена позиции объяснима. Журналисты больше не могут работать в Чечне так, как работали в 1994–1996-м. Свободно путешествовать по территории мятежной республики теперь нельзя. Слишком велика вероятность попасть в заложники. Горячая точка есть горячая точка, но все же одно дело бомбежка или обстрел и другое – оказаться в положении дичи, за которой охотятся, чтобы потом подороже продать. Чеченцы оказались по собственной вине отрезаны от мира, и теперь им приходится заново завоевывать внимание прессы. Правда, их усилия направлены пока исключительно на Запад. За последнее время чеченские власти наладили доставку в Чечню западных журналистов под охраной и под личные гарантии Масхадова. Но работа под охраной, российской ли, чеченской, не может дать полноценную картину происходящего.

Российские журналисты крепко обиделись на чеченцев. Они, конечно, понимают, что людей воруют конкретные бандиты и обижаться на весь народ глупо, но довольно вялая (по их мнению, ждали-то всенародного взрыва негодования) реакция чеченских лидеров на издевательства над коллегами показалась оскорбительной неблагодарностью. И обида-то получается не вздорная. Чеченские власти три года беспомощно разводили руками в ответ на требования пресечь похищения людей, а теперь, когда снова началась война, готовы давать журналистам гарантии безопасности.

Правда и истина

Российские военные очень озабочены тем, чтобы информация о ходе военных действий попадала в СМИ исключительно в отфильтрованном виде. После 96-го года генералы столько раз повторяли, что проиграли войну главным образом из-за «предательства журналистов», что сами в это поверили. Теперь они намерены строить «информационную политику», основываясь на «мировом опыте» (понимай, косовском) – так, как они этот опыт понимают. В зону боевых действий пускают лишь аккредитованных, проверенных, преимущественно из государственных СМИ, но и им слова лишнего стараются не сказать. Даже специальный орган создали, Росинформцентр, для процеживания информации. В войну 94 – 96-го генералы были тоже не особенно разговорчивы и гнали взашей неаккредитованных журналистов. Но тогда это вызывало возмущение и у журналистов, и у читателей-зрителей, теперь – понимание, даже одобрение. Никого не возмутили характерные рассуждения фактического главы новообразованного Информцентра Михаила Маргелова о «правде факта», которая еще не есть «истина». Дескать, если бы хроника времен Великой Отечественной показывала трупы и ужасы войны, это была бы правда факта, но не истина. Еще пару месяцев назад чиновника, позволившего себе произнести с экрана такое, журналисты в порошок бы стерли. Теперь такие вещи позволены.

Но главное, что отличает нынешнюю информационную ситуацию от ситуации времен прошлой военной кампании, главное, что развязывает руки ненавоевавшимся генералам и давит на журналистов, и без того оскорбленных чеченской неблагодарностью, – настроения в обществе. В ту войну слава русского оружия мало кого заботила. Большинство предпочло бы оставить эту чертову Чечню в покое – не то чтобы отделить, но не воевать. Сейчас господствует убеждение, что из этого «оставить в покое» ничего не вышло. «Покой» обернулся похищением людей, нападениями на воинские части, рейдами в Дагестан и взрывами в Москве, которые все приписывают Басаеву и Хаттабу.

Российские граждане не хотят больше слышать о страдающих от бомбежек мирных чеченцах: если нет иного решения, зачем зря травить себе душу? Возможности отлученной от информации прессы совпали с потребностями общества: журналисты не могут давать объемную картину, а читатели и телезрители видеть ее не хотят. Интерес к чеченским настроениям присутствует лишь в связи с перспективой партизанской войны: не будут ли стрелять в спину нашим солдатам? Хотя вообще-то знание чеченских настроений пригодилось бы и при выработке политических решений, на переговорах, которые, может быть, когда-нибудь все же начнутся.

В 94–96-м на телеэкранах то и дело возникали солдаты и младшие офицеры, тоскливо вопрошавшие: «Зачем мы здесь? За что мы воюем?» Обозреватели, ведущие аналитических программ и аналитики тоже в один голос говорили о бесцельности и бессмысленности войны. Сегодня телесолдаты твердо знают, что воюют за Россию и против бандитов, и уверенно провозглашают это с телеэкранов. Никто из властителей дум ни разу не задал властям вопроса о цели войны. Между тем она до крайности расплывчата. Казалось бы, когда затевается война, граждане, а стало быть, и журналисты, должны поинтересоваться: в какой момент войну можно считать выигранной? В весенней операции НАТО, к примеру, было ясно, когда сербские войска уйдут из Косово. А у нас что? Пока не предъявим народу головы Басаева и Хаттаба? Пока не установим в Чечне очередное марионеточное правительство? На эти вопросы у политического и тем более военного руководства России сегодня ответов нет. Впрочем, их об этом и не спрашивают. Властям и генералам выдан небывалый и совершенно незаслуженный ими кредит общественного доверия. СМИ всячески это доверие укрепляют и поддерживают. Странная, непривычная и тревожная картина.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

На танке в XXI век

Чеченская война — ступень в обретении страной своего нового лица

Владимир Мау

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Новая чеченская кампания – явление многоаспектное и сложное. Однако одно вполне очевидно: ее ход и результаты окажут важнейшее, если не решающее воздействие на облик России XXI столетия. Политические институты и экономические механизмы, сложившиеся к настоящему времени, проходят проверку на прочность и адаптивность, это же можно сказать о политиках и их командах. При всей важности посткоммунистических реформ последнего десятилетия они оказываются лишь ступенью в обретении страной своего нового лица, поэтому так важно обратить внимание на экономические аспекты событий в Чечне.

Иногда обращают внимание на бюджетный аспект: выдержит ли российский бюджет дополнительное бремя расходов? Даже с чисто фискальной точки зрения эту проблему вряд ли стоит преувеличивать. Боевые действия ведутся с применением обычных видов вооружений, запасы которых, насколько можно понять, значительны. Жалованье же задействованных в боевых действиях частей даже из расчета 1000 долларов на рядового (что на самом деле не так, поскольку платят только за непосредственное участие в боевых операциях) не является для нашего бюджета величиной неподъемной. Словом, чеченские события если и представляют угрозу для бюджета и устойчивости национальной валюты, то уж определенно меньшую, чем недополучение средств МВФ и дальнейшие выплаты долгов за счет резервов Центробанка.

Однако помимо чисто фискальной стороны у проблемы есть еще по крайней мере два экономических (точнее, политэкономических) аспекта. Боевые действия, к которым страна относится серьезно и с пониманием, могут стать важнейшим фактором перетряски сложившихся групп интересов, а проще говоря, лоббистов. Руководство страны, ведущей успешные боевые действия, имеет гораздо больше возможностей (и моральных, и материальных) потребовать перераспределения финансовых потоков. Сперва в пользу армии, а потом и в более широком плане. Первое мы уже наблюдаем: именно потребности национальной обороны помогли Согласительной комиссии добиться компромисса в споре насчет бюджета Дорожного фонда (его хотели урезать, но в результате оставили прежним с условием, что разница — то есть неурезанная часть — пойдет на оборонные нужды) и по вопросу соотношения федеральной и региональной составляющих всего федерального бюджета.

Эти решения важны не сами по себе, а как начало перераспределения финансовых потоков. Правда, остается главная проблема: будет ли новый баланс сил более эффективным с экономической и политической точек зрения? Иными словами, будут ли средства использованы в интересах обретения большей политической стабильности и экономического роста? Такое развитие событий отнюдь не исключено в случае консолидации политической элиты, что означало бы возникновение консенсуса по базовым социально-политическим целям и, как естественное тому следствие, реальное укрепление государства. С чисто же технической точки зрения у государства есть финансовые ресурсы, которые могли бы быть перераспределены более рационально.

Эти вопросы тем более имеют смысл, что военные действия могут не только потреблять бюджетные средства. Война не всегда сопровождается разрушением национальной экономики. Разруха сопровождает войны, которые ведет неумелое политическое руководство при неумелом военном командовании. В ином случае война на чужой территории (неважно, врага или союзника) может стать катализатором экономического развития.

Российская политическая элита во главе с премьер-министром Путиным, конечно, утверждает, что боевые действия в Чечне ведутся на российской территории. Однако здравый смысл все-таки плохо мирится с таким утверждением. На данный момент Чечня — это территория с враждебным России политическим режимом. Конечно, населению этой республики должно оказывать гуманитарную помощь, но это вообще характерно для цивилизованных стран во взаимоотношениях с мирными гражданами на территории противника.

Итак, боевые действия остаются локализованными, а необходимые для экономического роста процессы консолидации нации после взрывов в Москве получили импульс (увы, связанный с трагедией, но все-таки импульс). В таких условиях рост военных заказов может стать дополнительным и весьма существенным фактором экономического роста. Военный заказ — это не угольные субсидии и не аграрные дотации, которые проваливаются как в черную дыру и которые, даже дойдя до конечного получателя, оказывают минимальное стимулирующее воздействие на экономику. Военный заказ имеет досточно ограниченный круг получателей, что позволяет обеспечить более жесткую дисциплину в расходовании средств. А выделяемые на закупку вооружений деньги широким веером расходятся по десяткам и сотням других предприятий России — многочисленных партнеров и смежников — и через спрос работников попадают на предприятия, выпускающие потребительские товары.

Прошу понять меня правильно. Я вовсе не за бездумную накачку ВПК деньгами, как это имело место в славном советском прошлом. Однако следует иметь в виду, что расходование бюджетных средств имеет различную эффективность с точки зрения влияния на рост, и ВПК является довольно эффективной сферой приложения ресурсов. В разумных масштабах, разумеется. И под жестким контролем бюджета (который в условиях боевых действий также выглядит гораздо более естественным и приемлемым для экономических агентов). Еще раз повторю: для реализации позитивного сценария нужна консолидация власти и способность проявить политическую волю. Последние события показывают, что мы можем питать осторожную надежду на появление такой воли. За чем, в свою очередь, может последовать очень интересный поворот в развитии политических событий. Но это стоит отдельного разговора.

Владимир Мау — руководитель Рабочего центра экономических реформ

Закон — dura, но это закон

У властей появились наконец механизмы, позволяющие хотя бы частично отфильтровать поток претендентов на думские мандаты. Осталось эти механизмы отладить

Дмитрий Хитаров

ПЕРВЫЕ

Призывы к «честным и чистым» выборам и гневные тирады о «недопустимости проникновения криминала во власть», доносившиеся из Кремля и Белого дома, до последнего времени вызывали у основной массы политобразованных граждан лишь иронические ухмылки и смешки. Однако на прошлой неделе, после того как Центральная избирательная комиссия отказалась зарегистрировать общефедеральный список ЛДПР, вдруг стало окончательно ясно, что у властей действительно появились механизмы, позволяющие хотя бы частично отфильтровать «кандидатопоток». Существенно, что механизмы эти — законные.

Primus inter pares

«Первым среди равных» вкусило всех прелестей нового закона «О выборах депутатов ГД» лужковско-примаковское движение «Отечество — Вся Россия», регистрация федерального списка которого была перенесена Центризбиркомом на несколько дней. Как объяснил тогда председатель ЦИК Александр Вешняков, «у ГИБДД есть замечания по некоторым кандидатам». Поначалу дотошные разыскания, посвященные судьбе проданных «по доверенности», сгнивших на помойках от старости и списанных по аварии автомобилей, которые часть кандидатов от ОВР забыли или не сочли нужным указать в справках об имуществе, представлялись не более чем забавным казусом. Однако ощущение это длилось ровно до тех пор, пока не стало ясно, что из-за такой нелепицы движение может быть снято с дистанции. Дело в том, что по новому закону «О выборах депутатов ГД» выбытие из списка хотя бы одного кандидата из первой тройки влечет за собой дисквалификацию всего объединения, а в случае с «Отечеством» претензии были, в частности, к Евгению Примакову, возглавляющему список. В итоге для ОВР все закончилось хорошо: дав поблажку первопроходцам, ЦИК настоял на исключении всего нескольких «всероссийских» кандидатов, а остальным «соотечественникам» дал три дня на приведение документов в соответствие с требованиями закона.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦИК АЛЕКСАНДР ВЕШНЯКОВ ДОКАЗАЛ, ЧТО МОЖЕТ ПРЕГРАДИТЬ ПУТЬ НЕДОБРОСОВЕСТНЫМ ПРЕТЕНДЕНТАМ НА ДУМСКИЕ МАНДАТЫ

Владимиру Жириновскому и его Либерально-демократической партии повезло меньше. Включая в партийный список объявленного во всероссийский розыск красноярского предпринимателя Анатолия Быкова, Сергея Михайлова, чаще именуемого в прессе Михасем, и Дмитрия Якубовского с неснятой судимостью, Владимир Вольфович, безусловно, рассчитывал на скандал. Но, вне всякого сомнения, он не ожидал, что с ним обойдутся так круто. Претензии по части достоверности ▶

представленных данных были предъявлены 86 кандидатам-жириновцам. 54 из них, включая самого Жириновского, не указали в справках наличие транспортных средств (от стареньких «Жигулей» до трех новеньких «Мерседесов»), четверо занизили годовой доход (были и такие, кто не указал доход вовсе), один кандидат не упомянул квартиру. Кроме того, не удалось установить местожительство 27 фигурантов элдэпээровского списка и получить подтверждение наличия у них российского гражданства.

Узнав еще накануне заседания, что избирком намерен отказать в регистрации ЛДПР, Владимир Вольфович сам запросил отсрочки для «корректировки списка». Однако комиссия сочла, что «причин для того, чтобы не рассматривать вопрос, нет». К концу разбирательства из списка ЛДПР в две с половиной сотни персон были исключены лишь 35 либерал-демократов (по закону для снятия объединения с выборов из его состава должно быть исключено 25 процентов кандидатов), однако, на беду, двое из них — Анатолий Быков и Михаил Мусатов — входили в первую элдэпээровскую тройку, а, как уже было сказано выше, для дисквалификации хватило бы и одной красной карточки. Как ни старался Владимир Вольфович, его темперамента и красноречия не хватило на то, чтобы переубедить высокую комиссию, и на пути ЛДПР в Думу опустился шлагбаум.

ПОСЛЕ ТОГО КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ОТКАЗАЛАСЬ ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ СПИСОК ЛДПР, ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ БЫЛ ВЫНУЖДЕН НАЧАТЬ ВСЮ КАМПАНИЮ С НУЛЯ. ДВИЖЕНИЕ «ОТЕЧЕСТВО — ВСЯ РОССИЯ» И ЗЮГАНОВСКАЯ КОМПАРТИЯ ОТДЕЛАЛИСЬ ЛЕГКИМ ИСПУГОМ — ИМ ПРИШЛОСЬ ВЫЧЕРКНУТЬ ЛИШЬ ПО НЕСКОЛЬКУ КАНДИДАТОВ

Жириновский был явно растерян. Он жаловался журналистам, что ничего не понимает, что все правоохранительные органы он еще накануне «поставил на уши», дабы исключить возможность подобных проколов, что, наконец, он чуть ли не единственный, кто всегда поддерживал официальные власти. Смириться с мыслью, что Кремлю и правительству он больше не нужен — а именно так, и никак иначе, расценил поведение Центризбиркома Владимир Вольфович, — вождю ЛДПР было нелегко.

Не исключено, что предположение Жириновского и верно. В Кремле, судя по всему, окончательно уверовали в «проходимость» движения «Единство», — в формировании которого принимала активное участие президентская администрация, — и вполне могли убедить самих себя в том, что к услугам ЛДПР им впредь прибегать не придется. Хотя вполне реалистично выглядит и другое объяснение: понимая, что ЛДПР пройдет в Думу при любом раскладе, власти решили Владимира Вольфовича немного окоротить, чтобы не зарывался и не мнил себя «фигурой, равной Черчиллю».

Мало того что лидера либерал-демократов наказали рублем — избирательный залог (около 2 млн. рублей), внесенный его партией, возвращен не будет. Но теперь Жириновскому пришлось начинать всю кампанию с нуля — проводить новый съезд, создавать новый блок на базе «Партии духовного возрождения России», возглавляемой его супругой, составлять новый список и так далее.

Практически все — политики, журналисты, да и так называемые простые граждане — убеждены, что в новой Думе без Владимира Вольфовича не обойдется. Лидер коммунистов Геннадий Зюганов, например, уверен, что «Жириновский позарез нужен Кремлю, и есть могущественные силы, которые его обязательно протолкнут». Однако у председателя ЦИК Александра Вешнякова есть большие сомнения в том, что ЛДПР, а точнее, уже «Блок Жириновского» успеет полностью исполнить необходимый ритуал.

Cui bono?

Главный вопрос, который возникает в сложившейся ситуации: в чьих интересах? Или, как говорили древние римляне: cui bono? Вроде бы в наших, то есть избирателей.

Конечно, нетрадиционные методы борьбы с криминалом подчас оказываются эффективнее традиционных. Достаточно вспомнить историю ареста Аль-Капоне, который виртуозно уходил от обвинений в причастности к тяжким преступлениям и бездарно засыпался на уклонении от уплаты налогов. Судя по всему, именно этот пример вдохновлял российских законодателей — основная часть нововведений в избирательном законодательстве, направленных на «недопущение криминала во власть», связана с доходно-налогово-имущественными проверками.

Нельзя не заметить, что, добиваясь «чистоты и честности» от будущих народных избранников, власти попутно проверяют законодательство на «дырявость». Например, начальник ГИБДД Владимир Федоров уже заявил о необходимости принятия закона об обязательном страховании гражданской ответственности, который «мгновенно ликвидирует институт доверенности, ставший завуалированной формой продажи автомобилей». Как уже писали «Итоги», широко применяющаяся система передачи машин «по генеральной доверенности» позволяет избежать уплаты соответствующего налога и ощутимо сокращает затраты на переоформление. Кроме того, предвыборные «показательные процессы» развеивают у обывателя всякие надежды на поблажку: «если уж Жириновского прижали, со мной-то уж точно никто церемониться не будет».

Единственное, что смущает, так это своего рода «двойной стандарт», который получил возможность применять Центризбирком, прикрываясь объявленной Кремлем борьбой с криминалом. Вопрос, заданный Владимиром Жириновским: «Почему Лужкову с Примаковым дали несколько дней на корректировку списка, а нам — нет?» — звучит вполне обоснованно. Подозревать Центризбирком в злонамеренности не хотелось бы, вряд ли члены комиссии рискнули бы столь явно демонстрировать свои политические симпатии и антипатии. Но исключить вероятность того, что главное избирательное ведомство, пусть и неосознанно, проведет «предварительные выборы» за нас, нельзя.

Еще раз повторим: никто не оспаривает необходимости строгой проверки «чистоты» кандидатов на выборные должности, в данном случае будущих парламентариев. Готовы даже допустить, что неожиданность столь буквального применения нового закона «О выборах депутатов ГД» дает сугубый положительный эффект. Но очень бы хотелось, чтобы суровый закон — dura lex — был суров для всех одинаково. ■

Свободу «бобрам»?

Больше года заняла подготовка законодательной почвы для выпуска облигаций Банка России, призванных «оттянуть» свободные рубли с валютного рынка. В битве за новый финансовый инструмент поучаствовал даже МВФ

Борис Сафронов
ПО ВТОРОМУ КРУГУ

Когда 17 августа прошлого года рухнула пирамида ГКО, российский рынок лишился чрезвычайно нужного инструмента. Ведь ГКО не только привлекали деньги в бюджет, но и выполняли ряд очень важных функций. Они служили залогом при получении кредита и задавали своей доходностью уровень процентных ставок на рынке, позволяя инвесторам оценивать эффективность своих вложений. Для банков ГКО были удобным инструментом для поддержания ликвидности: чтобы удовлетворять требования клиентов, банку всегда нужно иметь «под рукой» какие-то деньги. ГКО отлично подходили для этой роли: их можно было в любой момент продать. Кроме того, ГКО отвлекали часть рублей с валютного рынка: те деньги, что могли пойти на покупку валюты, шли на покупку государственных облигаций, что позволяло удерживать курс рубля от резких колебаний.

И вот ГКО не стало. Власти стали срочно искать им замену. В результате уже в сентябре прошлого года появились первые бескупонные облигации Банка России (ОБР), или попросту «бобры». При внешнем сходстве с ГКО «бобры» все же существенно от них отличались. Если ГКО служили прежде всего для финансирования дефицита бюджета, ОБР задумывались как инструмент кредитно-денежной политики ЦБ. ГКО выпускал Минфин, «бобры» — Центробанк. В ГКО играла практически вся страна, облигации ЦБ предназначались исключительно для банков. Но в одном сходство облигаций очевидно — и те, и другие были призваны оттягивать часть рублей с валютного рынка, поддерживая тем самым стабильность курса рубля.

Спрос на новые ценные бумаги был предопределен ситуацией на финансовом рынке. Переводить абсолютно все деньги в валюту банкам экономически нецелесообразно — усилиями ЦБ курс доллара зачастую снижается на протяжении нескольких недель, так что вложения в валюту могут не только не дать сверхприбыли, но и принести прямые убытки. Да и нормативы ЦБ запрещают держать все активы в иностранной валюте. «Бобры», обеспечивающие 30—40-процентную доходность и погашавшиеся в течение двух-трех месяцев, несмотря на возможные риски, служили альтернативой. Довольно быстро новые облигации ЦБ завоевали популярность, заменив финансовому рынку «замороженные» ГКО. До конца прошлого года Центробанк выпустил 12 серий «бобров», правда, 13-й серии бумаг рынок ждет и по сей день.

Незаконнорожденные

Первая же серия ОБР была встречена в штыки Федеральной комиссией по ценным бумагам и фондовому рынку (ФКЦБ), которая заявила, что ЦБ нарушает закон. Дело в том, что по ГК ЦБ не имел права выпускать облигации, проспекты их эмиссии (где фиксируются условия выпуска и информация об эмитенте) не проходили регистрацию в ФКЦБ, как это положено при выпуске облигаций. Требование регистрации, содержащееся в законе «О рынке ценных бумаг», необходимо, в частности, для того, чтобы оградить инвесторов от финансовых пирамид и других махинаций: инвестор должен иметь возможность узнать, кто выпускает ценные бумаги, которые он хочет купить, и быть уверенным, что приведенные сведения соответствуют действительности.

Позицию ФКЦБ по поводу прошлогодней ситуации с «бобрами» изложил «Итогам» зампред комиссии Александр Колесников: «Если бы кому-то вдруг пришло в голову обратиться в суд, целые цепочки сделок могли быть признаны недействительными. Помимо явного нарушения законодательства налицо колоссальный конфликт интересов: ЦБ и разрабатывал правила обращения облигаций, и определял круг их владельцев, и регистрировал эмиссии, и осуществлял выпуск, и являлся участником рынка этих бумаг». По идее Центробанк должен подавать пример остальным, соблюдая закон, но не тут-то было. Он сосредоточил в собственных руках прак- ▶

тически все полномочия по отношению к «бобрам», что сделало новые облигации похожими на ГКО в самом нежелательном смысле. ГКО выпускал государственный орган (Минфин) в соответствии с постановлением правительства, подразделением которого Минфин и является. Правда, предельный объем эмиссии утверждался законом о бюджете. Но, как показало время, это слишком слабая гарантия надежности инвестиций. Да и ситуация на финансовом рынке изменилась. По мнению Александра Колесникова, «ГКО начали выпускать в 1993 году, когда законодательная база была совсем слабая. Например, законов о рынке ценных бумаг и о защите прав инвесторов не было и в помине. Сейчас другое время, другие законы, другой рынок».

До поры до времени ни ЦБ, ни банкиры не обращали внимания на замечания ФКЦБ: торговля сомнительным финансовым инструментом продолжалась. Как выразился тогда один известный банкир, «ЦБ их незаконно родил, незаконно и погасит» — после 17 августа Центробанку доверяли куда больше правительства, которое, напомним, тогда считалось антирыночным.

Но в декабре прошлого года грянул гром. Комиссия перешла от слов к делу и приостановила действие генеральной лицензии, которую ранее выдала Центробанку. В союзниках ФКЦБ оказались Минюст и Генпрокуратура, и Центробанк был вынужден отступить. Выпуск «бобров» прекратился.

В пику

Будь на месте ЦБ и ФКЦБ другие ведомства, конфликт наверняка был бы быстро улажен. Но в битве за «бобры» сошлись заклятые враги, чей концептуальный спор о том, каким быть фондовому рынку в России, длится уже не первый год.

Третейский суд в лице правительственной комиссии по вопросам финансовой и кредитно-денежной политики подтвердил справедливость претензий ФКЦБ, одновременно признав выпуск ОБР целесообразным. Тогда правительство решило взять быка за рога и внести в законы необходимые изменения, позволяющие ЦБ выпускать облигации. Для этого нужно было поправить закон о Центробанке и о рынке ценных бумаг. Поначалу депутаты поправки прокатили. Затем передумали и утвердили.

Пока шли споры, у банков копились свободные средства. Остатки на корсчетах банков в ЦБ достигли 50 млрд. рублей, еще десятки миллиардов лежали в ЦБ на депозитах. Эта огромная рублевая масса нависала над валютным рынком, угрожая в один черный день превратиться в спрос на доллары и обрушить курс рубля в тартарары. Тут вмешался МВФ, поставивший выпуск ОБР одним из условий предоставления кредита. Магическое заклинание «кредит МВФ» подействовало, и президент подписал поправки.

Но и это еще не все. По новому закону порядок эмиссии ОБР утверждает правительство. Но первоначальный проект соответствующего постановления, подготовленный Центробанком и Минфином, снова не включил в себя требования регистрации ни решения о выпуске, ни проспекта эмиссии, ни отчета об итогах размещения ОБР. А без государственной регистрации этих документов, отмечается в заключении Минюста, никто не может гарантировать соответствие условий эмиссии и обращения ОБР законодательству РФ о ценных бумагах. Неудивительно, что Минюст и ФКЦБ, кстати, также имеющая статус министерства, дали на него отрицательные заключения. В конце концов сошлись на том, что регистрировать перечисленные документы надо, но делать это будет Минфин.

Так что теперь выпуск ОБР будет проходить в рамках закона. Однако, строго говоря, в России это ничего не гарантирует. Например, закон о бюджете на текущий год не предусматривает выплат на погашение облигаций внутреннего валютного займа. И ничего, когда очень понадобилось, депутаты бюджет приняли, президент подписал. А Минфин теперь судится.

Уравнение с двумя неизвестными

В прошлую среду постановлением правительства был утвержден порядок регистрации «бобров». Совет директоров ЦБ должен утвердить параметры выпуска (сроки, объем, доходность), и все — можно объявлять аукцион и начинать вторичные торги. Будущие серии «бобров» ничем не будут отличаться от старых. Их владельцами по-прежнему смогут стать только банки. Вот только длительное ожидание изменило отношение к «бобрам» участников рынка.

Как заявил «Итогам» представитель крупного банка, «мы будем очень осторожно работать с этими бумагами: правительства у нас меняются часто, и облигации ЦБ, выпущенные в соответствии с решением правительства, не будут такими же надежными, как прежде». Впрочем, меняются не только правительства — не первый день финансовое сообщество будоражат слухи об отставке председателя Центробанка Виктора Геращенко. «В сложившейся ситуации данные бумаги будут нести в себе дополнительные политико-административные риски, — говорит начальник казначейства банка «Павелецкий» Алексей Скворцов, — предположим, завтра сменится глава ЦБ. И новый руководитель будет прохладно относиться к идее выпуска облигаций. Тогда их будущее, мягко говоря, туманно».

Тем не менее выбора у банков нет — другого короткого и достаточно надежного инструмента пока не придумали. О новых госбумагах, которые намерен выпускать Минфин, говорить пока рано. Участники рынка считают, что возрожденные «бобры» быстро найдут своих хозяев. Различаются лишь количественные оценки. По мнению начальника управления ценных бумаг Автобанка Николая Васильева, первоначальный спрос может быть 8—10% от суммы остатка на корсчетах в московском регионе, то есть около 3 млрд. рублей. Начальник отдела государственных долговых обязательств Роспромбанка Игорь Кислицин, исходя из свободных средств на корсчетах, оценивает оптимальный объем эмиссии ОБР в пределах 10—20 млрд. рублей. Алексей Скворцов считает, что рынок единовременно может проглотить «бобров» где-то на 1 млрд. рублей: «Я сужу по последнему выпуску ОГСЗ (облигаций государственного сберзайма. — **«Итоги»**), когда эмиссия в 1,2 млрд. рублей разошлась, как говорится, на лету». В перспективе же (за месяц), считает г-н Скворцов, объем рынка ОБР может вырасти до 5 млрд. рублей.

Что касается выполнения изначально возложенных на ОБР задач, то банкиры считают, что «бобры» справятся только с одной из них — поддержанием банковской ликвидности. «То значение, которое придают ОБР в деле укрепления рубля, несколько преувеличено, — считает начальник отдела исследования рынков Промышленно-строительного банка (Санкт-Петербург) Олег Соломин. — Эти вложения станут альтернативой депозитам в ЦБ и вряд ли снимут с рынка дополнительные деньги». «Если люди планировали вкладываться в валюту, никакое появление новых бумаг им не помешает», — говорит Алексей Скворцов. Однако точку в истории о «бобрах» ставить рано. В скором времени спор между ЦБ и ФКЦБ может разгореться с новой силой. Конечно, ЦБ теперь с разрешения Минфина может выпускать свои облигации, но их предельный объем должен определяться отдельно и утверждаться постановлением правительства. В постановлении, которое должен подписать премьер, идет речь об объеме эмиссии «бобров» до конца года. По словам Александра Колесникова, на следующий год должно быть новое постановление, и ФКЦБ считает, что не следует выпускать облигаций больше чем на 5 млрд. рублей. Так что можно ожидать новой схватки вокруг «бобров» — на этот раз за объем их эмиссии. ■

УЧАСТНИКИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ СЧИТАЮТ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕУВЕЛИЧИВАЕТ ЗНАЧЕНИЕ «БОБРОВ» В ДЕЛЕ УКРЕПЛЕНИЯ РУБЛЯ: ВРЯД ЛИ СПРОС НА НОВЫЕ БУМАГИ ПРЕВЫСИТ 3—5 МЛРД. РУБЛЕЙ

Наследник Фараона

Хосни Мубарак, правящий страной пирамид уже 18 лет, переизбран на очередной шестилетний срок. Хотя египетский лидер в отличной форме, пирамида власти нуждается в срочном ремонте

Константин Капитонов

ЛИДЕР

Десять сантиметров! Именно такое расстояние отделяло Хосни Мубарака, в ту пору вице-президента Египта, от смерти 6 октября 1981 года, когда во время военного парада был убит президент страны Анвар Садат. Один из нападавших крикнул Мубараку: «Посторонись! Нам нужен не ты... Нам нужен Фараон!» (так в Египте называли Садата).

Вечером того же дня, потрясенный, но невредимый, Мубарак официально известил соотечественников о смерти главы государства, а через неделю стал четвертым раисом (президентом) Египта. В тот год ему исполнилось 53.

«Предателя Садата» убили исламские экстремисты, не простившие ему подписания Кэмп-Дэвидского соглашения в 1979 году — сепаратного мирного договора Египта с Израилем. Вскоре после того, как его место занял Мубарак, стало очевидно, что он не собирается терпеть экстремистов. Членов организации, подготовившей убийство Садата, отдали под суд. Одних казнили, других заключили в тюрьму.

С тех пор началась охота на него самого: она продолжается и по сей день. В мае 1982 года одна из тайных экстремистских исламских группировок «Аль-Акса» приговорила раиса к смертной казни. Он пережил несколько покушений, причем не только в Египте. В 1996 году в Эфиопии его машина была обстреляна по пути из аэропорта Аддис-Абебы, куда он прилетел на саммит Организации африканского единства.

Последнее покушение произошло за три недели до того, как в стране прошли безальтернативные выборы Мубарака в президенты (в Египте это голосование называют референдумом). Мубарак приветствовал толпу из машины, проезжая по центральной улице города Порт-Саида. На него с ножом бросился местный торговец, который, как выяснилось позднее, симпатизировал исламистам. Нападавшего застрелила охрана — президенту лишь слегка оцарапало ладонь.

Поздно вечером 26 сентября 71-летний Мубарак принимал поздравления по случаю своего переизбрания. За продление его полномочий высказались 95 процентов египтян. Собственно, в положительном исходе референдума никто не сомневался. Египетский лидер был единственным кандидатом на пост главы государства, выдвинутым парламентом.

МУБАРАК НЕ ЦЕРЕМОНИТСЯ С ИСЛАМИСТАМИ: БОРЕШЬСЯ С ЗАКОННОЙ ВЛАСТЬЮ — СТУПАЙ ЗА РЕШЕТКУ (ВВЕРХУ). РЕШАЯ СЕГОДНЯШНИЕ ПРОБЛЕМЫ, ОН НАПОМИНАЕТ ЕГИПТЯНАМ О ТОМ, ЧТО ОНИ ПОТОМКИ ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ВНИЗУ)

В колыбели фундаментализма

Когда в начале восьмидесятых 64-миллионный Египет — крупнейшее государство Ближнего Востока — обрел нового лидера, регион переживал мощный подъем исламских движений — подобного не было, пожалуй, со времени крестовых походов. Революция и установление теократического режима в Иране. Консолидация афганских моджахедов против Советской армии. Мусульманские волнения в Саудовской Аравии и захват фанатиками Главной мечети в Мекке. Волна терактов против дипломатических представительств США в Бахрейне, Кувейте, Пакистане, зарождение первых экстремистских исламских организаций «Хезболла» («Партия Аллаха») и «Исламский джихад» на Ближнем Востоке.

Проповедники «истинного ислама» вышли на улицы, призывая правоверных вернуться к традициям и религиозным нормам, обвиняя правящие режимы в коррупции, авторитаризме, равнодушии к социальным проблемам. И социалистические, и прозападные идеи, увлекшие лидеров многих арабских стран в 50 — 60-е годы, воспринимались как моральное разложение и зло, несовместимое с учением Пророка Мухаммеда.

Ряд лидеров, включая египетского президента Анвара Садата, пытались заигрывать с исламскими движениями, используя их для укрепления своей власти. Садат демонстративно ходил в мечеть, фотографии молящегося президента не сходили со страниц газет. Более того, он стал постепенно менять законодательство, приближая его к законам шариата и пытаясь превратить ислам в оружие против сторонников его предшественника Гамаля Абделя Насера — одного из лидеров Движения неприсоединения и большого друга Советского Союза.

Найти общий язык с исламистами в Египте было труднее, чем где бы то ни было. Именно в этой стране он достиг небывалого расцвета, воплотившись в деятельности экстремистской организации «Братья-мусульмане». Она зародилась еще в 1928 году, когда национализм только-только начал пробуждать находившийся в многовековой дремоте арабский мир. В 80-е годы исламский радикализм в Египте перешел в тотальное наступление. Под лозунгом «Ислам — подлинное решение» организация «Братья-мусульмане» внедрила своих людей в ключевые госструктуры. Центры египетской интеллектуальной жизни, такие как университет «Аль-Азхар» в Каире, стали оплотом консервативно настроенных клерикалов. Светские националисты, определявшие политику страны в первые десятилетия

В ОТЛИЧИЕ ОТ САДАТА **МУБАРАК СУМЕЛ НАЙТИ ОБЩИЙ ЯЗЫК С ПАЛЕСТИНСКИМ ЛИДЕРОМ ЯСИРОМ АРАФАТОМ** (ВВЕРХУ) ВНИЗУ: **ОТНОШЕНИЯ С ИЗРАИЛЕМ ОСТАЮТСЯ ОДНИМ ИЗ ПРИОРИТЕТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАИРА. МУБАРАК С НОВЫМ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ИЗРАИЛЯ ЭХУДОМ БАРАКОМ** (СПРАВА)

независимости, почувствовали себя в осаде.

Несмотря на все попытки «умаслить» исламистов, Садат так и остался для них чужаком. Они не простили предшественнику Мубарака сближения с Соединенными Штатами — показушная приверженность исламским ценностям Садату не помогла, а экономическая политика «открытых дверей» («инфитах»), рассчитанная на широкое привлечение иностранных инвестиций, была антиподом «исламской экономики» с ее ориентацией на социальное равенство.

Армейский характер

В отличие от Садата он не заигрывал с исламистами, а с первого дня повел на них тотальное наступление: начались массовые аресты и облавы. Военные суды в огромных количествах выносили смертные приговоры.

Почему Мубарак в отличие от Садата на первом этапе своего правления отважился на силовые методы? Ответ на этот вопрос следует искать не только в решительном характере этого широкоплечего, плотного телосложения человека, но и в его биографии. Сказалась армейская закалка: Мубарак пришел в большую политику в 47 лет с должности командующего египетских ВВС. В свое время родители хотели, чтобы после окончания школы сын поступил в Каирский университет на факультет изящных искусств, но он избрал профессию летчика. С отличием закончив военный колледж, затем — летную школу, в 1956 году он принимал участие в войне против Израиля, а спустя шесть лет — в боевых действиях в Северном Йемене, охваченном гражданской войной, где показал себя воздушным асом.

Мубарак был в первой группе офицеров, которых тогдашний египетский президент Насер в 1957 году направил на учебу в СССР. Впоследствии он еще дважды проходил летную подготовку в Советском Союзе, научился неплохо говорить по-русски и получил высшее военное образование в Академии имени Фрунзе.

Поначалу у него не было никаких политических амбиций. Все, о чем он тогда мечтал, — стать начальником генерального штаба. По его собственному признанию, Мубарак был удивлен и озадачен, когда Садат предложил ему пост вице-президента. Однако Садату импонировали не только лояльность и авторитет Мубарака в военных кругах. На его выбор повлияло «единство взглядов на сближение Египта и США», а также «аллергия» на Советский Союз, которую испытывали и тот, и другой.

За штурвалом государства

Хосни Мубарак унаследовал от своего предшественника режим, изолированный в арабском мире и погрязший в долгах. «Он казался самым подходящим лидером, способным навести порядок в стране, — писал известный египетский журналист Хейкал. — Египтянам нужен был политик, который уберег бы Египет от катастрофы».

Большинство из тех, кто следил за деятельностью Мубарака на начальном этапе, отмечали, что тогда он сразу решил заявить о себе как египетский руководитель «нового типа». Он не был похож ни на мечтателя Насера, ни на сидевшего на двух стульях Садата. Когда его спросили: «Какой политической линии вы намерены следовать», — он ответил с улыбкой: «Своей собственной, разумеется...»

Мубарак начал с того, что реорганизовал коррумпированные политическую полицию и секретные службы, которые при Садате закрывали глаза на деятельность исламских экстремистов. В результате проведенной чистки он смог избавиться от многих одиозных фигур.

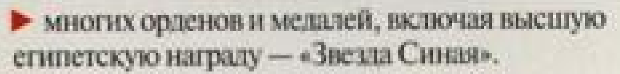
Стремясь упрочить свое положение, Мубарак приступил к «постепенной десадатизации». По его указанию были отданы под суд брат покойного лидера Исмат Садат и его сыновья, «прославившиеся» участием в крупных мошеннических операциях. Правда, при этом радикальных перемен экономического курса не произошло. Он не сформулировал четкую экономическую программу: придерживаясь политики «открытых дверей» для иностранных инвестиций, начатой его предшественником, новый президент не уставал в официальных речах призывать сограждан «бороться за рост производительности труда и социальную справедливость».

«Десадатизация» проявилась и в его поведении, и образе жизни. Заняв высший государственный пост, он сразу же пресек попытки славословия в свой адрес и в адрес своих близких. «Оставьте мою семью в покое, — потребовал он. — В Египте нет первой дамы». Его жена Сюзанна являет собой разительный контраст с женой Садата, стремившейся быть во всем первой леди и активно вмешивавшейся в политическую жизнь.

Садат любил пышные официальные приемы, жил в роскошных дворцах, обожал появляться на публике в пестрых военных мундирах при многочисленных орденах. Мубарак, напротив, не любил и не любит светскую жизнь, живет на небольшой двухэтажной вилле, которую построил на свои деньги в 1971 году. Он не надевает форму с тех пор, как занял гражданский пост. Хотя по-прежнему остается главнокомандующим вооруженных сил, кавалером ▶

ЕГИПЕТСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ОДИНАКОВО УВЕРЕННО С ПОЛИТИКАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД. **МУБАРАК С ПРЕЗИДЕНТОМ США БИЛЛОМ КЛИНТОНОМ** (СЛЕВА) **И ЛИВИЙСКИМ ЛИДЕРОМ МУАММАРОМ КАДДАФИ** (СПРАВА)

многих орденов и медалей, включая высшую египетскую награду — «Звезда Синая».

В память о фараонах египтяне в большей степени, чем жители других стран, ценят в своих лидерах внешнее величие. Поэтому многие из них недолюбливают сына мелкого землевладельца Мубарака за скромные костюмы и неизысканную речь. Они считают, что ему недостает размаха настоящего государственного деятеля.

Мубарак, однако, остается верен спартанским привычкам, приобретенным в молодости.

От изоляции к мировому признанию

Мубарак сумел восстановить отношения с арабским миром, прерванные «предательством Садата» в Кэмп-Дэвиде. Основой для доверия стало точно рассчитанное поведение Каира в его контактах с Тель-Авивом. Президенту удалось найти оптимальную форму отношений с Израилем: «Развитие двусторонних связей должно определяться продвижением ближневосточного урегулирования».

Арабы оценили такую позицию. Не остался незамеченным и такой факт: Мубарак долгое время отказывался посещать Израиль, несмотря на многочисленные официальные приглашения. Лишь однажды ему пришлось отправиться на несколько часов в небольшой израильский населенный пункт, расположенный в пустыне Негев. «Я сделал это против моего сердца...» — признался он позднее.

В то же время он не допустил серьезного ухудшения отношений с Тель-Авивом, угроза которого стала особенно очевидной в июне 1982 года, когда израильские войска вторглись в Ливан, захватили Бейрут и вынудили уйти оттуда бойцов палестинского движения сопротивления. Тогда арабский мир оказал на Мубарака мощное давление, требуя пересмотреть отношения с Тель-Авивом. Египетский президент устоял.

В ноябре 1987 года Лига арабских государств (ЛАГ) решила, что ее члены могут при желании восстановить полные дипломатические отношения с Египтом, разорванные после Кэмп-Дэвида. Спустя два года на совещании глав арабских государств и правительств, проходившем в Касабланке, Мубарака избирают председателем Организации африканского единства. Именно после этого президент Мубарак начинает играть все более заметную роль не только в регионе, но и в мировой политике.

Унаследовав от Садата особые отношения с США, египетский президент пытается выжать из этого максимум политических и экономических дивидендов, умело играя на стремлении американцев закрепиться на Ближнем Востоке. Сегодня Каир получает от Вашингтона два миллиарда долларов ежегодно, которые удерживают на плаву египетскую экономику. Но и здесь есть строгие рамки сотрудничества. Так, к примеру, на запрос США по поводу строительства военной базы на Красном море для своих сил быстрого развертывания президент Мубарак ответил решительным отказом. Он заявил, что Египет построит ее сам и сохранит над ней свой контроль. Американцы же могут использовать ее, когда Каир сочтет военное вмешательство Вашингтона в регионе необходимым.

Индонезия на Ближнем Востоке?

По мере того как все дальше в прошлое уходит эпоха Садата, все очевидней становится, что египтяне хотят большего, чем дал им Мубарак. Избавиться от наследия Фараона, говорят многие из них, это еще не все. Сегодня 40 процентов населения страны живет за чертой бедности, а безработица в отдельных районах достигает 30 процентов. Показательно, что Египет едва не пережил экономического банкротства из-за ущерба, нанесенного исламистами главной национальной индустрии — туризму. После того как в 1997 году террористы расстреляли в Луксоре автобус с западными туристами, правительству Мубарака потребовались невероятные усилия, чтобы сгладить последствия этого события.

Политика, впрочем, вызывает еще больше нареканий, чем экономика. Оппозиция выдвигает немало претензий к режиму, считая, что многие из провозглашенных свобод остаются лишь декларацией. «Мубарак — пожизненный президент»— гласит плакат на Дороге Пирамид. Хотя Мубарак разрешил деятельность оппозиционных партий, многопартийная система в Египте существует лишь на словах. Как считают многие египетские интеллектуалы, последний референдум, где Мубарак был единственным претендентом на пост главы государства, — это самый настоящий фарс.

Один египетский журналист метко охарактеризовал все несовершенство политического устройства страны, призвав египтян назвать второго по влиянию лидера. В сегодняшнем Египте никто не смог этого сделать. В газетах то и дело появляются сообщения о преследовании по политическим мотивам или о жестоком обращении с политзаключенными. Международные правозащитники обращают внимание на то, что на волне борьбы с исламизмом нередко нарушаются права человека.

Египетский политолог Саад эд-Дин Ибрагим убежден, что в стране «надо срочно проводить политические реформы». Иначе существует реальная опасность того, что Египет «станет второй Индонезией, где эпоха политической стабильности после исчезновения сильной руки может перерасти в хаос». Египтяне терпеливы, но не пассивны. Другой политолог — Мухаммед Саид — считает, что Египет «деградирует в политическом отношении».

Хосни Мубарак не может с этим не считаться. Египетская пирамида власти, на вершине которой он хочет просидеть еще как минимум шесть лет, нуждается в срочном капитальном ремонте. ■

Константин Капитонов, эксперт Института изучения Израиля и Ближнего Востока

Долой лорд-мэра, да здравствует мэр лорд!

Впервые в истории жители Лондона будут выбирать градоначальника. Фаворит предвыборной гонки — популярный романист лорд Джеффри Арчер

Александр Кан

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Автор бестселлеров с миллионными тиражами; совладелец невероятно прибыльной компании по производству детских игрушек; спринтер, защищавший в молодости цвета сборной Великобритании по легкой атлетике; президент Всемирной федерации бильярда; видный деятель тори, при Маргарет Тэтчер занимавший пост заместителя председателя партии; хозяин великолепного дома с видом на Вестминстерский дворец и владелец коллекции картин, в которой и Тернер, и Писарро, и Сислей, и Моне, и Ренуар, и Пикассо, и Уорхол. Любого из перечисленных достижений, казалось бы, достаточно для того, чтобы на пороге шестидесяти лет почивать на лаврах.

Герой громких финансовых скандалов (один из них произошел в его бытность членом Совета Большого Лондона); человек, выплативший через посредника «гонорар» в 2 тысячи фунтов одной из дорогостоящих лондонских проституток; клиент, задержанный в одном из магазинов Торонто по подозрению в краже дорогих костюмов. Любого из перечисленных прегрешений достаточно, чтобы погубить политическую карьеру.

Герой всех этих подвигов — лорд Джеффри Арчер, полный энергии и оптимизма, — вовсю разворачивает предвыборную кампанию, готовясь весной будущего года занять пост первого в истории мэра Лондона.

Лондон без головы

Лондон — единственная из крупнейших столиц мира, которая живет без мэра. Любители туристской экзотики могут возразить: а как же красочный парад лорд-мэра Сити, каждое второе воскресенье ноября шествующий по улицам города с оркестрами и тамбурмажорами вслед за самим лордом-мэром в камзоле и парике? Здесь, однако, противоречия нет, так как лорд-мэр выполняет главным

ПОПУЛЯРНЫЙ ПИСАТЕЛЬ СО СКАНДАЛЬНОЙ БИОГРАФИЕЙ **ЛОРД ДЖЕФФРИ АРЧЕР БЫЛ ВЫДВИНУТ ОФИЦИАЛЬНЫМ КАНДИДАТОМ НА ПОСТ МЭРА ЛОНДОНА. ОН** (СПРАВА) **С БОЛЬШИМ ОТРЫВОМ ОБОШЕЛ СВОИХ БОЛЕЕ РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫХ СОПЕРНИКОВ В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ** НА ФОТО – **ОДИН ИЗ НИХ, СТЕФАН НОРРИС,**

образом церемониальные функции и номинально возглавляет лишь Сити – отнюдь не рядовой, но всего лишь один из 32 городских районов.

Главная причина отсутствия в столице Великобритании должности мэра заключается в парадоксальном факте – в строго административном смысле Лондон городом даже и не является. В каждом из уже упомянутых 32 административных районов, или, как их здесь называют, boroughs, есть свой выборный совет. Стоящие у власти в своих вотчинах лейбористы, консерваторы или либерал-демократы изо всех сил стараются доказать избирателям, что у них в районе дела идут лучше, потому что все устроено иначе, чем у соседей.

Созданный еще в 1965 году в попытке привести к общему знаменателю разношерстное городское хозяйство, Совет Большого Лондона продержался чуть больше двадцати лет. Уже в 1986 году Маргарет Тэтчер, склонная к жесткой экономии государственных расходов, упразднила Совет, и с тех пор Лондон так и живет без стратегического управления. Город с населением в восемь миллионов человек и с экономикой, сопоставимой с экономикой Саудовской Аравии или России, не имеет не только единого органа, который занимался бы улучшением дорог, общественного транспорта, руководил работой полиции и пожарных, но и политика, представляющего его на национальном или международном уровне. Даже бороться за право проведения Олимпийских игр здесь некому.

Какая звезда не хочет стать мэром

Ситуация изменилась после того, как в мае 1997 года к власти пришли лейбористы во главе с Тони Блэром. Они решили усилить роль местного самоуправления. В мае нынешнего года в Шотландии и Уэльсе были проведены первые за столетия выборы национальных парламентов. Следующим шагом по децентрализации власти стало учреждение в Лондоне поста мэра города.

После того как проведенный в мае 1998 года референдум подтвердил желание лондонцев заполучить полноценного городского голову, в кандидатах не было недостатка. О своем намерении баллотироваться заявляли и мультимиллионер Ричард Брэнсон, один из богатейших людей страны и владелец империи Virgin, чья «власть» простирается от звукозаписи до авиаперевозок, и подавшаяся в политику обладательница двух Оскаров актриса Гленда Джексон. На первых порах борьба за внутрипартийное выдвижение проходила по удивительно схожим сценариям.

В двух главных партиях руководство стремилось оттеснить популярных, но не устраивающих его по разным причинам кандидатов. Главной заботой лейбористов стало «остановить Кена». Ветеран партии Кен Ливингстон в течение пяти лет, вплоть до роспуска в 1986 году, возглавлял Большой Совет Лондона и уже хотя бы поэтому представлялся естественным выбором для правящей партии. Однако «красный Кен» с его левым, пролетарско-профсоюзным имиджем никак не устраивал руководство партии, сделавшее ставку на средний класс и именно благодаря этому победившее на парламентских выборах 1997 года.

У консерваторов лозунг звучал коротко и звучно: ABBA – Anybody But Archer («кто угодно, только не Арчер»). «Общее мнение в партии таково, что мы не можем позволить Джеффри стать кандидатом из-за потенциального ущерба, который в таком случае может быть нанесен партии», – высказался еще год назад один из видных консерваторов. Проблемой для Арчера, помимо багажа скандальных прегрешений, было по меньшей мере прохладное отношение к нему лидера тори Уильяма Хейга. Поговаривают, что после отставки Джона Мейджора Арчер пытался использовать свое влияние на Маргарет Тэтчер, чтобы воспрепятствовать выдвижению Хейга.

Исход столь схоже начавшейся в двух партиях внутрипартийной борьбы оказался неодинаковым. Лейбористы сумели-таки оттеснить «красного Кена» и выставили пусть и не столь яркую, но вполне добротную и надежную кандидатуру – министра здравоохранения Фрэнка Добсона. Консерваторам же справиться с Арчером оказалось не под силу – к концу лета по опросам общественного мнения он опережал не только своих блеклых соперников по партии, но и всех потенциальных кандидатов-лейбористов. Перспектива взять у лейбористов реванш после сокрушительного поражения на всеобщих выборах 1997 года перевесила все сомнения, и тори на национальной партийной конференции 2 октября выдвинули своим кандидатом на пост мэра Лондона лорда Джеффри Арчера.

«Я не святой, но мэром вполне могу быть», – так ничтоже сумняшеся суммировал Арчер свои ответы на вопросы репортеров о сомнительных историях из его прошлого. Почему все же Арчер при его титуле, богатстве (оно оценивается примерно в 25 млн. фунтов стерлингов), успешном бизнесе и мировой известности романиста – пусть не самого уважаемого критикой, но очень успешного – решился ввязаться в политическую борьбу? Почему его не испугало то, что в ходе предвыборной борьбы на свет божий, несомненно, будут вытащены все его прошлые слабости и промахи? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, кто же такой Джеффри Арчер.

Продавец рукописей и обещаний

В юности он пять месяцев проработал в полиции, о чем теперь не очень любит вспоминать. Серьезно увлекся легкой атлетикой и как спринтер вошел в сборную страны. «Он не был нашим лучшим спринтером, но личностью был весьма примечательной», – вспоминает тогдашний тренер сборной сэр Артур Голд. Причина, по которой Арчер оставил спорт, по собственному признанию, была весьма прозаичной – деньги: «В те годы нам за участие в соревнованиях по 10 тысяч фунтов не платили». Джеффри Арчер занялся бизнесом и одновременно политикой и в 1969 году в возрасте 29 лет стал парламентарием, чуть ли не самым молодым за всю историю британского парламента. В 1974 году его биржевой бизнес потерпел крах, и Арчер разорился. В отчаянии он покидает парламент и, чтобы оплатить образовавшийся после банкротства гигантский – в 400 тысяч фунтов – долг, решает превратить жизненную неудачу в литературный сюжет.

Опубликованный год спустя первый же роман «Ни грошом больше, ни грошом меньше» мгновенно становится бестселлером. За ним следует «Президенту будем говорить?», за ним «Кейн и Авель» – нехитрый намек на библейскую легенду, дальше «Колчан, полный стрел», «Первый среди равных» и еще, еще, еще...

«У меня никогда не бывает серьезных застоев в работе», — признается Арчер, нисколько не смущаясь. Последний из опубликованных романов «Одиннадцатая заповедь» — политический триллер, в котором агент ЦРУ Коннор Фитцджеральд борется с кознями директора управления, а заодно и с новым президентом России, желающим вернуть период военной конфронтации между двумя сверхдержавами. В поисках материала неутомимый беллетрист отправился в Санкт-Петербург и всю ночь провел с местными мафиози, путешествуя по ночным клубам. «У этих людей нет страха, — говорит он. — Они гордятся тем, что правят Россией». Арчер не без удовольствия сообщает, что перед публикацией — для исправления возможных неточностей — отправил свой роман в ЦРУ. Там действительно нашли 26 мелких ошибок, но вместе с тем, как утверждает сам романист, позаимствовали у него пару идей для собственной работы.

«Он так хочет заполучить этот пост — просто больно смотреть», — с иронией заметила бравшая у лорда Арчера интервью корреспондентка газеты «Гардиан». И действительно, Джеффри Арчер уже посетил не только петербургских мафиози, но и мэров Москвы, Иерусалима, Афин, Нью-Йорка и Токио, а за оставшиеся до выборов полгода нанесет наверняка еще по меньшей мере столько же визитов. Он опубликовал брошюру «Как сделать Лондон лучше», в которой среди прочего применил безотказно действующий популистский прием, обнародовав обидную для лондонцев статистику: лишь 75 процентов взимаемых в городе налогов возвращается обратно в городской бюджет, в то время как 14 из 20 беднейших административных районов страны находятся именно на территории города.

Об умении Арчера очаровывать публику и мастерски продавать нужный ему товар красноречивее всего свидетельствует его участие в ежегодном благотворительном аукционе в помощь безнадежно больным детям. Вот как описывает свою роль сам Арчер: «Я продаю не товары, я продаю людей, — говорит он. — Тихим, очень тихим голосом я обращаюсь к публике: «У меня есть для вас послание от маленькой девочки. Зовут ее Ребекка, ей девять лет. Она желает вам удачного и приятного аукциона. Сама она на аукционе никогда не была, а в следующем году побывать уже и не сможет — ее уже не будет в живых. Ей очень хочется повидать Диснейленд, и в поездку с собой она хотела бы взять младшего брата и маму с папой. Родители ее, однако, такую поездку позволить себе не могут. Стоит она две тысячи фунтов стерлингов». Оттирая друг друга, ко мне ломятся люди, желающие выложить эти деньги. В прошлом году я «продал» 27 детей», — с гордостью говорит он.

Помощница кандидата охотно признает, что шеф ее склонен к позерству. «Но разве лучше быть просто скучным политиком?» — лукаво спрашивает она. Впрочем, предвыборный манифест Арчера выглядит довольно уныло. Хотя и это, видимо, ход рассчитанный — экстравагантность экстравагантностью, а избиратели должны понимать, что дело имеют с серьезным претендентом.

«Преступность, транспорт, экология и городское планирование», — так коротко и сжато определяет он сам важнейшие задачи, стоящие перед будущим мэром. Ну и, конечно, любимый им спорт. «Чрезвычайно важно добиться проведения в Лондоне Олимпийских игр. Это принесет нам процветание и новые рабочие места. Это одно из первых дел, которым я займусь в случае победы», — обещает он. «Я не пропускаю ни одних Олимпийских игр и знаю практически всех членов МОК», — заявляет он, тонко давая понять, чьей именно заслугой станет получение Лондоном Олимпийских игр 2012 года. А в том, кто станет мэром, лорд Арчер, разумеется, не сомневается. ■

Лондон

КРАСОЧНОЕ ШОУ ЛОРД-МЭРА СИТИ ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЭТОТ ПОСТ НОСИТ ЧИСТО ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР. ПРОГОЛОСОВАВ ЗА УЧРЕЖДЕНИЕ ПОСТА МЭРА, ЛОНДОНЦЫ ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛИ, ЧТО **ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА ДОЛЖЕН РЕШАТЬ РЕАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕГАПОЛИСА**

Актеры в «цифре»

Кинозвезды 30-х будут жить вечно

Егор Быковский

ПРОДАВЦЫ ГРЕЗ

В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ XXI века официальным началом эры компьютерных технологий в кино непременно будет назначено 19 мая 1999 года. В этот день состоялась премьера очередной серии знаменитой эпопеи Джорджа Лукаса «Звездные войны».

В этом фильме все, что только возможно, сделано с помощью компьютерных технологий. Из 2200 планов фильма более 2000 были созданы на компьютере. Практически все пейзажи и интерьеры были произведены на суперкомпьютерах SGI Power Challenge и Origin2000. На них же (или на обыкновенных персональных компьютерах Mac и PC) были созданы природные явления (от водопадов до космических взрывов) и звуковые эффекты. Но это — дело более или менее привычное, интерес может вызывать только уровень проработки (действительно непривычно высокий). Главная же новация Лукаса — абсолютное большинство участвовавших в фильме актеров на самом деле не существуют. Фантастических персонажей (более 60) для «Скрытой угрозы» породили на свет не мама с папой, а программисты и художники. А поскольку сверхзадачей сотрудников Лукаса была не мультяшная забавность, а кинематографическая *достоверность*, то к делу подошли максимально серьезно — как стало известно, при создании моделей обитателей фантастического мира «Скрытой угрозы» использовалась даже рассчитанная специалистами зависимость сочленения частей скелета от доминирования в данной экосистеме воды или песка.

Пока виртуального актера создать не очень просто. В последней по времени серии «Звездных войн», в частности, не случайно нет ни одного виртуального человеческого персонажа — только инопланетяне. Дело в том, что созданная даже по последнему слову техники модель обитателя планеты системы Альфы Центавра покажется достоверной только земным зрителям, но никак не его одноплеменникам, существуй они на самом деле. Ведь они будут обращать внимание не столько на форму тела (она и у землян сильно варьируется), сколько на тончайшие нюансы мимики, движения глаз, губ, рук и ног (или псевдоподий и щупалец) во время движения и в статике. Те же проблемы существуют и при создании виртуального актера-человека или любого другого высокоорганизованного земного существа (например, собаки) — технически это уже не проблема, однако результат, особенно при крупных планах, будет выглядеть этаким киборгом, андроидом.

Однако технологии не стоят на месте, и вот уже стало известно о планах по созданию фильма с участием... Марлен Дитрих! Одна из самых знаменитых актрис уходящего столетия умерла в 1992 году, что не помешает ей, как оказывается, вновь сняться в кино. За Марлен Дитрих, можно даже не сомневаться, последуют проекты с участием других актеров (скажем, Кларка Гейбла), а затем следует ждать появления фильмов, в которых будут «играть» и ныне здравствующие актеры. Скорее всего, и термин «пиратское кино» тоже обретет новый смысл и станет означать не только нелегальные копии фильма, но и участие в съемках актеров без их ведома...

Процесс создания цифрового виртуального актера, в отличие от процесса создания нейтринной ловушки, вполне можно описать нормальными человеческими словами (хотя необходимые для него вычислительные мощности — преизрядны). В частности, технология, разработанная в компании Virtual Celebrity Productions **(www.virtualcelebrity.com)**, предполагает анализ компьютером реального актера по 5 тысячам точек. Исходный материал — фильмы с его участием. Положение точек в идеальном варианте сканируется, распознается и измеряется в каждом кадре каждой сцены, где был занят данный актер. При достаточно большом количестве исходного материала получается реалистичная трехмерная модель актера (тестовый ролик с участием «Марлен Дитрих» можно посмотреть здесь — **www.virtual-celebrity.com/movies/hirez.html)**. Правда, эта модель «пустая», и для нормальной съемки все равно потребуется актер, который произведет все нужные действия, — потом при монтаже на него «натянут» эту модель, как костюм.

К сожалению или к счастью, полностью смоделировать живого человека со всеми нюансами движений и мимики, даже для фильма, пока можно только теоретически — на практике это требует слишком большой вычислительной мощности. А чтобы производить моделирование с высшей степенью достоверности в режиме реального времени, не хватит и всех компьютеров Пентагона. Правда, замечу, что компьютер, на котором я пишу эти строки, превосходит мощностью VAX, на котором пятнадцать лет назад рассчитывались реакции ядерного синтеза. Так что не исключено, что лет через десять на обычном ПК можно будет моделировать скоропостижно заболевшего президента страны, вставляя его в реальном времени в телерепортаж из Кремля. А натянуть цифровую маску на актера — так, чтобы он стал похож на человека, похожего на, скажем, генерального прокурора, — в принципе возможно уже и сегодня (не в прямом репортаже).

Развивающиеся технологии «оцифровывания» актеров, без сомнения, таят в себе зародыши многочисленных юридических казусов. Вы ли, например, принимали участие в онлайновой видеоконференции или кто-то, натянувший вашу «маску»? И как это доказать? Имеют ли права наследники на «образ» умершего актера, который используется рекламным агентством для рекламы зубной пасты или чего похуже? Какие могут быть права у виртуального актера? Но это — в будущем. Пока что американская Гильдия киноактеров устами своего президента Ричарда Мазура заявила, что «не испытывает беспокойства по поводу возможности замены членов гильдии виртуальными репликантами». Ой ли? Сам факт заявления скорее всего свидетельствует об обратном. Кстати, крупная американская страховая компания Fireman's Fund рассматривает возможность включения в контракты с кинопродюсерами пункта об обязательном создании трехмерной модели занятых в фильмах звезд — мало ли что с ними случится во время съемок... ■

Зарубежное образование, полученное без выезда из России, оказывается зарубежным лишь отчасти

Французское с нижегородским

Каким образом люди получают западное образование? Самый очевидный ответ — едут учиться за границу. Но на самом деле способов несколько. Можно, например, поступить в зарубежный университет, имеющий филиал в России. Или в российское учебное заведение, где есть программы «двойного диплома», и по окончании получить совместный диплом или два диплома — наш и западный. Можно выбрать заочное зарубежное образование на русском языке — учиться самостоятельно и после нескольких консультаций и семинаров с российскими преподавателями сдавать экзамены, результаты которых утверждаются в «материнском» университете. Наконец, есть учебные программы, по своей форме не имеющие аналогов на Западе и «сделанные» зарубежными профессорами специально для России.

Борис Старцев

ГИБРИД

«Не каждый родитель хочет посылать ребенка учиться в Америку», — рассказывает Рени Лекач, ректор московского университета «Туро», который до недавнего времени был отделением американского Туро-колледжа. Здесь получают высшее образование в области экономики и бизнеса вчерашние школьники, для работающих людей есть американская программа MBA (Master of Business Administration).

«Наши студенты, может быть, и поехали бы учиться в США, но они не могут бросить работу в России», — говорит Эдвард

РЕКТОР ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА ЭДВАРД ГОЙЗМАН: «У НАС ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ В АМЕРИКЕ, А ДИПЛОМ ТАКОЙ ЖЕ»

Гойзман, ректор Института экономики и бизнеса, где взрослые люди получают степень MBA Калифорнийского госуниверситета. В институте был случай, когда студентка получила стипендию на обучение в американском кампусе Калифорнийского университета, но уехать туда не смогла — не отпустили на работе.

Выгодный бизнес

Совместные учебные программы в России появились в начале 90-х годов и оказались выгодным бизнесом и для западных, и для российских университетов: цены на академические программы порой зашкаливают за 6 тыс. долларов в год (для сравнения: в российском вузе средней руки учеба стоит около 3 тыс. долларов). Некоторые международные проекты появились в России по инициативе известных профессоров и при поддержке благотворителей. Например, Французский университетский коллеж создан французским писателем Мареком Альтером на деньги французского правительства, Московская школа социальных и экономических наук (МШСЭН), дающая послевузовское образование, — одним из руководителей «Культурной инициативы», профессором Манчестерского университета Теодором Шаниным (средства выделил Джордж Сорос). А Международный институт менеджмента «Линк», обучающий по программам Британского открытого университета, создали в 1991 году сотрудники Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ). Они же перевели учебные материалы на русский язык и сами стали учить постсоветских менеджеров «бизнесу по-английски».

Бесплатным образование на совместных программах редко, но бывает — к примеру, во Французском университетском коллеже (литература, социология, право и проч.) и на некоторых программах Высшей школы экономики.

Большинство совместных программ посвящены экономике и бизнесу — есть спрос, к тому же отечественная высшая школа в этой сфере особенно отстает (совместных программ в области физики днем с огнем не сыщешь). По причине той же «экономической отсталости» постдипломных совместных программ значительно больше, чем программ «первого высшего образования», к тому же люди, решившие повысить квалификацию, более платежеспособны.

РЕКТОР ИНСТИТУТА БИЗНЕСА И ДЕЛОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ СЕРГЕЙ МЯСОЕДОВ: «МЫ НЕ БЕРЕМ ПЛАТЯЩИХ ДУРАКОВ»

На заочные программы некоторых американских университетов или института «Линк» и поступить может кто угодно, и отсева в процессе учебы почти нет, так что заграничные дипломы выдают всем подряд. В государственных вузах ситуация другая. Чтобы участвовать в программе Колорадского университета на факультете иностранных языков МГУ, надо поступить туда на общих основаниях, то есть сдать русский и литературу, иностранный, историю. Обучение на факультете стоит четыре тысячи долларов в год, для участия в совместной программе надо доплачивать две тысячи долларов в год (те же две тысячи студент платит, если едет на год учиться в США).

«У нас есть, — говорит ректор Института бизнеса и делового администрирования (ИБДА) Сергей Мясоедов, — во-первых, вступительные экзамены, которые принимают наши европейские коллеги. Во-вторых, мы выращиваем абитуриентов на подготовительных курсах, в хороших частных школах». Бакалавров международного бизнеса ИБДА готовит вместе с Роттердамским университетом HES: два года студенты учатся в России, два года в Голландии. С этого года HES организовал студенческие обмены с 15 университетами

РЕКТОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «ТУРО» РЕНИ ЛЕКАЧ: «БЫЛИ СЛУЧАИ, КОГДА К НАМ ПЕРЕВОДИЛИСЬ СТУДЕНТЫ, КОТОРЫМ НЕ ПОНРАВИЛОСЬ ЖИТЬ В США»

ВОЛОКИТА

«Курс» российского аттестата установлен официально

В июле этого года были приняты федеральные законы о ратификации трех конвенций Совета Европы: «Об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты, и Протокола к ней», «Об эквивалентности периодов университетского образования» и «Об академическом признании университетских квалификаций», а в сентябре МИД РФ передал документы в Совет Европы. После того как об этом будут официально уведомлены страны-участницы, конвенции вступят в силу. Для выпускников школ, решивших продолжить обучение за рубежом, актуальна первая конвенция, принятая 11 декабря 1953 года и уравнявшая в правах школьные дипломы в Европе. Это означало, что выпускники средних учебных заведений почти 30 европейских стран, в разное время присоединившихся к этому международному документу, могли поступать со своими национальными аттестатами в любой университет любой страны, где действует конвенция.

К началу 90-х годов, когда у выпускников российских школ появилась возможность учиться за пределами бывшего соцлагеря, непризнание их серых корочек стало одной из главных проблем при поступлении в европейские вузы. Точнее, их признавали, но котировали по заниженному «курсу».

В отличие от многих европейских стран в России нет единого экзаменационного центра — учителя каждой школы выставляют экзаменационные оценки на свое усмотрение. (В Великобритании, например, экзамены во всех школах принимает комиссия министерства образования и занятости в соответствии с требованиями национального учебного плана.) К тому же наши школьники пока еще учатся десять — одиннадцать лет («двенадцатилетку» планируют ввести лишь к 2010 году), в то время как европейское образование — 12 лет. Минувшим летом большинство европейских университетов из опасения получить слабо подготовленного студента требовали от абитуриентов из РФ или сначала подучиться пару лет в российском институте, или закончить годичный подготовительный курс в «их» вузе, или доучиться в «их» школе.

Присоединение России к конвенции означает, что любой российский школьник, успешно завершивший среднее образование, может подать заявление о приеме в любой университет, расположенный на территории других членов Совета. Теперь 11-летнее российское школьное образование формально приравнивается к 12-летнему европейскому, то есть выпускнику российской школы не нужно будет доучиваться.

Московские фирмы, помогающие абитуриентам за рубежом, возможный положительный эффект конвенции оценивают довольно скептически. «В вузы второй-третьей руки, возможно, поступить будет легче. Но престижные университеты всегда найдут вежливую отговорку, — считает директор фирмы IT&EC Нина Колташова. — Они не приравнивают российское среднее образование к степени бакалавра».

Но среди занимающихся проблемой эквивалентности аттестатов есть и оптимисты. Например, Арнольд Рубинштейн — директор другой фирмы, отправляющей на учебу за рубеж, «Лингвистическая школа общения «Система-3». «Ратификация конвенции — положительный факт, — убежден он. — Мы будем ссылаться на «легализованность» российских аттестатов и, думаю, прохождения каких-то дополнительных курсов нашим абитуриентам удастся избежать. Конечно, некоторые университеты будут упрямиться, поэтому фирмам нашего профиля придется рассчитывать и на личные контакты. В России образование неэквивалентное: одни и те же оценки может иметь и человек с блестящей подготовкой, и выпускник плохой школы. Если западный университет будет уверен, что мы присылаем ему только лучших, препятствий не возникнет». Ежедневно в Министерство образования РФ обращается до 30 человек, чтобы заверить аттестат специальным штампом, удостоверяющим подлинность печати, подписи и должности лица, подписавшего документ (так называемый штамп апостиля). Если теперь с российским аттестатом возникнут проблемы, Юрий Акимов рекомендует абитуриентам апеллировать к МИДу или министерству образования той страны, где получен отказ, потому что официальный текст договора гласит: «В случае, если прием в университеты, расположенные на территории одной из Договаривающихся Сторон, не попадает под контроль государства, эта Договаривающаяся Сторона передает текст Конвеции соответствующим университетам и прилагает все усилия для принятия ими (оговоренных) принципов».

Ольга Платицина

СТУДЕНТЫ

«Сорбонна» на дому

У российских студентов в основном вызывают интерес дисциплины, которые в советской высшей школе практически отсутствовали. Это прежде всего ведение бизнеса: менеджмент, маркетинг, арбитраж, бухгалтерский учет и тому подобное. Александр Клаус, ныне зампред солидного банка, выпускник первого набора Туро-колледжа 1994 года, до сих пор благодарит американских профессоров по арбитражу: «Они дали мне уверенность в том, что я всегда смогу отстоять права своего банка. А бухгалтерскому учету начинать учиться надо по западным методикам — нормальная бухгалтерия складывалась там из практики, в естественных рыночных условиях. Когда Александр в 1990 году поступал в колледж, ему было около сорока. Кандидат технических наук в области прикладной математики, неплохой программист, он не мог прокормить свою семью. «Тогда специалисты с моей квалификацией могли делать карьеру только на Западе. А я решил рискнуть здесь». Начал с кооператива. И быстро понял, что не хватает знаний. Туро-колледж их и предлагал, не ставя никаких условий, кроме знания английского языка и оплаты обучения. Еще не закончив курса, Клаус возглавил валютное управление в частном банке и понял, что со своей новой специальностью он и в России не пропадет.

Елена Афанасьева, филолог по образованию, начинала переводчиком в совместной с греками фирме. Сначала переводила финансовую документацию, потом закончила бухгалтерские курсы и восемь лет проработала по специальности. Чтобы и дальше расти профессионально, пошла учиться в Институт бизнеса и делового администрирования. «Все обучение нацелено на воспитание руководителя. Поэтому они отбирают людей с опытом и хорошим знанием языка. Но за два года всему не научишь. Важно, чтобы студент из своей практики знал, что ему нужно, тогда только он действительно сможет усвоить то, чему его учат». Сейчас Елена руководит отделом в московском офисе американской фирмы «Каспийская трубопроводная компания», хозяева которой всячески поддерживали стремление своего сотрудника повысить квалификацию. Но как только трубопровод из Тенгиза (Казахстан) в Новороссийск будет построен, компания перестанет существовать. Елену это не пугает. «Иностранные фирмы пользуются базой данных института, куда внесены его выпускники. Я регулярно получаю разные предложения. Но, наверное, год-два постараюсь поработать за границей, тогда мой рейтинг здесь очень возрастет».

Евгений Борзыкин поступил в Институт бизнеса и делового администрирования сразу после школы, в бакалавриат. Узнал от друзей об этом институте, сходил на день открытых дверей, поговорил с отцом, и мы решили, что дело стоит того, чтобы платить за учебу по 4 тысячи долларов в год. К экзаменам готовился с преподавателями. Даже по языку пришлось, хотя я прилично окончил английскую спецшколу. По окончании устроился в аудиторско-консалтинговую международную фирму, у которой есть представительства по всему миру. Но я теперь хочу дальше учиться, на магистра. Тем более что на работе мою инициативу одобрили».

На рынке иностранного образования существуют и бесплатные предложения, как правило, связанные с серьезными государственными программами. Например, Франция только в Московском университете открыла два коллежа: гуманитарный и экономический. У особо успешных студентов есть шанс после окончания отправиться на год в Сорбонну и получать стипендию 800 долларов в месяц. Выпускница французского коллежа Ольга Костикова рассказывает, что «почти каждый год ▶

Европы и Америки (везде учебные планы унифицированы на 90 процентов), и теперь студенты ИБДА два семестра из четырех зарубежных могут учиться в любом вузе, участвующем в обменах.

Программа МВА в ИБДА — российско-бельгийская, и на вступительном собеседовании бельгийцы «отсекают» тех, кто, по их мнению, учиться не достоин. Однажды не приняли тридцатилетнюю абитуриентку с блестящим английским, которая работала танцовщицей в зарубежных стрип-клубах, а теперь решила поучиться, чтобы набраться знаний для организации собственного дела. Объяснили это соображениями этики — дескать, с таким резюме в хорошей бизнес-школе делать нечего.

Во многих вузах западные дипломы получают те, кто вовсе не знает иностранного языка и ни разу не видел иностранного профессора. Например, в МШСЭН выпускникам вручают дипломы Манчестерского университета (Master of Arts или Master of Science) на основе так называемой валидации: английские профессора решают, соответствуют ли учебные планы, уровень профессоров, письменные работы студентов западным критериям качества. Дипломные работы, «кейсы» (деловые ситуации, которые разбирают на семинарах) и практика обычно связаны с российской действительностью. Например, будущие социологи могут исследовать проблемы бедности в России и СНГ (МШСЭН), будущие бизнесмены — посвятить дипломную работу сравнительному анализу отчетов российских и американских банков (бакалавриат «Туро»). Слушатели МВА в ИБДА однажды сдали коллективную дипломную работу с пометкой «конфиденциально»: инвестиционный проект, который они разработали за время учебы, планируют запускать в Подмосковье, и конкуренты не должны узнать о нем раньше времени.

По окончании совместных программ обычно выдают и российский госдиплом. Для вчерашних школьников он необходим не только для трудоустройства в России — государственная аккредитация вуза дает отсрочку от армии. Сергей Мясоедов говорит, что в его вузе учебный план международных программ в основном соответствует тому, что есть у зарубежных партнеров, — студенты бакалавриата, вернувшись из-за границы, в конце четвертого курса досдают восемь предметов, а слушатели МВА — три предмета, посвященные особенностям российского бизнеса. В Международном колледже МГУ студенты учатся по плану факультета иностранных языков, а американские курсы, которых нет в российской программе, слушают дополнительно.

Это не наш метод

Профессор Валерий Ефименко читает в «Туро» курс философии будущим бакалаврам — это положено по российскому стандарту. «Иногда я испытываю дискомфорт, когда рассказываю русским студентам о творчестве Владимира Соловьева на английском языке. Но, с другой стороны, у нас же американский университет», — рассуждает он. В учебнике «Туро» по истории философии даются в скобках русские переводы слов Iliad и Odyssey. То же самое касается крылатых изречений философов. Во Французском университетском колледже первый год лекции можно слушать с переводом. А для того чтобы писать дипломную работу у профессора-француза на втором году обучения, уже необходим язык. Студенты бакалавриата ИБДА первые два года учатся на русском — Сергей Мясоедов поясняет, что голова у них должна болеть не от постоянного перевода, а от экономической науки.

Впрочем, главная особенность совместных программ — методика обучения. «В российских вузах — считает ректор МШСЭН Теодор Шанин, — у кого хорошая память, тот и получает лучшие оценки. Самостоятельное аналитическое мышление не развивается, российские студенты в большинстве своем не умеют выстраивать четкие схемы и логично излагать свои мысли на бумаге». «Западность» образования в МШСЭН определяется методикой. «Мы учим студентов работать самостоятельно, — поясняет административный директор Наталья Яблонскене. — Индивидуальные консультации, эссе, письменные экзамены мы взяли в англо-саксонской образовательной модели». Акцент делается на самостоятельной работе с литературой: в библиотеке МШСЭН, сделанной англичанами «под ключ», 15 тысяч томов на английском языке, в журнальном фонде 486 наименований на русском и английском, на рабочих местах компьютеры.

Считается, что задача совместных программ не в том, чтобы загрузить студентов знаниями, а чтобы привить им навыки работы (так учат за рубежом — см. статью на стр. 52). В институте «Линк» считается, что нужно лишь помогать человеку осваивать учебный материал. Впрочем, западные педагоги пока не изобрели способов борьбы с российскими студентами, привыкшими на экзаменах списывать и пользоваться шпаргалками. В Институте бизнеса и экономики (программа Калифорнийского университета) студенты подписывают контракт, в котором обязуются «во время экзамена никому не помогать, не заглядывать в чужие работы и не просить ни у кого помощи».

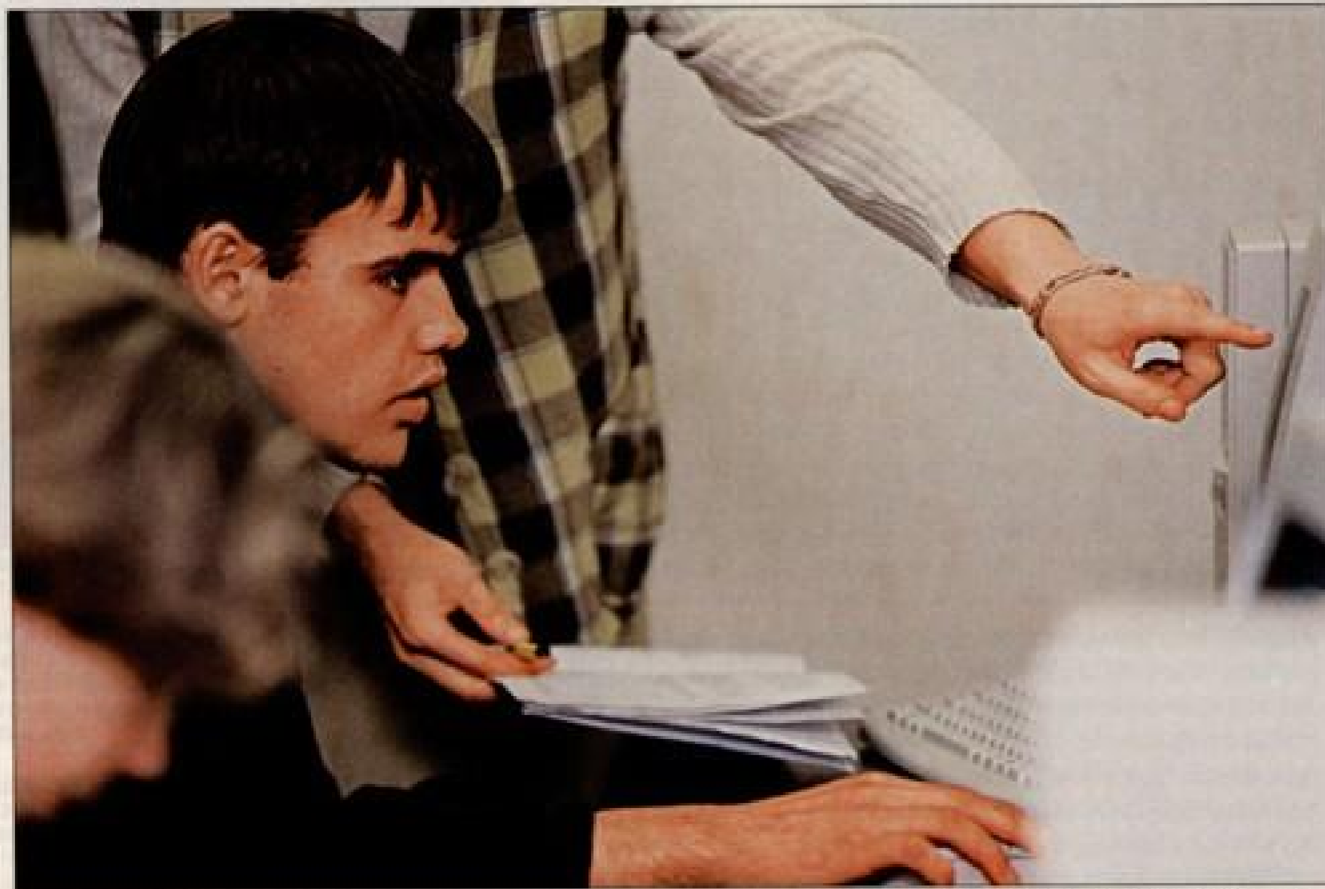
Насыщенные учебные планы и жесткий контроль за студентами на многих очных и вечерних программах (контролируют обычно иностранцы) приучают человека работать — с такими навыками нетрудно устроиться в жизни, особенно если во время учебы удалось обзавестись нужными связями. В зарубежных университетах обычно нет пересдач и сессий, к которым студент начинает готовиться за несколько дней до экзаменов. Итоговый балл за курс в представительствах американских вузов складывается из промежуточных «квизов» (зачетов), посещаемости, активности в классе и итогового экзамена. В «Туро» чем выше средний балл, тем меньше студент платит за учебу. Если человек «провалил» курс (итоговый балл — F), его придется пройти еще раз, заплатив деньги. Курсы можно «набирать» в любой последовательности, за исключением некоторых: к примеру, нельзя идти на «Американскую внешнюю политику», не пройдя «Введение в политологию». Можно перестать ходить на один курс, если не нравится профессор, и пойти на другой (правда, выбор зачастую ограничен).

Считается, что западные принципы образования, внедряемые совместными программами, способны вдохнуть новую жизнь в российское высшее образование, изрядно скисшее в советские времена. Однако большинство западных вузов, представленных в России, не страдают от избытка абитуриентов у себя на родине и не занимают первых строчек в национальных и мировых рейтингах. То, что во многих случаях российские студенты получают западный диплом, в котором не указано, что человек учился именно в России, не дает им особого веса ни на Западе, ни в России. Не каждый российский работодатель в состоянии адекватно оценить вес той или иной «корочки». Скажем, диплом Манчестерского университета получить сложно в самой Великобритании, а дипломы Британского Открытого университета дают едва ли не всем подряд.

В одной из массовых газет я прочитал рекламное объявление о том, что «Академия дистанционного образования (Великобритания) предлагает профессионалам со средним и высшим образованием курсы по экономике, международному бизнесу, менеджменту...» и прочее. Представительство академии — компания Hendor Group International — размещалось в двух комнатушках во Дворце труда (бывшее здание ВЦСПС). Руководителем «академии» оказался выпускник московской Финансовой академии, гражданин Эфиопии Белай К. Хайле-Майкл. Как выяснилось, академия собирается учить по программам британских вузов: Anglia Business Academy, London Oriental Academy и East London Business School. Программы вот-вот переведут на русский язык — на столе лежали талмуды с привычным оглавлением: менеджмент, маркетинг, бухучет... Студенты будут учиться на бакалавра, магистра и проходить профпереподготовку под руководством российских профессоров, в том числе тех, кто учил самого г-на Хайле-Майкла в Финакадемии. По окончании — британский диплом. В офисе академии мне сообщили, что желающих хоть отбавляй. ■

ОБЩЕСТВО | ОБРАЗОВАНИЕ

Время собирать

гранты

Вновь созданные вузы Санкт-Петербурга успешно развиваются с помощью зарубежных благотворителей

Борис Старцев,

Павел Горшков (фото)

НОВШЕСТВА

«Учеба здесь не гарантирует рабочих мест, мы не получаем государственных дипломов, зато приобретаем опыт научной работы и умение ориентироваться в «сетях», — говорит аспирантка Европейского университета (ЕУ) Олеся Кольцова и удивляется, что я не понимаю, о каких «сетях» речь. «Это связи в международном научном сообществе», — поясняет она. Олеся учится на третьем курсе социологического факультета и пишет диссертацию о трансформации механизмов контроля за средствами массовой информации (высшее образование получила на факультете журналистики СПбГУ). «Сети» уже помогали ей в научной работе — весной на два с половиной месяца съездила в Финляндию поработать в библиотеке. Недавно вернулась из Черногории, где Белградский университет проводил летнюю научную школу по социологии, — туда она попала благодаря связям своего научного руководителя. «В международном сообществе люди живут на гранты, — рассуждает Олеся. — Когда попадаешь в обойму, гранты начинают идти один за другим».

Однокурсница Олеси Лариса Шпаковская окончила социологический факультет СПбГУ. Друзья посоветовали сходить в ЕУ послушать лекции: «Я сходила на занятия к Вадиму Волкову, Елене Здравомысловой и была удивлена, что можно читать такие интересные лекции по социологии. Поняла, что пять лет в университете не дали мне представления о том, что это за наука. И сразу решила пойти сюда учиться».

В Европейский университет идут те, кто думает об академической карьере (впрочем, многие выпускники работают в банках, управленческих структурах и проч.). Здесь дают образование постдипломного уровня по гуманитарным специальностям: социология и политические науки, история, этнография, экономика. Обучение бесплатное. Сдавшие конкурсные экзамены получают стипендию 200 долларов в месяц, а иногородним доплачивают еще

половина остается во Франции. Например, из десяти стипендиатов Сорбонны моего года выпуска двое парней нашли себе там работу, а три девушки вышли замуж. Теперь французское посольство старается повлиять на то, чтобы стипендии доставались замужним выпускницам». Сама Оля филолог, диплом писала о комиксах. В коллеж пошла только ради оплаченного года во Франции. Но чтобы там оказаться, приходится изрядно попотеть. В коллеж поступает до двух тысяч желающих, а на второй год остается не больше сотни. Во Францию ежегодно посылают десять человек: в идеале по два на каждую специализацию — литература, социология, история, право, философия. «Сначала, конечно, я на литературу записалась. Обе тестовые письменные работы написала на «отлично». Но выяснилось, что на эту специализацию стипендий почти не выпадает. На следующий год пошла на социологию. Получила за работу пару. Записалась на историю. Результат был получше, но без перспектив на стипендию. Если бы пришлось платить за каждый год моих экспериментов, я бы еще сто раз подумала. А так, вернулась на литературу, и пожалуйста — поехала в Париж. Правда, тема комиксов их не заинтересовала. Пришлось писать о романах Бальзака в переводе Достоевского. Оказалось — интересная тема. Теперь в аспирантуре МГУ пишу диссертацию о новом французском переводе романов самого Достоевского. В Сорбонне я больше приобрела в человеческом плане, чем в научном. В нашем образовании есть система, широта. А там каждый копает свою ямку, но до дна. Профессора читают лекции только по тем темам, по которым имеют собственные публикации. В мой год занимались в основном латиноамериканской и англоязычной литературой. Зато я объездила почти всю Европу, ходила в театры, музеи. Стипендия нам все это позволяла, тем более что для студентов там везде скидки».

Еще один, прежде неизвестный нам вид образования — подготовка социальных работников. Казалось бы: чтобы разносить пенсии и продукты одиноким старикам, университетов кончать не нужно. Тем не менее Манчестерский университет совместно с Академией народного хозяйства организовал школу, которая дает диплом о послевузовском образовании в социальной области. Некоторые нашли здесь свое призвание. Сергей Малышев работал учителем физкультуры в городе Губкине Белгородской области. Увлекся психологическим тренингом, год вел группу в детском социальном приюте. Администрация направила его в Москву для повышения квалификации. «В школе я понял, что нашел свое дело. Познакомился с Игорем Доненко, руководителем клубного дома «Душа человека», который занимается социальной реабилитацией больных шизофренией. Теперь там работаю. Я знаю, что здесь полностью реализуюсь» (подробнее о доме «Душа человека» см. «Итоги» № 28, 1998). Игорь Доненко по первой специальности психиатр. Но ему представлялся неверным один из главных постулатов советской психиатрии — лечить человека, изолируя его. Он искал методику возвращения человека обществу, и ему казался плодотворным опыт клубных домов, которые впервые появились в США. «Я сначала брал психиатров, потом педагогов, психологов — всех приходилось переучивать. У нас, например, о такой специальности, как этика социальной работы, вообще не слышали». Тут и пригодилась программа Манчестерского университета. Сначала Игорь сам окончил школу, причем заплатил за науку 2,5 тысячи долларов. Теперь у него в штате еще два выпускника. «Мы, во-первых, стали эффективнее работать: раньше у нас было 25 — 50 пациентов, а сегодня их уже сто. И результаты качественнее. Этой весной мы единственные в Восточной Европе получили международную квалификацию. А во-вторых, что тоже очень важно, мы теперь со всем миром на одном языке разговариваем». ■

Елена Груева

100 долларов, чтобы снимать квартиру. ЕУ построен по принципу европейской аспирантуры, и учебная нагрузка столь велика, что, по утверждению некоторых аспирантов, времени не остается не только на заработки, но даже на личную жизнь. После первого года обучения аспиранты получают степень магистра, в конце третьего — защищают кандидатскую диссертацию. Магистерский диплом — «для внутреннего употребления», то есть его признают только в Европейском университете (за исключением диплома по социологии и политическим наукам, который, по словам ученого секретаря Олега Кена, «валидирован» Хельсинкским университетом). Диссертацию аспиранты защищают в специализированных ученых советах и получают обычный «ваковский» диплом.

Все преподаватели ЕУ или учились, или преподавали на Западе, или просто имеют опыт общения в международной академической среде. Доцент социологического факультета Вадим Волков говорит, что средний возраст преподавателей, как у игроков футбольной команды, тридцать лет с небольшим. Вадим закончил экономический факультет СПбГУ в 1987 году, через четыре года получил стипендию фонда Сороса и фонда помощи иностранным студентам при Кембриджском университете на годичную учебу в Кембридже, где потом еще четыре года учился на магистра социологии: «Нужно было посещать семинары, писать каждый триместр эссе по социальной теории страниц на двадцать и работать над магистерской диссертацией». После защиты вернулся в Россию — «социолог должен быть там, где общество меняется, а в Кембридже оно не менялось уже четыреста лет».

В Санкт-Петербурге Вадима пригласили работать в ЕУ, предложив неплохую по питерским меркам зарплату. «В университете сформировалось совсем иное научное сообщество, нежели в других вузах, — говорит Вадим. — Как и во всех зарубежных вузах, научная практика в нашем университете ориентирована на письменное изложение. У нас нет устных экзаменов — не требуется учить билеты, чтобы их забыть на следующий день».

В ЕУ приезжают преподавать модные московские профессора, например проректор Высшей школы социальных и экономических наук социолог Вадим Радаев («Он совершает научный подвиг, отрываясь от дел!» — уверяет Олег Кен). Профессор Гарвардского университета Светлана Бойм, преподававшая в ЕУ, утверждает, что здешние студенты ничем не отличаются от тех, которых она учит в Америке. ЕУ поддерживают местные власти, отдавшие ему шикарное здание рядом с Летним садом, а основные расходы покрывают соросовская программа HESP (High Education Support Program), фонд Форда и фонд Мак-Артуров.

Не поучишься — не продашь

Зарубежные благотворители помогают вновь созданным учебным заведениям Санкт-Петербурга весьма эффективно, но особую поддержку оказывают деловому и экономическому образованию. После того как ректор Международного банковского института Виктор Вениаминов познакомился с британским премьер-министром Маргарет Тэтчер, правительственный фонд Know How дал деньги на техническое оснащение и обучение преподавателей. Потом институт получил гранты некоторых европейских правительств. Посредниками выступили Стокгольмский университет, Бельгийская банковская академия, Люксембургский банковский институт и другие. Иностранцы помогали техникой, книгами, учили преподавателей и сами читали лекции.

При поддержке западных спонсоров в

Санкт-Петербурге были созданы две бизнес-школы — IMISP (Институт международного менеджмента Санкт-Петербурга) и ЛЭТИ-Лованиум, достижения которых признают даже ректоры лучших московских учебных заведений этого профиля. ЛЭТИ-Лованиум — совместное детище Ленинградского электротехнического института и бельгийского учебного консорциума «Лованиум», в который входят старинные бельгийские университеты Левен и де Лова. IMISP создавался на деньги Европейского сообщества при участии четырех элитных бизнес-школ — Боккони (Италия), Хенли (Англия), Лиона (Франция) и Барселоны (Испания). «Единственная школа бизнеса, у которой нашему вузу есть чему поучиться, — это IMISP», — признает ректор Института бизнеса и делового администрирования Сергей Мясоедов.

Обе питерские бизнес-школы успели приобрести отменную репутацию — нередко в объявлениях о найме на работу указывается, что предпочтение отдается именно их выпускникам. (В Москве новые бизнес-школы обычно не дотягивают до уровня именитых вузов, и работодатели относятся к ним спептически.) Успех ЛЭТИ-Лованиум, где учат на магистров управления бизнесом, и IMISP (здесь есть бакалавриат, МВА и всевозможные краткосрочные курсы) объясняется высокими требованиями к студентам и отточенностью методики. Так, в IMISP каждый преподаватель, готовясь к занятиям, должен раздать студентам текст своей лекции, чтобы они не отвлекались, конспектируя.

В соседнем с IMISP флигеле Смольного монастыря расположен социологический факультет СПбГУ, около него — шумная тусовка студентов. У дверей IMISP ни души: изредка входят или выходят один-два студента с папками. Проректор Александр Лапин говорит, что в помещении института установлены видеокамеры — так обеспечивается приличное поведение, и студенты не пишут на стенах.

ВЫПУСКНИКИ ЛЭТИ-ЛОВАНИУМ (ВВЕРХУ) **И ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО МЕНЕДЖМЕНТА** (СТР. 50) **У РАБОТОДАТЕЛЕЙ КОТИРУЮТСЯ ВЫСОКО**

ДОЦЕНТ ФИЛФАКА СПБГУ НИКОЛАЙ КОПОСОВ СЧИТАЕТ, ЧТО ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — ОСНОВА ДЛЯ УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В САМЫХ РАЗНЫХ ОБЛАСТЯХ

Два года назад в Санкт-Петербурге открылось представительство Стокгольмской школы экономики, где теперь повышают квалификацию менеджеры, имеющие опыт работы. Представительство финансируется фондом Ханса Раузинга («упаковочного короля», создателя знаменитых пакетов для молока и сока), и за год учебы студенты платят всего около 600 долларов. Очная часть обучения состоит из пяти семинаров, проходящих в пансионате под Сестрорецком. Каждый семинар посвящен одному из разделов общего менеджмента (стратегия, финансы, маркетинг и проч.). Семинары, как правило, ведут шведские профессора на английском языке.

На семинаре по стратегическому управлению студенты, сидя за столами, составленными в каре, анализирует деловую ситуацию («кейс»), посвященную рынку бизнес-образования в Санкт-Петербурге. Команды из четырех человек по очереди представляют свои домашние задания (со схемами и таблицами) — предложения Стокгольмской школы экономики о том, как ей развиваться в условиях конкуренции (активнее заниматься рекламой, приглашать студентов из других регионов, открывать новые программы).

Игорь Васильев — частный предприниматель, в бизнесе с 1987 года, — в Стокгольмскую школу пошел за знаниями: «Моя фирма занимается строительством жилья и производством мебели. Сейчас на этом рынке жесткая конкуренция, и нужно как-то выживать. То, чему здесь учат, можно сразу применять на практике. На одной лекции нам рассказали, что, продавая товар, нужно пытаться заодно продать какой-то сопутствующий

товар или сопутствующую услугу. И тогда в дополнение к кухонной мебели мы стали предлагать шведскую кухонную технику Electrolux. Это принесло более высокую прибыль, чем само производство».

Самвел Аветисян, раньше занимавшийся телекоммуникациями и аудио-видео-бизнесом, два месяца назад стал начальником отдела маркетинга в российской компании, производящей масло, маргарин и прочие продукты. По словам Самвела, ее стратегическая цель — «обставить» голландскую фирму «Юниливер», работающую в том же секторе рынка: «Я пошел учиться, чтобы сопоставить свой личный опыт ведения бизнеса с тем, чему учат знающие люди. Я хочу разбираться в законах бизнеса, — хочу, например, понимать, как работает фирма в целом, а не только мой отдел».

То, что занятия идут на английском, студентов не смущает — для них это дополнительная языковая практика, очень полезная, потому что «бизнес не имеет границ». Свое учебное заведение они считают престижным. Студентка, возглавляющая турфирму, рассказала, как, узнав, что она учится в Стокгольмской школе экономики, директор агентства по подбору руководящего состава тут же ей предложил более высокооплачиваемую работу.

Кого хочешь выбирай

«Во всем мире восемьдесят процентов людей, получивших высшее образование, работают не по специальности, — уверяет доцент филологического факультета СПбГУ Николай Копосов, ссылаясь на исследования Будапештского института образования. — В гуманитарной сфере человек может за всю жизнь поменять семь-восемь специальностей. Поэтому образование должно быть очень гибким — студент сам выбирает курсы, которые ему интересны, причем вовсе не обязательно это гуманитарные предметы. Ведь неизвестно, в какой сфере он потом будет работать». Копосов поясняет, что такой принцип обучения студентов давно взяли на вооружение за рубежом, прежде всего в США. Получение широкого гуманитарного образования (liberal arts & sciences) группа питерских ученых во главе с завкафедрой лингвострановедения филфака СПбГУ Валерием Монаховым сочла залогом успешной карьеры в любой сфере деятельности. Совместно с нью-йоркским Бард-колледжем, при поддержке Джорджа Сороса в Питере этим летом был открыт Смольный институт свободных наук и искусств. В октябре здесь начал учиться первый «поток».

«В российской академической среде всегда считалось, что университет должен жить для университета и воспроизводить университет, — считает ставший директором Смольного института Валерий Монахов. — На гуманитарных факультетах СПбГУ недавно провели опрос преподавателей, и пятьдесят процентов сказали, что предпочтительная, на их взгляд, карьера их учеников — работа в Академии наук, тридцать процентов — работа в университете, двадцать процентов назвали бизнес, искусство или что-то другое. А мы же исходим из принципа, что университет должен работать для общества. Не нужно ориентировать студентов на работу только в науке, хотя, конечно, и такой путь не исключен». Считается, что цель такого образования не заучивание научных фактов, а развитие творческих способностей. Окончив университет, человек выбирает ту специальность, которая ему больше по душе, — к примеру, для работы в банке достаточно потом поучиться на курсах.

Предполагается, что студенты Смольного института будут самостоятельно составлять свой учебный план — большая часть курсов по выбору, причем выбирать можно что угодно: от химии до музыки. «Такое образование формирует иное мировоззрение, — считает Копосов. — Человек не боится рассуждать о смежных дисциплинах, он владеет различными подходами для анализа той или иной ситуации. Наконец, он может принимать нестандартные решения. Эффективность такого образования — в его широте».

Впрочем, есть опасения, что свобода окажется привычной спутницей халтуры. К тому же перспектива признания специальности liberal arts & sciences российским государством кажется весьма призрачной: несмотря на то, что новый институт находится под крылом «большого» университета, без государственной лицензии на обучение будущих бакалавров по «либеральным» программам студенты не получат ни отсрочки от армии, ни российского государственного диплома (в отличие от тех, кто идет на послевузовские программы, вчерашним школьникам он необходим). Впрочем, университетские профессора утверждают, что идея либерального образования понравилась министру образования Владимиру Филиппову, а раз так — Смольный институт имеет шанс стать федеральной экспериментальной площадкой и получить таким образом признание властей.

Преподаватели филфака СПбГУ рассказали об образцовой, на их взгляд, студентке Бард-колледжа, приехавшей в Питер по обмену. Под впечатлением рассказов о блокаде Ленинграда она решила писать об этом дипломную работу. Выучила русский, прочла несколько книг, нашла на Брайтон-бич эмигрантов, переживших блокаду. А потом написала либретто балета, подобрала к нему музыку Шостаковича, и двенадцать ее сокурсников в этом балете танцевали. Диплом защитила у двух научных руководителей — историка и балетмейстера. По окончании колледжа девушка занялась торговлей экологически чистыми продуктами. ■

Год с «сыновьями героев»

АЛЕКСАНДР ЗАСЛАВСКИЙ

Немного Шекспира, Колриджа и Артура Миллера в английской частной школе открыли московскому школьнику дорогу в Оксфорд

Александр Заславский

ОПЫТ

В последний день августа 1991 года я проходил регистрацию в Шереметьево-2. Провожали меня со слезами. Посмотрев на мой билет Москва — Лондон, немного удивленный таможенник поинтересовался у моей мамы, залившей слезами половину терминала: «Что, Англия принимает на ПМЖ?» — «Нет, он на год, учиться». «Ну, радоваться надо, а ты прилавок моешь», — таможенник поставил печать и махнул мне рукой — пошел.

Радоваться было чему: я ехал бесплатно в знаменитую английскую частную школу. Получилось все это настолько просто, что до сих пор кажется неправдоподобным. Десятиклассником московской школы №1246 я по обмену поехал со школьной группой в Англию. Принимала нас женская католическая школа св. Бернарда во главе с учительницей латыни и греческого. Пораженная моей мифологической осведомленностью, — я очень хорошо усвоил известную книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции» — учительница решила вытащить меня в Англию на год. Вариант с женской школой исключался, но муж учительницы преподавал физику в другом учебном заведении. Туда-то меня и пригласили.

ВЕЛЛИНГТОН-КОЛЛЕДЖ. ОТКРЫТ В 1853 ГОДУ ДЛЯ ДЕТЕЙ ПОГИБШИХ ОФИЦЕРОВ

О Веллингтон-колледже к моменту отъезда я знал только то, что было написано в цветной брошюре, содержавшей фотографию директора, здоровенного детины в мантии и костюме-тройке, и его краткое напутствие родителям учеников. В нем директор обращал внимание родителей на то, что официальное название школы — «Королевское и религиозное учреждение»

— не случайно: особый упор здесь делается на духовное становление личности. К брошюре прилагалась справка о стоимости обучения, изучив которую, я был готов отказаться от духовного роста вообще хотя бы за десятую часть указанной суммы.

Отдельно мне передали список необходимой экипировки: костюм, рубашки, обязательно — синий одноцветный галстук и черные ботинки. Добыть ничего не удалось (помешали путчисты и голые прилавки), кроме намертво завязанного синтетического галстука на резиночках. Поэтому покорять Англию я отправился с огромным бурым чемоданом, набитым шерстяными кофтами времен юности моих родителей.

На место я прибыл за два дня до начала занятий. Школа была огромной и пустой. Мне объяснили, что основана она была в 1853 году — вскоре после смерти Великого Герцога. Первоначально планировалось поставить памятники Веллингтону в каждом английском городе, но, одумавшись, правительство решило увековечить его память открытием школы для детей погибших офицеров. Здание построили соответствующее — красные кирпичные стены, глухие ворота, два каменных плаца и коридоры-казармы для воспитанников. Над главным входом девиз — «heroum filii», «сыновья героев», и везде напоминания о Большом Человеке: его имя выбито на воротах и стенах, а огромный носатый бюст возвышается над передним плацем. Бюсты его боевых товарищей — принцев, генералов и адмиралов — стоят в круглых нишах по всей школе, и их именами названы хаусы.

Меня определили в хаус под названием Лайндок. «У этого Лайндока репутация немного дикого места, — сказал один из провожатых, — но ты не волнуйся, привыкнешь». Познакомившись со своим хаусмастером мистером Боуденом, лысею-

щим джентльменом лет пятидесяти, я отправился смотреть сам Лайндок. Там я в первый раз по-настоящему удивился.

Поразило меня необычайное убожество этого помещения, не ремонтировавшегося с того самого 1853 года. Лайндок представлял из себя длинный коридор с четырехметровым потолком и комнатами по обеим сторонам, которые отделялись друг от друга и от самого коридора грубо сколоченными деревянными перегородками. Перегородки не доходили до потолка, так что, ухватившись за верхнюю доску, можно было подтянуться и заглянуть в комнату соседа. В самих комнатах-боксах размером два на два метра едва помещались кровать и стол. Двери были распахнуты настежь, с перегородок глядели голые девицы и рок-персонажи. Запирались двери в комнаты только снаружи, на висячий замок. Душ общий, в конце коридора, туалет — этажом ниже.

Я с трудом впихнул свой бурый чемодан в отведенную мне клеть и стал ждать приезда остальных обитателей Лайндока. Это произошло на следующий день. Вечером, после того как уехали родители, хаусмастер представил меня моим новым соседям и объяснил распорядок дня. День строился на перекличках, которые проводили префекты-старшеклассники пять раз в день. Отсутствовать на перекличках нельзя. Подъем в 7.30 утра и отбой в 22.00 контролировал лично хаусмастер. Меня сразу назначили префектом — в Лайндоке народу мало, поэтому здесь каждому старшекласснику выпадает эта честь, а в других хаусах за нее надо еще побороться.

Свои первые разговоры с соседями я помню плохо, но мне сразу стало понятно, что тот факт, что я из России, у них не вызывает почти никакого интереса. Учителя — те, наоборот, очень живо всем интересовались, тем более что я прибыл сразу после августовского переворота, и даже большая лондонская газета прислала журналиста побеседовать со мной, результатом чего стала статья под названием «С баррикад в интернат», хотя я и говорил, что на баррикадах в жизни не был, а весь путч просидел дома, накрыв голову одеялом.

Так или иначе, если с учителями мне удавалось по крайней мере поговорить, то со своими сверстниками отношения у меня не сложились. Никто меня не обижал, не бил, не дразнил — меня просто не замечали. Теперь я понимаю, как плохо я вписывался в круг своих сверстников — я едва объяснялся на их языке, не знал их музыки и носил бог знает какую одежду.

А еще одной важной проблемой был спорт. Веллингтон оказался ко всему прочему школой спортивной, где в особом почете регби, в которое играют ежедневно и практически все. Постоянно проводятся игры между хаусами, отличившиеся получают галстуки своего хауса (галстук Лайндока — широкие синие и черные полосы). Тем, кто играет за сборную школы, обеспечен всеобщий почет и уважение. Я же спорт вообще и регби в частности терпеть не могу. Мне сначала просто не верили, но, взяв один раз на игру (во время которой я, кстати, очень сильно получил бутсой по шее), поверили и больше никогда не беспокоили.

ХАУС — ЭТО ЧАСТЬ КОЛЛЕДЖА, В КОТОРОЙ ЖИВЕТ ГРУППА УЧЕНИКОВ РАЗНОГО ВОЗРАСТА, 30 — 50 ЧЕЛОВЕК (ВСЕГО В ШКОЛЕ 600 УЧАЩИХСЯ). ПОЛНЫЙ КУРС ОБУЧЕНИЯ — ПЯТЬ ЛЕТ, И ВСЕ ПЯТЬ ЛЕТ УЧЕНИК ЖИВЕТ В ОДНОМ И ТОМ ЖЕ ХАУСЕ. В КАЖДОМ ЕСТЬ НАСТАВНИК — ХАУСМАСТЕР, КОТОРЫЙ ВЫПОЛНЯЕТ РОЛИ ВОСПИТАТЕЛЯ И ТРЕНЕРА, А ТАКЖЕ ОТВЕЧАЕТ ЗА ДИСЦИПЛИНУ И ПОРЯДОК

Несмотря на все это, я остался префектом, и в положенное время должен был зычно кричать что-то вроде «Перекличка!!! Всем выйти из комнат!», а потом идти по коридору, выкликая фамилии — Rowbotham, Goodeve-Docker, De Baer.

После спорта и дисциплины сама учеба занимала достаточно скромное место. Расписание уроков подгонялось под спортивный график, так что занятия бывали и утром, и вечером. В английском аттестате о среднем образовании — три предмета. Каждый делится на 3-4 отдельные темы, по которым сдаются отдельные письменные экзамены или тесты. Мой предмет, «Английская литература», содержал четыре темы — две пьесы Шекспира, романтическая поэзия Колриджа и «Смерть коммивояжера» Артура Миллера. Никаких попыток связать эти произведения не предпринималось. В других школах темы и произведения могли отличаться, но разрозненность везде была одинакова.

Репутацию места опасного и необузданного Лайндок заслужил не случайно, и дело тут даже не во внешней разрухе, хотя многие другие хаусы выглядели чище и приличнее, а в некоторых совсем шикарных комнатах имелись раковины. Именно в Лайндоке мне довелось познакомиться с бичом английских частных школ — по-английски это называлось словом «bullying», что означает нечто вроде дедовщины — запугивание и преследование. В прошлом издевательства старших над младшими в закрытых английских частных школах-интернатах были чуть ли не обязательным компонентом аристократического образования. Я застал только остатки этого явления. Но даже тогда во внешне безобидных просьбах к малышне сбегать за чаем или подмести пол угадывалась вековая традиция. Ломали ее как раз при мне.

Мой приезд совпал с чередой громких скандалов в связи с детскими самоубийствами, учителями-растлителями и прочими прелестями негосударственного образования, после которых английский парламент принял закон о правах ребенка. Во все частные школы выехали комиссии, для того чтобы на местах проверить условия детской жизни и зачитать детям их права (несколько страниц мелким шрифтом). В Лайндоке к их приезду в душе появилась клеенчатая ширма.

Мне кажется, что в Веллингтоне защищать надо было не детей, а преподавателей. Некоторые из них, особенно кто послабее и помоложе, получали от учеников по полной программе. Вообще, с дипломом из хорошего университета учителем в частную школу в Англии устроиться просто. Платят учителям частной школы неплохо, плюс бесплатно предоставляют дом или квартиру. С другой стороны, здесь у них проходит вся жизнь: с утра они заняты на уроках, днем на спортплощадке, вечером на какой-нибудь добровольно-принудительной ерунде. Контингент же в Веллингтоне трудный: могут дать понять, что раз вам платят деньги, то не возникайте, сэр. (Именно так надо обращаться к учителю — «сэр», в редких случаях «мадам», учительниц мало.) Так что услышать вопрос вроде «А на какой помойке вы нашли этот галстук, сэр?» было делом нередким.

Неудивительно, что на этом фоне я выглядел пай-мальчиком — вежливо разговаривал, делал уроки (другого занятия просто не было) и всем своим видом, кислой физиономией и потрепанным костюмчиком, вызывал у преподавателей острое чувство жалости. Они со мной много возились, помогали и в конце концов предложили попробовать поступать в Оксфорд! Уже к середине года мне собрали деньги, необходимые для оплаты университетской программы. Речь шла о десятках тысяч фунтов, и они были получены быстро — директор колледжа написал несколько писем богатым экс-ученикам.

Кроме этого, мне помогли быстро оформить кипу бумаг для поступления в университет — обычно этот процесс растягивается на весь учебный год. Сперва абитуриент заполняет анкету, в которой указывает пять университетов, в которые он хочет поступить, и предметы, которыми хочет заниматься. В анкете есть две важные страницы — на одной надо кратко изложить биографию и обосновать свой выбор, на другой учитель или директор школы должен написать нечто вроде характеристики. Последняя, как я убедился, имеет решающее значение.

Анкеты отправляют в единый центр, где информация вносится в компьютер и рассылается по университетам. Обычно те сразу высылают абитуриентам ответы с указанием определенного количества баллов, которое требуется набрать на школьных выпускных экзаменах. Набрав его — вне зависимости от предмета — абитуриент считается зачисленным. Естественно, чем лучше университет, тем выше требуемая сумма баллов. Вступительных экзаменов в нашем понимании нет, и, за исключением двух университетов, Оксфорда и Кембриджа, вся процедура осуществляется по почте. Поступающих же в «Оксбридж» приглашают на собеседование.

К «оксбриджским кандидатам» в школе относились трепетно. Сравнительная статистика поступлений в два лучших университета из разных школ ежегодно предается огласке, поэтому талантливую молодежь в Веллингтоне опекали почти так же, как регбистов. С «кандидатами» дополнительно занимались — готовили к собеседованиям, на которых задают абстрактные вопросы, а не по программе, чтобы составить представление о потенциале каждого абитуриента.

На собеседования я прибыл в начале декабря в жуткий мороз. В университетских помещениях, как водится, не топили, так что помимо паники меня и остальных кандидатов донимал еще и холод. Поступал я на предмет с названием «философия, политика и экономика». По отдельности эти дисциплины — на доаспирантском уровне — изучать в Оксфорде нельзя, можно только вместе. Первое собеседование у меня было по философии. В 8.30 утра в университетском городке я явился по назначенному адресу. Дверь открыл господин в пижаме, который провел меня в кабинет и, усадив в кресло, грустно спросил: «Что такое ум?» В таком же ключе прошли и два других собеседования — там экзаменаторы, правда, уже успели одеться, но вопросы все равно задавали странные. Через несколько недель из Оксфорда пришло письмо с условием зачисления: необходимо получить два «A» и «B» (на экзаменах баллы выражаются не цифрами, а буквами от «A» до «E»).

Спустя десять месяцев после своей первой переклички я уезжал из Веллингтона. У меня был английский аттестат, открывавший дорогу в университет, были деньги и даже двое приятелей. Но настоящим веллингтонцем я так и не стал. Когда я зашел попрощаться с мистером Боуденом, тот сунул мне в руки маленький сверток. «Извини, Саша, — сказал хаусмастер, — я хотел бы дать тебе галстук, но ты ведь не спортсмен». Развернув сверток, я увидел бабочку, раскрашенную в черно-синие полосы, цвета Лайндока.

С тех пор я приезжаю в Веллингтон каждый год, обычно на «спич-дэй» — ежегодное грандиозное майское мероприятие, на которое собираются родители и бывшие учащиеся и которое состоит из официальной части с докладами об успехах школы и неофициальной — огромного пикника вокруг школы и разнообразных развлечений в военно-спортивном духе.

Всякий раз во время визита я ловлю себя на мысли, что, живя в Лайндоке, я застал, может быть, остатки школьной жизни — такой, какой она была двадцать, пятьдесят, сто лет назад. Мне кажется, что за прошедшие восемь лет Веллингтон модернизировался и оборвал эту невидимую пуповину. Школа преобразилась внешне — к очередному визиту королевы был сделан ремонт, так что теперь и Лайндок выглядит вполне пристойно.

Главные же перемены произошли внутри школы. Она утратила неповторимый дух старины и превратилась в хорошее учебное заведение европейского типа. Сегодня в ней полно иностранцев (в мое время были единицы), а уж о том, чтобы обижать младших, не может быть и речи. И наконец — Веллингтон подключился к Интернету и открыл свою страницу.

Эти ежегодные приезды для меня — прежде всего возможность увидеть людей, которым я очень многим в жизни обязан. Наверное, я попал в «хорошее» время, когда к России относились с симпатией и в каком-то смысле было модно ей помогать. Но была и другая, не зависящая от времени причина. «Вот ты у нас выучишься, — говорили мне спонсоры, — вернешься домой и расскажешь, как в Англии живут, как друг другу помогают. Чем больше люди будут помогать, тем меньше вражды. И еще ты поймешь, что в Англии люди ценят, и сам начнешь это ценить». Так меня «вербовали» — во имя мира и прогресса. Мне кажется, им это удалось. ■

Английское гуманитарное образование (и в школе, и в университете) не ставит перед собой задачу дать учащимся знания — им прививают навыки работы. Поэтому при поступлении в вуз на конкретный набор предметов, изучавшихся вами в школе, никто не смотрит — смотрят на результаты школьных выпускных экзаменов. В школе вы можете изучать экономику с историей, а в университет поступать на факультет зоологии. Главное, чтобы отметки были хорошими

Безуспешная диверсия

Показ знаменитой авангардной версии «Жизели» в Москве совпал с открытием Первого европейского фестиваля современного танца

Ярослав Седов,
Елена Губайдуллина

ГАСТРОЛИ

Устроители Первого европейского фестиваля современного танца в Москве вполне могли бы заподозрить Большой театр в искусно спланированной диверсии. Организаторы фестиваля тщательно выискивали по всей Европе неизвестные нам экспериментальные труппы, вовлекли в реализацию проекта правительство Москвы, Французский и Немецкий культурные центры, Британский совет и множество других солидных организаций. А Большой взял да и предоставил свою сцену шведской труппе «Куллберг-балет», впервые в Москве показавшей знаменитую авангардную версию «Жизели» в постановке Матса Эка. И прямо накануне фестиваля: его открытие в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко совпало с последним представлением «Жизели» в Большом.

Не входивший в программу фестиваля спектакль Эка тем не менее идеально соответствовал его теме: «Классическая традиция и современный танец» (в то время как привезенные на фестиваль опусы практически не имели с этой темой ничего общего). А кроме того, шведская «Жизель» — один из лучших образцов пластического постмодерна 80-х.

Но Большой не сумел воспользоваться своим преимуществом. На его огромной сцене спектакль Матса Эка потускнел. Многие детали смотрелись невыразительно. Главная героиня в старательном исполнении Гуниллы Хаммар казалась скромной, порой обаятельной, но у нее не было мощного темперамента ее предшественницы Аны Лагуны, для которой Эк и создал партию Жизели. К тому же хриплая фонограмма звучала в зале Большого кощунственно. В результате стал заметен просчет в концепции спектакля, которому обычно не придают значения, восхищаясь талантливо поставленными танцами.

Классическая «Жизель» утверждает идею гармонии: преступая ее законы в первом действии, герой губит возлюбленную, а во втором, следуя им, преодолевает даже смерть. В спектакле Матса Эка этой идеи нет. Страсть, ревность, безумие для хореографа — лишь аффекты, мастерски переданные гротескной пластикой. Безумие Жизели в конце первого акта завершает сюжет, а второй акт, действие которого разворачивается в сумасшедшем доме, кажется лишним. В этом смысле постановка Матса Эка не соперничает с первоисточником, а лишь подтверждает его совершенство.

Посмотрев спектакль Эка нынешним летом на Эдинбургском фестивале (см. «Итоги» № 36), наши театральные эксперты были уверены, что в России «Жизель» вызовет ажиотаж. Как бы ни была противоречива версия Эка, это одна из вершин современного балета; ориентир, на который равняются все, кто занимается проблемами новых пластических направлений. Но, к изумлению знатоков, на протяжении всех трех вечеров зал не заполнялся. Достойной рекламы, объясняющей, что за событие происходит в Большом, не было. При этом цены на билеты оказались даже выше эдинбургских (около 60 долларов против 30 английских фунтов).

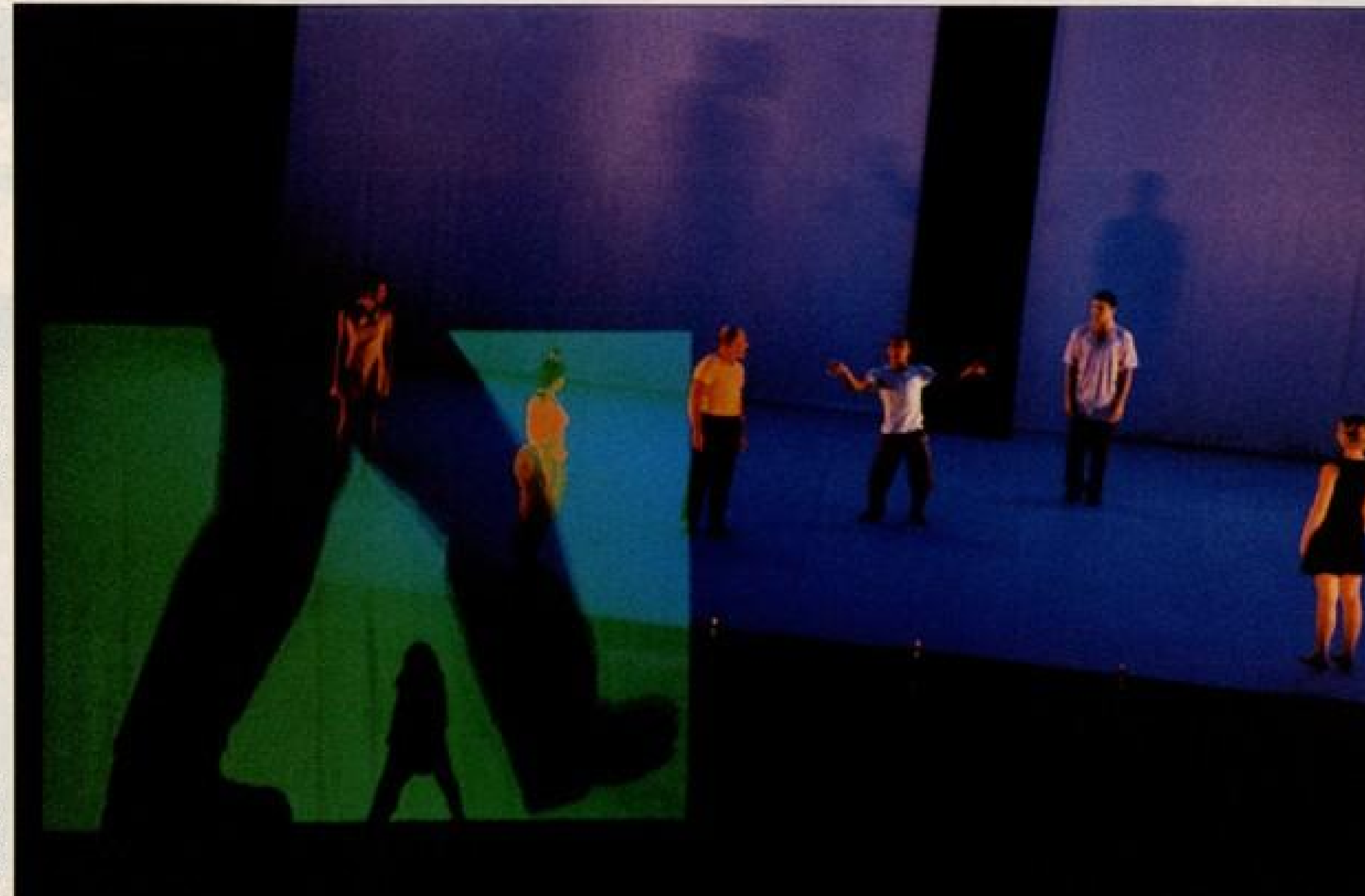
Зато на фестивальные спектакли, благодаря умелой раскрутке, публика ломилась. И в большинстве случаев уходила разочарованной. Ей предлагали либо утомительные и безуспешные поиски новых пластических средств (как, например, в четырех композициях Аманды Миллер под общим названием «Открытое небо»), либо этюды для драматических актеров (вроде постановок Яна Фабра, где актриса рассуждала о рассыпанных под ногами дохлых пауках, как в композиции «Она была и есть неизменно»).

Единственной радостью стал «Рай» Жозе Монтальво, открывший фестиваль. Это был уморительно смешной калейдоскоп трюков, в котором перемешались чуть ли не все стили современной пластики: роботообразные движения брейка, головокружительные вращения хип-хопа, зажигательные африканские танцы, полуспортивные комбинации на пуантах. Пестрая толпа участников, проделывающих все эти трюки, то носилась по сцене, то непостижимым образом попадала на экран, где к пляскам их кинодвойников присоединялись гарцующие цирковые лошади, зебры, ламы, тигры и прочие животные. Правда, такая кутерьма вскоре начинала утомлять, подобно бегу на месте, который порой изображали артисты. Спектакль спасали четкость композиции и красочность зрелища.

Всякий раз после подобных фестивалей специалисты, пытаясь объяснить, почему увиденное не является качественным современным танцем, вздыхают: «Как было бы хорошо сопоставить эти постановки с серьезными работами вроде спектаклей Пины Бауш, Пола Тейлора, Матса Эка. Всем все сразу стало бы понятно». И вот когда такая возможность наконец представилась, публике не дали ею толком воспользоваться. ■

НА СТР. 56: **В «ЖИЗЕЛИ» МАТСА ЭКА ВИЛИСЫ** ЛИШИЛИСЬ ПУАНТОВ, ВОЗДУШНЫХ ПОДВЕНЕЧНЫХ ПЛАТЬЕВ И **ПРЕВРАТИЛИСЬ В ПАЦИЕНТОК СУМАСШЕДШЕГО ДОМА,** ГДЕ ПРОИСХОДИТ ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ СПЕКТАКЛЯ

СПРАВА: УЧАСТНИКИ СПЕКТАКЛЯ **«РАЙ»** В ПОСТАНОВКЕ **ЖОЗЕ МОНТАЛЬВО** ТАНЦЕВАЛИ ТО НА СЦЕНЕ, ТО НА КИНОЭКРАНЕ

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ **«ТЫ ЕСТЬ ИЛИ ТЕБЯ У МЕНЯ НЕТ»** ЧЕЛЯБИНСКОГО ТЕАТРА СОВРЕМЕННОГО ТАНЦА

Большое русское кино

Выходят сразу два фильма из числа «мегапроектов»: «Лунный папа» и «Восток-Запад»

«ЛУННЫЙ ПАПА»: ГЕРОИНЯ **ЧУЛПАН ХАМАТОВОЙ** ТАК НАИВНА, ЧТО ДАЖЕ НЕ ЗНАЕТ, КАК ПРАВИЛЬНО УСТРОИТЬСЯ В ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОМ КРЕСЛЕ

Юрий Гладильщиков
КИНОВОЛК

Большое русское кино теперь снимает не только Никита Михалков. Его делают еще и иностранцы, как ближне-, так и дальнезарубежные, причем известные. Обладатель «Оскара» (за «Индокитай») французский режиссер Режис Варнье выпустил фильм «Восток-Запад» — с Олегом Меньшиковым, Сергеем Бодровым-младшим, Сандрин Боннер и Катрин Денев. Обладатель «Серебряного льва» Венеции (за «Кош ба кош») бывший советский, а теперь берлинский режиссер Бахтиер Худойназаров произвел на свет «Лунного папу» — с Чулпан Хаматовой, Николаем Фоменко и Морицем Бляйбтроем (европейской звездой после фильмов «Достучаться до небес» и «Беги, Лола, беги»). Оба фильма раскручиваются на главнейших кинофестивалях: «Восток-Запад» показали в Локарно и Торонто, «Лунного папу» — в Торонто и Венеции. Оба являются крупными копродукциями: «Восток-Запад» делали главнейшие французские студии, а также Испания, Болгария и Украина, «Лунного папу» — Австрия, Германия, Швейцария, Франция, Япония, Таджикистан и Узбекистан. Тем не менее оба фильма — это прежде всего НАШЕ новое кино. И не только потому, что сделаны при значимом участии «НТВ-ПРОФИТ», а в половине главных ролей — наши ведущие актеры. Просто и язык наш, и тема — ментальные различия и любовь/ненависть между Востоком и Западом — очень для нас актуальна.

ВОСТОК ПРЕДСТАЕТ В ОБОИХ ФИЛЬМАХ пространством душевным, рисковым, в меру романтическим и обаятельным, нелинейным и сюрреалистическим (что для линейного и рационального Запада, скорее, хорошо), но в то же время варварским, недемократическим и негуманным. Его экзотика и причуды кажутся занятными, но недолго, и, судя по фильмам, за ними безопаснее наблюдать издалека. Оба фильма про то, что герои, даже любя незападный стиль жизни, тем не менее отчаянно пытаются вырваться из тюрьмы Востока. Сходные чувства любви-ужаса по отношению к Востоку, похоже, испытали во время работы и иностранные актеры. В одном из интервью «луннопаповец» Бляйбтрой признался, что полюбил Таджикистан, в пустынях которого снималась картина, но периодически мечтал послать съемки к чертовой матери.

В «Лунном папе» Восток — это Средняя Азия, в «Востоке-Западе» — сталинский СССР.

Я твою папу!..

«Лунный папа» — фильм странный. Из *синопсиса:* «Лунный папа» — фантастическое и трагикомическое путешествие сквозь ландшафты Средней Азии, где традиции и предрассудки соседствуют с хаосом постмодернистского мира». Сказано красиво и — по отношению к фильму — точно. Его стиль — сутолока и нагромождение. Если свести сюжет к элементарным составляющим, то фильм про то, как восторженная-искренняя девушка Мамлакат (Хаматова, разумеется) однажды лунной ночью встретила загадочного незнакомца, чье лицо не сумела даже разглядеть. И понесла в животе Хабибуллу. Ее отец Сафар (Ульянов таджикского кинематографа Ато Мухамеджанов) и брат Насреддин (а вот это Бляйбтрой), ставший дурачком после контузии в Афганистане, не могут снести позора и отправляются на поиски неизвестного лунного папы.

Но простенький сюжет теряется в нагромождении гэгов. Мамлакат, Сафар, Насреддин и все-все-все вечно куда-то несутся, задевают локтями и коленками все, что только можно задеть, постоянно спотыкаются, падают, опрокидывают и разрушают все, что можно разрушить и опрокинуть, бьют, кого могут, по морде, то есть каждого встречного. Если — по счастливой случайности — они в какой-то миг никого не трогают, то появляется кто-нибудь третий, кто бьет по морде четвертого, и пятый, который на ходу выбрасывает из поезда шестого. Восточный мир выглядит по меньшей мере грубым. А если учесть, что гэги несмешны, то и бессмысленно жестоким. Все всех оскорбляют. Угрожают друг другу оружием. Лишь в финале догадываешься, что Бахтиер Худойназаров и его сценарист Ираклий Квирикадзе не случайно по ходу фильма нагнетали безумие. Они готовили зрителя к сюрреалистической развязке. Ударных моментов два. Сначала (в момент обманчивой надежды, что все разрешится хорошо) откуда-то с неба падает бык и убивает отца героини вкупе с ее женихом. В публике начинается нервный смех. После этого героиня, которую в городке продолжают третировать за беременность, окончательно решает сбежать с Востока. Брат-дурачок дергает рубильник на стене хилой хибары, крыша с треском отрывается от стен, старомодные вентиляторы превращаются в пропеллеры, и крыша с героиней едет, то есть летит, туда, куда, вероятно, улетали на волшебном фрегате куклы Карабаса из довоенного советского фильма

про Золотой ключик. То есть в Страну Полного Счастья. Если помню правильно: «И дети там учатся в школе, и сыты всегда старики». Иного способа и маршрута, чтобы покинуть Восток, вероятно, нет.

После показа фильма в Торонто разностранные критики недоуменно спрашивали друг у друга: «Как это понимать?» Фантастический реализм «Лунного папы», его преувеличенные эмоции, темпераментность его персонажей напоминают о фильмах Феллини и еще более явно — Кустурицы. Как и в картинах Кустурицы, обаяние и жизненная сила персонажей Худойназарова проявляется даже в их яркобезвкусных одеждах, вульгарном шике. Стилевые переклички с Кустурицей заставляют искать в «Лунном папе» особые глубины. Честно говоря, вижу лишь одну глубину. Как и «Подполье» Кустурицы, «Лунный папа» — фильм о безумии жизни, одинаково привлекательном и отталкивающем. «Подполье» — о безумии балканской жизни, «Лунный папа» — азиатской. И то, и другое значимо для нас, ведь мы родственники и балканцам, и азиатам.

Тем не менее я бы прогнозировал фильму успех не у нас, а, скорее, на Западе. «Непонятный, но колоритный фильм из далекой страны про загадочную азиатскую душу» (как, скорее всего, охарактеризуют там «Лунного папу») не лишен шансов на признание. Не последнюю роль может сыграть и то, что одним из главных производителей выступила немецкая компания Pandora Film, которая сама по себе — знак качества (в 90-е работала с Чен Кайге, Джармушем, Аки Каурисмяки, Лео Караксом и дважды с Кустурицей). Фильм вроде бы выдвигают на «Оскара», причем — что мудро — не от Германии или России, а от далекого и тем привлекательного для политкорректных американских академиков Таджикистана.

Всюду жизнь

«Восток-Запад» — фильм, наоборот, правильный. Мелодраматический триллер, «погруженный» (правильное тянет описывать правильно) «в широкий исторический контекст». Но это тот случай, когда я готов умерить свою иронию по отношению к традиционному кино. «Восток-Запад» — фильм качественный, честный, эмоционально выверенный. Более того: как качественный традиционный фильм о прошлом России он может составить на мировых экранах конкуренцию «Сибирскому цирюльнику», тем более что в главной мужской роли все тот же Олег Меньшиков.

После «Востока-Запада» окончательно ясно, кого из наших кинематографистов во Франции считают звездами и мэтрами европейского класса. В соавторы сценария Варнье позвал Сергея Бодрова и Рустама Ибрагимбекова. Актерами, достойными работать на съемочной площадке с французскими суперзвездами Сандрин Боннер и Катрин Денев, признал Меньшикова и Сергея Бодрова-мл. Понятно, какие из наших фильмов 90-х французы считают значимыми: фильмы Михалкова, «Кавказского пленника», «Брата».

«ВОСТОК-ЗАПАД»: НЕСЧАСТНАЯ ФРАНЦУЖЕНКА В ИСПОЛНЕНИИ **САНДРИН БОННЕР** РУХНУЛА НА ПОЛ ОТ СЧАСТЬЯ. ПОТОМУ ЧТО ПОСЛЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ КОММУНАЛКИ И ЛАГЕРЕЙ НАКОНЕЦ-ТО ВЫРВАЛАСЬ НА СВОБОДУ — ПРОНИКЛА ВО ФРАНЦУЗСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В СОФИИ. ПОМОГЛА ЕЙ В ЭТОМ ИЗВЕСТНАЯ ПАРИЖСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ АКТРИСА, КОТОРУЮ В ФИЛЬМЕ ИЗОБРАЖАЕТ **КАТРИН ДЕНЕВ** (ЕЕ РОЛЬ ЭПИЗОДИЧЕСКАЯ)

Во всех своих фильмах Варнье использует один и тот же ход. Как истинного француза его волнуют прежде всего любовные треугольники, но он непременно забрасывает героев-французов подальше от родных маслин и в эпохи исторических катаклизмов. «Индокитай»: мелодрама в Азии середины века. «Французская женщина»: в разрушенном, побежденном Берлине. Арена страстей в «Востоке-Западе» — послевоенная киевская коммуналка. Сюжет основан на том известном факте, что после победы в Великой Отечественной правительство СССР призвало эмигрантов вернуться на Родину, и многие, расчувствовавшись, вернулись. Почти всех тут же пересажали как шпионов. Героиня Боннер приезжает в СССР вместе с малолетним сыном и русским мужем (разумеется, Меньшиков). Уже в порту при виде охранников они осознают роковую ошибку. Но героиня, будучи человеком западных представлений о свободе, не сразу догадывается, что выбора больше нет. Соответственно стремление мужа приспособиться она воспринимает как предательство (хотя все гораздо сложнее). Весь фильм — про ее попытки прорваться обратно в Париж, в том числе при помощи юного любовника, которого и играет Сергей Бодров-мл.

Главное различие между Востоком и Западом даже не лагерь (куда попадали не все), а именно коммуналка. И героиня Боннер, и сам режиссер Варнье ошеломлены и заворожены ее атмосферой. Варнье честно пытается обнаружить в коммунальной жизни не только ужасное, но и прекрасное.

У правильных картин гораздо больше шансов даже на продвинутых фестивалях. С моих любимых неправильных фильмов часть публики всегда сбегает. «Восток-Запад» большинство высиживает до финала: напряжение, не знаешь, что случится дальше, характеры etc. Безусловно хорош дуэт Меньшикова и Боннер. Их взаимодействие в кадре можно назвать фантастическим, если учесть, что Боннер значительную часть роли сыграла на незнакомом русском, а Меньшикову, наоборот, пришлось много говорить на незнакомом французском.

Что приятно: почти нет клюквы. Герои правильно пьют на поминках и правильно (в стиле тех лет) отталкиваются от бортиков на соревнованиях по плаванию. Конечно, эмигранта, к тому же интеллигента-врача, вряд ли приняли бы в партию. Едва ли — даже во времена оттепели — выпустили бы в командировку за границу вместе с семьей, учитывая, что жена — иностранка и прошла через лагерь. Но в конце концов любое так называемое реалистическое кино строится на большом количестве допущений. Главное: в Востоке Европы Варнье все-таки старался рассмотреть Запад. Не Ирак. Стремление к выживанию (даже путем адаптации) режиссер расценил не как кошмарный конформизм, а как позитивное человеческое качество. От которого до жажды свободы — один шаг. В общем, мы хотя и восточные, но европейцы. И то хорошо. ■

Макбет и остальные

В Санкт-Петербурге завершился «Балтийский дом», один из самых престижных международных театральных фестивалей на территории бывшего Советского Союза

«Балтийский дом» проводится ежегодно с 1991 года. Сначала он был фестивалем стран балтийского региона, с 1998 года расширил географию. Жюри вручает Гран-при и премии в номинациях: лучшая сценография, мужская и женская роль, лучшая режиссура. В этом году в конкурсе участвовал 21 спектакль из 7 стран.

Дина Годер

ЛОЖА

На всяком фестивале, где есть конкурс, главная интрига состоит в угадывании, кому дадут призы, а главный скандал в том, что дали не тому. В «Балтийском доме» конкурс есть, и его жюри часто удивляет своим выбором. Например, два года назад оно умудрилось обойти гениального някрошюсовского «Гамлета» и дать Гран-при норвежской «Дикой утке», которую теперь никто и вспомнить не может. Многие тогда называли это решение позорным. Вероятно, оттого, что в этом году от жюри уже ничего не ждали, и гнева такого не было, хотя ситуация выглядела не лучше: при наличии някрошюсовского «Макбета» и еще нескольких сильных спектаклей главный приз дали любимовскому «Марату-Саду», который если и останется в театральной истории, то лишь как памятник юношеской энергии восьмидесятилетнего режиссера.

На сайте «Театрал» в Интернете питерские студенты судачили, что Някрошюса во второй раз «задавил» член жюри Донатас Банионис, который к нему плохо относится. Но зрителей, кажется, не особенно интересовало распределение призов, и они, как обычно, «голосовали ногами». После того как два года назад студенты, пытавшиеся попасть на спектакль Някрошюса, сломали в театре двери, у входа поставили дюжих охранников. В этот раз двери остались целы, но народ на «Макбете» все равно сидел, стоял и висел в проходах и углах зала на протяжении всех четырех часов спектакля. Паломничество на Някрошюса в этом году было беспрецедентным: накануне его спектакля, открывающего фестиваль, все ночные поезда Москва — Питер везли театралов и студентов, не уверенных, что смогут увидеть «Макбета» в Москве. Ехали на один день, с тем чтобы сразу после спектакля вернуться обратно. Впрочем, зал был полон и на «Царе Эдипе» другого литовского любимца — Римаса Туминаса, был аншлаг и на «Марате-Саде» (хотя к концу спектакля публики стало заметно меньше), и, конечно, мало кому удалось попасть в малые залы на «Пушкин. Дуэль. Смерть» и «Золотого петушка» Камы Гинкаса и ироничную оперу «Лебединое озеро» московского кукольного театра «Тень оперы». Отсутствие собственно премиальных волнений хоть и лишало фестивальную атмосферу интриги, но по-своему работало на «Балтийский дом»: стало ясно, что призы вообще никакого значения не имеют. Важны только спектакли. А уровень спектаклей на «Балтийском доме» в этом году был весьма высок.

Остальные

Кроме трех литовцев (Някрошюса, Туминаса и менее известного Рубиноваса) на фестивале было еще три серьезно заявленных режиссера. Во-первых, бывший ленинградец, а ныне москвич Кама Гинкас с двумя спектаклями, о которых мы в свое время писали. Во-вторых, петербуржец Григорий Козлов (которого нынче прочат в главные режиссеры БДТ) тоже с двумя спектаклями. Первый из них — милый, живой, смешной, с замечательными актерами «Лес» Островского в театре «На Литейном» — на фестивале особого успеха не имел, наверное, оттого, что в зале было полно бурно веселящихся и громко комментирующих действие школьников. И все же пара Алексей Девотченко — Александр Баргман (Счастливцев — Несчастливцев) с таким остроумием и нежностью сыграли свою историю о бродячих артистах, что финал спектакля, придуманный режиссером, казался естественным: вместо того чтобы спокойно выйти замуж, юная героиня бежит из дома вслед за трагиком и комиком.

Второй спектакль Козлова под длинным названием «P. S. капельмейстера Иоганнеса Крейслера, его автора и их возлюбленной Юлии» с подзаголовком «Каденции на темы произведений В.-А. Моцарта и Э.Т.А. Гофмана», наоборот, вызвал всеобщее восхищение и получил множество премий, включая разделенную с Някрошюсом премию за режиссуру, приз зрительских симпатий и награду местного общества любителей театра. Те же, что и в «Лесе», блестящие Девотченко — Баргман, смешивая иронию и патетику, сыграли здесь капельмейстера Крейслера и его автора-двойника как диалог безумного гения со своим благоразумным отражением. Существенная часть спектакля (то, что, по-видимому, нельзя будет повторить ни на каких гастролях) — это «картинка», которую придумал художник Александр Орлов. Зрители «P. S.» сидят на сцене Александринского театра — лицом к занавесу. И когда в минуты особых крейслеровских воспарений открывается красно-золотой многоярусный зал, построенный Росси, у публики буквально захватывает дух. В другой раз занавес поднимается уже под моцартовского «Дон Жуана», и в голубой дымке ветреный любовник в гондоле проплывает по проходу между рядами туда, где в царской ложе, словно на балконе, его уже ждет красотка в пудреном парике, и они поют дуэтом. Такую сцену тоже не повторить нигде, включая Большой и Малый театры.

Третьим режиссером, важным для нынешнего фестиваля, был киевлянин Андрей Жолдак, показавший два спектакля из репертуара Национального драматического театра имени Ивана Франко: «Швейк» и «Три сестры». Пожалуй, «Три сестры», вызвавшие в свое время скандал в Киеве, стали и главным скандалом нынешнего «Балтийского дома». Основным трюком и находкой Жолдака было то, что персонажи чеховской пьесы находятся в сталинском лагере. Вернее, даже не в самом лагере, а в среде ссыльнопоселенцев (сестры Прозоровы работают на кухне) и лагерной администрации (полковник Вершинин, Соленый и другие офицеры). Начало спектакля: под бодрое радио «Утро красит нежным светом...» сестры слезают с двухэтажных нар, натягивают телогрейки и, гремя железными кружками и мисками, начинают день. Ссыльные здесь говорят по-украински, а наглые, самоуверенные офицеры — по-русски, что сообщает спектаклю внятный антирусский оттенок, который (вместе с «издевательством над классикой») и стал причиной киевского скандала. На самом деле жолдаковский эпатаж — это не желание кого-то оскорбить, а изживание старых, но по-прежнему актуальных русско-украинских отношений.

Как всякая гениальная пьеса, «Три сестры» легко поддаются любой, самой экстравагантной трактовке, и сюжет из лагерной жизни «на слова Чехова» выглядел совершенно органично. Вместе с потерями (неизбежными при таком прямолинейном замысле) встряска дала спектаклю несколько неожиданных поворотов вроде щемящей сцены последнего прощания Вершинина с Машей, куда она приходит в нелепой шляпке, с чемоданчиком, уверенная в том, что полковник возьмет ее с собой на новое место службы. Но никакие находки, конечно, не могли спасти Жолдака от гнева оскорбленных профессионалов и зрителей. Возможно, именно на это он и рассчитывал: я знаю продюсеров, которые уже мечтают привезти киевских «Трех сестер» в Москву, понимая, как и мудрый руководитель «Балтийского дома» Сергей Шуб, что настоящего скандала на фестивале ничто не заменит.

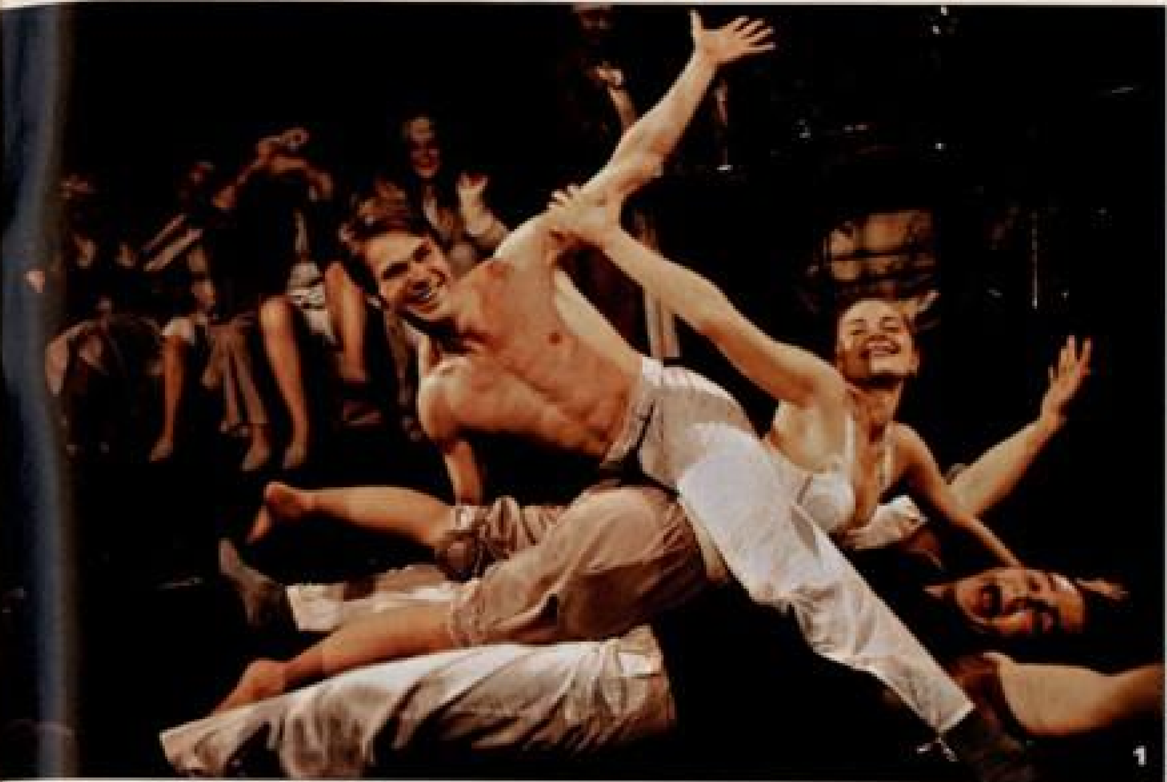
Макбет

Римасу Туминасу, любимцу и баловню вильнюсской публики и критики, режиссеру яркому, занятному, видимо, так и суждено остаться в тени гения Някрошюса, представлять публике упрощенный вариант мощной литовской метафоричности и сумрачного юмора. Вот и на этот раз «Царь Эдип» Туминаса, показанный вслед за някрошюсовским «Макбетом», выглядел пустым и плоским. В нем было много забавного вроде глупого хора, изобретательно превращенного в сборище странных уродов, и стильной сценографии — гигантской трубы, которая катилась на героев, грозя раздавить их, как судьба. Но собственно трагедии, как и в прежнем, любимом зрителями «Маскараде», здесь не было.

Трагедию привез Някрошюс. Уйдя около полутора лет назад с поста режиссера литовского фестиваля «Лайф», Някрошюс организовал театр «Менофортас» — Форт искусства. «Это мой последний бастион», — говорил он. «Макбет» стал первым спектаклем «Менофортаса».

Небольшую шекспировскую пьесу Някрошюс сильно сократил, убрав практически все перипетии сюжета и сохранив лишь чистую историю соблазнения злом, страданий и гибели Макбета.

Все начиналось случайно: ведьмы — не пугающие «пузыри земли», а дураш-

НИ ЭНЕРГИЧНЫЙ **«МАРАТ-САД» ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ** (1), НИ СТИЛЬНЫЙ **«ЦАРЬ ЭДИП» ИЗ ВИЛЬНЮСА** (НА СТР. 60), ПОЛУЧИВШИЕ ПРИЗЫ, НЕ СТАЛИ СЕНСАЦИЯМИ ФЕСТИВАЛЯ. СКАНДАЛЬНО ПРОСЛАВИЛИСЬ РАЗВЕ ЧТО **КИЕВСКИЕ «ТРИ СЕСТРЫ»** (2), СОБЫТИЯ КОТОРЫХ ПЕРЕНЕСЕНЫ В СТАЛИНСКИЙ ЛАГЕРЬ. АКТЕРЫ **АЛЕКСАНДР БАРГМАН И АЛЕКСЕЙ ДЕВОТЧЕНКО** (3 — СЛЕВА И В ЦЕНТРЕ) БЫЛИ ЗВЕЗДАМИ ДВУХ СПЕКТАКЛЕЙ ГРИГОРИЯ КОЗЛОВА — **«ЛЕС»** И **«P.S.»** ОТ **«ОБЛОМОВА»** (4) ИЗ ЦЕНТРА ЭКСПЕРИМЕНТА В ПОНТЕДЕРЕ, ГДЕ РАБОТАЛ ГРОТОВСКИЙ, ЖДАЛИ МНОГОГО, НО НЕ ДОЖДАЛИСЬ НИЧЕГО

ливые и бойкие деревенские девчонки — выкликали имя Макбета наугад, вытягивали его для простенького домашнего колдовства, как мышь из норы. Это казалось игрой: ведь ведьминских приспособлений у них всего-то и было — медный чан, палка да дохлая ворона.

На ворожбу Макбет (Костас Сморгинас) и его закадычный друг Банко (Видас Пяткявичус) приходят вместе. Как счастливые солдаты, которые возвращаются домой с победой. Они несут, словно трофеи, деревья желаний, украшенные яркими бумажными фонариками и записками-желаниями на ветвях. Ведьмы прыгают, верещат, лопочут, обещают невесть что, воздух полон звуков скотного двора, гоготанья гусей, и только Банко, чувствуя опасность, пытается закрыть собой друга, как в бою. Но уже поздно, колдовство свершилось. Смешливые ведьмочки, теперь повсюду следующие за Макбетом, быть может, и не подозревали, что дело обернется так серьезно.

НЯКРОШЮС СИЛЬНО СОКРАТИЛ ТРАГЕДИЮ ШЕКСПИРА, ОСТАВИВ В НЕЙ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ГЕРОЕВ. ГЛАВНЫЕ: **МАКБЕТ** (СЛЕВА ВВЕРХУ), **ЮНЫЕ ВЕДЬМЫ,** ХЛОПОЧУЩИЕ ВОКРУГ КОЛДОВСКОГО КОТЛА (ВВЕРХУ), **ВЕСЕЛЫЙ МЕРТВЕЦ БАНКО,** ПУГАЮЩИЙ СВОИХ УБИЙЦ ТОПОРАМИ, КОТОРЫМИ ТОЛЬКО ЧТО БЫЛ ЗАРУБЛЕН (СЛЕВА)

Някрошюсовская трактовка «Макбета» гораздо сильнее и страшнее, чем традиционная история о человеке, сокрушительно желавшем власти. Литовский Макбет проклят. Но он слишком силен, слишком совестлив и чист, чтобы легко отдаться на волю злого колдовства. Он отчаянно пытается превозмочь в себе проклятье, как смертельную болезнь. Первое преступление — убийство Дункана — еще не совершено, но в зеркалах в глубине сцены уже отражается плывущее в воде окровавленное тело, а в монологе Макбета такой ужас и безысходность, будто все случилось.

Его любимая леди Макбет (Даля Сторик) похожа на повзрослевшую ведьму. Проклятье мужа и ее отравляет своим ядом — высокая, тонкая, одетая в черное, она оплетает его, словно ветвями, и не дает вырваться из пут колдовства.

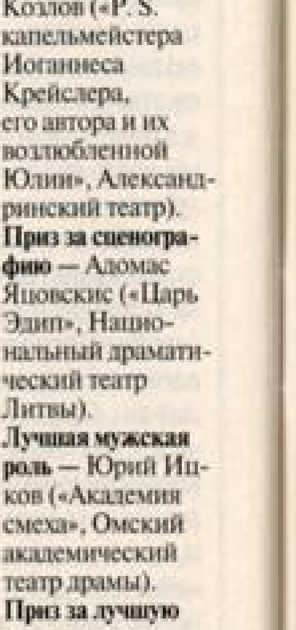
Бесконечной череды кровавых смертей, описанных Шекспиром, в спектакле нет. Убийств только два — и этого довольно. Вслед за престарелым королем Дунканом должен умереть весельчак Банко. Руки уже не слушаются Макбета — он не может подписать приказ об убийстве, приходится снять башмак и взять перо пальцами ноги. Тогда десяток топоров один за другим с жутким хрустом врубаются в бревно, лежащее рядом с Банко, как в тело. Теперь не инфернальные кровавые тени мучают Макбета: вокруг него бегают вприпрыжку, гогоча по-гусиному, веселые покойники с топорами, застрявшими в спине, словно в колоде. А вместо страшных видений он видит древо желаний, которое когда-то нес с войны. Целую груду таких деревьев с обломанными ветками и несбывшимися желаниями, кривляясь, вываливают перед ним мертвецы.

В чем-то эта история оказывается сходна с историей Эдипа, но без его счастливого неведения — Макбету ясна неотвратимость пророчества и то, что расплата будет страшной. Но на все, что предрешено, он идет с открытыми глазами. Лишь одного он требует от ведьм — знать, что будет дальше, долго ли ему осталось.

Макбет заманивает ведьм тем же самым простым деревенским колдовством, каким они когда-то опутали его: опять палка, чан, горсть табака. Он заставляет их открыть ему то страшное, куда они сами не решаются заглядывать. И юные деревенские ведьмы теперь кажутся лишь маленькими пугливыми посредницами между Адом и человеком. Но когда будущее открыто, посредники ему уже не нужны.

Слабая, легко попавшаяся на крючок соблазна леди погибает первой, и Макбет — ползком, как с поля боя, — пытается вытащить из этого чертова места хотя бы ее тело. Сам он гибнет не в бою, не в поединке с Макдуфом, как написано у Шекспира, — он является на казнь и, встав перед ведьмами на колени, ждет, когда ему отрубят голову огромным топором. А потом они вынимают ухватом из печи для обжига, словно голову Макбета, раскаленный красный шар, и он с шипеньем падает в чан с водой.

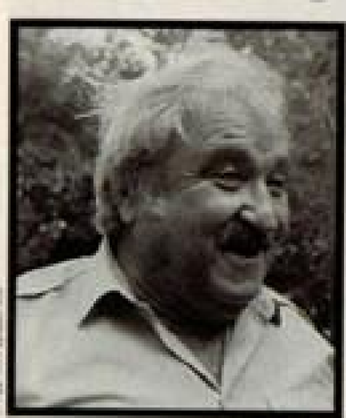
Но Макбета не ждет Ад. Все персонажи спектакля укладываются на землю, будто мертвые на поле боя. И ведьмы высокими голосами заводят поминальную молитву. К ним присоединяются остальные, вступает музыка, и вот уже мощным хором звучит Miserere: «Помилуй нас, Господи». И если существует в театре катарсис, то вот он, и Макбет будет прощен. ■

Награждены Гран-при — «Марат-Сад» (Театр на Таганке, режиссер Юрий Любимов).
Приз за режиссуру — Эймунтас Някрошюс («Макбет», театр «Менофортас») и Григорий Козлов («P. S. капельмейстера Иоганнеса Крейслера, его автора и их возлюбленной Юлии», Александринский театр).
Приз за сценографию — Аломас Яцовскис («Царь Эдип», Национальный драматический театр Литвы).
Лучшая мужская роль — Юрий Ицков («Академия смеха», Омский академический театр драмы).
Приз за лучшую женскую роль не присуждался

Умер Генрих Сапгир

Его почему-то все видели или слышали накануне. Кому-то он позвонил и что-то спросил. Кто-то ему позвонил и куда-то позвал. Поэтому в пятницу с самого утра все перезванивались: неужели правда? Да не может быть! Да я же еще вчера... Да три дня тому назад... Да мы с ним по рюмочке в Чеховской библиотеке...

Генрих Сапгир умер по дороге в эту самую Чеховскую библиотеку, где должен был участвовать в поэтическом вечере. Он много и охотно выступал в последнее время. Он очень много писал в последнее время. И, по мнению многих, писал все лучше и лучше. Что называется, расписался.

Не то чтобы он был молод. Семьдесят один год — конечно, не возраст, но все-таки. Не то чтобы он был слишком здоров. Два инфаркта и один инсульт. Ходил последнее время с палочкой, но фонтанирующая витальность его образа и всей его репутации никаким образом не располагала к тому, чтобы видеть в нем инвалида. Он не воспринимался человеком с палочкой. Он был «гулякой с волшебною тростью».

В разгар прошедшего жаркого лета ушел Игорь Холин. Действующие лица и исполнители легендарного «Лианозова» уходят по одному, как в «Прощальной» симфонии Гайдна. Теперь вот — Генрих Сапгир.

Его имя для разных людей и кодировалось по-разному. Несколько поколений выросли на его детских книжках. Это была славная традиция обэриутов: авангардный поэт должен сочинять детские вещи. В 60 — 70-е годы для поэтов и художников его поколения и круга детские книжки были не только бомбоубежищем и не только заработком, но и полигоном «взрослых» художественных идей.

Несколько поколений литераторов и художников, некоторые из которых не читали ни одной строки Сапгира, знают это имя как один из синонимов московского послевоенного авангарда.

Не будем лишний раз повторять, что смерть страшна своей необратимостью. Будем не только печалиться, но и радоваться. Радоваться тому, что такой поэт был. Что умер он легко. Что судьба его скорее счастлива. Что он много написал. Что мы его читали и будем читать. Что он был легок, незлобив, весел, доброжелателен. На его похороны съехалось очень много людей всех поколений — он был бесконечно общителен. Панихида началась как обычно — за упокой. Речи, речи. Кого мы потеряли... Какое сердце биться перестало... Под конец же стали возникать сначала робкие, потом откровенные улыбки: вспоминать Генриха — весело. Он был бы доволен. ■

Л.Р.

ПИАНИСТ **ВЛАДИМИР КРАЙНЕВ ОКАЗАЛСЯ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ МУЗЫКАНТОВ, ОТМЕТИВШИХ 150-ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ШОПЕНА.** НА ОТКРЫТИИ СВОЕГО СОЛЬНОГО АБОНЕМЕНТА «ВЛАДИМИР КРАЙНЕВ ПРИГЛАШАЕТ» В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ОН СЫГРАЛ ВТОРОЙ КОНЦЕРТ КОМПОЗИТОРА, А ТАКЖЕ ПРЕДСТАВИЛ ПУБЛИКЕ СТИПЕНДИАТОВ СВОЕГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА.

КОГДА-ТО **АЛЛА ПУГАЧЕВА** ОТКАЗАЛАСЬ ИСПОЛНИТЬ В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ ИМЕНИ ЧАЙКОВСКОГО ПАРТИЮ МЕФИСТОФЕЛЯ В «ФАУСТЕ» АЛЬФРЕДА ШНИТКЕ. МЕЛОМАНЫ ДО СИХ ПОР СОЖАЛЕЮТ ОБ ЭТОМ. И ВОТ НАКОНЕЦ ПЕВИЦА **ОТДАЛА ДОЛЖНОЕ ТЕМЕ ТРАВЕСТИИ И ЗАЛУ ЧАЙКОВСКОГО, ВЫСТУПИВ НА ЕГО СЦЕНЕ ВМЕСТЕ С АМЕРИКАНСКИМ ХОРОМ ГЕЕВ ИЗ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА.**

Милорад Павич.
Внутренняя сторона ветра. Роман о Геро и Леандре.
СПб.: Азбука-классика, 1999

Издательство «Азбука» предоставила нам возможность познакомиться с еще одним романом сербского поэта, прозаика и ученого Милорада Павича, переполошившего весь интеллектуальный мир «Хазарским словарем» (1984 год).

«Внутренняя сторона ветра» (1991) состоит из двух повестей. Одна из них рассказывает о жизни и смерти Геронеи (Геро) Букур. Другая — о жизни и смерти Радачи Чихорича, прозванного Леандром. Читать книгу-перевертыш можно начиная с любой из историй. В результате две части складываются в нашем сознании в роман о единой судьбе, поделенной пополам: на женскую и мужскую. Геро и Леандр живут в разные века, занимаются разными делами: она изучает химию и дает уроки французского в нашем веке, он — в XVII — торгует, играет на цимбале, уходит в монахи, строит церкви, башню в Белграде... Общего между ними — час смерти (двенадцать часов пять минут) и древняя греческая поэма Мусея Грамматика «Любовь и смерть Геро и Леандра». Леандр (он знаком с поэмой по латинскому переводу), заканчивая строительство башни, «произносил вслух строчки о Геро и Леандре... и, произнеся, забывал навсегда, оставляя их в окне или двери здания, которое он строил, будто зарывал тайник в земле». Геро читает перевод поэмы на французский — опять же в Белграде, а затем пытается попасть в Риме на премьеру спектакля по этой поэме. В мире Павича таких совпадений достаточно, чтобы говорить о тесной взаимосвязи частей и даже их тождестве.

Всяческих тождеств у Павича невероятно много. Некоторые из них просто декларируются: душа предстает просторным, непроветренным помещением; время и жизнь — окном («место пересечения вечностей и времени отмечено ручкой»); случайный набор латинских букв — записью трехголосной инвенции фа минор Иоганна Себастьяна Баха; разговор за ужином — фрагментами из диалогов книги Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе». Другие — доказываются на протяжении нескольких страниц. Скажем, скрипка состоит из частей растительного и животного происхождения, а для ее изготовления нужны металлы и огонь. Точно так же в «трапезе... смешаны растения, соки земли, плоды моря, руды, серебро, огонь и мясо». И мастерство музыканта уподобляется мастерству повара.

Одни и те же предметы, схемы, структуры — природные, бытовые, культурные — возникают в романе в самых разных контекстах, организуя мир как систему подобий, как всеохватывающее целое, способное уместиться в небольшой — менее 200 страниц — книжке. ■

Ольга Солнцева

МИХАИЛ ЛЕВИТИН ПОСТАВИЛ В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ «ЭРМИТАЖ» ПЬЕСУ «ЖИВОЙ ТРУП», АВТОРСТВО КОТОРОЙ ОН ДЕЛИТ МЕЖДУ ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ И АСТОРОМ ПЬЯЦОЛОЙ. СТРАСТНЫЕ ТАНГО ПЬЯЦОЛЫ ЗДЕСЬ ПО СОВЕРШЕННО НЕОБЪЯСНИМОЙ ПРИЧИНЕ ЗАМЕНЯЮТ ЦЫГАНСКОЕ ПЕНИЕ. НА КОРОННУЮ РОЛЬ ФЕДИ ПРОТАСОВА РЕЖИССЕР, ВИДИМО, НУЖДАВШИЙСЯ В СИЛЬНОМ «МУЖСКОМ НАЧАЛЕ», ПРИГЛАСИЛ БРУТАЛЬНОГО **ЮРИЯ БЕЛЯЕВА** ИЗ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ (НА ФОТО ОН С МАШЕЙ — **ИРИНОЙ БОГДАНОВОЙ**). ВПРОЧЕМ, ЛУЧШЕ ВСЕХ В СПЕКТАКЛЕ ОКАЗАЛСЯ НЕ ОН, А ИЗЫСКАННЫЙ БОРИС РОМАНОВ В РОЛИ КНЯЗЯ АБРЕЗКОВА И ЕГО ПАРТНЕРША ДАРЬЯ БЕЛОУСОВА (МАТЬ КАРЕНИНА).

НАГРАДЫ

Объявлен список финалистов премии Smirnoff—Букер 1999 года

БУКЕРОВСКОЕ ЖЮРИ ПРИГЛАСИЛО В МОСКОВСКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ клуб представителей литературно-журналистской общественности, чтобы сообщить преприятное известие: из 54 романов, героически прочитанных членами жюри, выбрано и занесено в шорт-лист всего шесть с целью их дальнейшего обсуждения и последующего выбора первого среди равных.

В короткий список вошли: «Прусская невеста» Юрия Буйды, «Свобода» Михаила Бутова, «Моя Марусечка» Александры Васильевой, «Прайс» Леонида Гиршовича, «Андерграунд, или Герой нашего времени» Владимира Маканина и «Берег» Виктории Платовой. Назван был и короткий список Малого Букера, в этот раз отданного на откуп эссеистическому жанру.

Оглашая списки Большого и Малого Букеров, председатель жюри Константин Азадовский робко призвал критиков и журналистов, прежде чем выступать с комментариями, хотя бы разок заглянуть в названные тексты. Мы обязательно заглянем в тексты и даже прочтем их, но чуть позже, а пока от комментариев воздержимся.

Понятно, что список вызвал кучу вопросов. Почему «Прусская невеста» проходит как роман, если это сборник рассказов? Почему нет Владимира Сорокина, Евгения Попова, Виктора Пелевина? Почему нет всех остальных? Что за критерии?

Жюри отбивалось как могло. В воздухе витала вечная и проклятая тема взаимосвязи профессиональной экспертной оценки произведения и его коммерческого успеха. В очередной раз выяснилось, что связи никакой. А если есть, то скорее обратная. В подтверждение этого выступил директор издательства «Грант», упорно издающий букеровских лауреатов. «Вас интересует, каков коммерческий успех этих книг?» — спросил он, обращаясь к общественности, и после эффектной паузы ответил: «Успех нулевой». Впрочем, тут же с героической обреченностью анонсировал издание будущего лауреата.

Кто им будет? Чье авторское тщеславие хотя бы частично утешится двенадцатью с половиной тысячами американских долларов плюс портрет в газете? Гадать на эту и многие другие темы мы имеем возможность до 25 ноября. Время есть. Но оно идет быстро. ■ Л.Р.

ВЫСТАВКИ

Таксидермия
Ольга Флоренская

Смиренная архитектура
Александр Флоренский

Передвижной бестиарий
Ольга и Александр Флоренские

Мраморный дворец Государственного Русского музея
Санкт-Петербург

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ НОВЕЙШИХ течений ГРМ Александр Боровский в вернисажной речи назвал выставку четы Флоренских «самой привлекательной» в текущем сезоне. А дирекция Русского музея в день открытия изъявила желание продлить время работы выставки хотя бы на месяц.

Трехчастный проект Флоренских оказался тем счастливым исключением в сфере актуального искусства, когда произведение легко поддается высокоинтеллектуальным интерпретациям, но при том вызывает детскую радость у непосвященных. В каталоге поминавшийся Боровский с легкостью вписывает искусство Ольги и Александра Флоренских в модный западный контекст, а искусствовед Екатерина Андреева не менее убедительно анализирует это самое искусство при помощи высоколобых философов — Ортеги-и-Гассета и Бодрийяра. При этом искусство Флоренских звенит, разговаривает, пускает воду и веселит окружающих. В точном соответствии с «митьковскими» заветами. (Если кто не знает — Флоренские являются одними из основателей группы «Митьки».)

Однако прочие «митьки» зациклились на своей корявой живописи и спасают «вечно живую картину» от грозящих ей инсталляций с объектами. А Флоренские уже давно делают именно инсталляции и объекты. Дополняя их изящно написанными квазинаучными сочинениями. Венец подобного творчества — проект в Русском музее.

Ольга Флоренская старательно изучила источники по истории и теории таксидермии (т. е. изготовлению чучел), написала обобщающий текст, проиллюстрировала его, предложила дюжину вариантов «искусственных чучел» и сделала некоторые из них. Причем ее деревянные, экологически безобидные чучела — это смешные аттракционы. «Чучело крокодила средних размеров» разевает пасть, «Чучело крупной анаконды» высовывает железный язык, каждый желающий может при помощи клизмы выпустить фонтанчик из «Чучела кашалота с водяным фонтаном» и нажатием на звонок вызвать капанье желудочного сока (из крана в животе) у «Действующего чучела собаки Павлова» (на фото).

Александр Флоренский исследовал другие диковины — смешные временные постройки. Башенки, голубятни, павильоны, сараи, телефонные будки, строительные леса и т. д. Собрав внушительную фотоколлекцию этой архитектурной муры, Флоренский предложил свои комические — а главное, кинетические и акустические — варианты, собранные из помоечных трофеев. Особенно впечатляет «Культовое сооружение с видеомагнитофоном»: нагромождение узорчатых тумбочек и стульчиков, в центре — маленький видак со священником на экране, сверху — позолоченный крест.

Что касается совместной работы Ольги и Александра Флоренских «Передвижной бестиарий», то о ней «Итоги» уже писали. Это материализованные персонажи старой и новой национальной мифологии, «общие места» нашей культурной памяти вроде «Русского ресторанного медведя с подносом, вином и фруктами» или «Военной собаки-связиста с полевым телефоном и снарядным ящиком». Эти тряпичные чучела в мае 1998-го красовались в Летнем саду, веселя прохожих. Теперь дослужились до находящегося неподалеку Русского музея. Чтобы повеселить его чинных посетителей. ■

Федор Ромер

Scrabble

А₁ А₁ И₁

Р₂ Т₂ Ф₁₀ *

НАБРАТЬ НЕ МЕНЕЕ 94 ОЧКОВ

- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЮТСЯ
- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЮТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЕТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЕТСЯ

Решение задачи, помещенной в №41

* = Ы$_5$
а14↓ ДЫРОКОЛ (17+7 очков за слово из семи букв *2 = 48 очков)
b10→ ЗЛОТЫЙ (27+6 за слово из шести букв *2 = 66 очков)
b10↓ ЗЛО (18 очков)
Премия за использование всех букв 20 очков
Итого: 152 очка

Уголок старика Синицкого

Два отца с двумя сыновьями купили три булки и поделили их поровну, не пользуясь ножом. Как это им удалось?

Шарада

Вместо первого вставляют
Часто многоточие.
Во второе отправляют
Души все порочные.
Третье — гадкий детский крик,
Громче, чем обычный.
Ну а целое — мясник,
Только артистичный.

Решение задачи, помещенной в №41

Преферанс

Решение задачи, помещенной в №41

Сыграть за играющего свою игру

Играющий	Вист1	Вист2
Заказ 6♣ Ход		
♣Т,Д,В,8	К,9	10,7
♦Т,10,7	К,Д,8	В,9
♠К,В,(8)	Д,9,7	Т,10
♥Т,(9)	К,7	Д,В,10,8

1) ♥Т, К, 8; 2) ♦7, 8, В; 3) ♣7, Т, 9; 4) ♦Т, Д, 9; 5) ♦10, К, ♣10; 6) ♥Д, ♠8, ♥7; 7) ♣В, К, ♥10; 8) ♠7, Т, В; 9) ♥В, ♣Д, ♠9; 10) ♠К, Д, 10 — своя игра. Если вистующие на третьем ходу попытались бы использовать сюркуп в червях, играющий дважды козырял, и опять наигрывалась взятка в трефе. 1)♥Т,К,8; 2) ♦7,8,В; 3) ♥Д,♣8,♥7; 4) ♣Т,9,7; 5) ♣В,К,10; 6) ♦К,9,Т; 7) ♦10,Д,♥10 — опять своя игра. Не помогал вистующим и ответ в бубну на третьем ходу: 1)♥Т, К, 8; 2)♦7, 8, В; 3)♦9, Т, Д; 4)♣Т, 9, 7; 5)♦10, К, ♣10; 6)♥Д, ♣8, ♥7; 7)♣В, К, ♥10.

Страница Дмитрия Генина

Итоги

Еженедельный журнал № 42 (177). 19 октября 1999 года

Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко (E-mail sparhom@7days.ru)

Заместители главного редактора Маша Липман (E-mail mlipman@7days.ru), Дмитрий Сабов

Арт-директор Аркадий Троянкер

Консультант (Newsweek) Рон Джаверс

Секретариат Андрей Жвирский **(ответственный секретарь)**, Владимир Орлов **(зам. ответственного секретаря)**, Людмила Овчинникова, Ирина Спиридонова, Ирина Фрейдлин **(выпускающие редакторы)**

Отдел дизайна Виталий Колбасов **(зав. отделом)**, Алексей Афанасьев, Галина Грозная, Федор Радлов, Наталия Столярова

Фотослужба Олег Иванов **(директор)**, Галина Беличко, Владимир Иванов, Ирина Ирхина, Мария Олендская, Алиса Петрова, Олег Сендюрев

Отдел политики («В России») Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Голиц, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Александр Рыклин, Никита Соколов **(редактор)**, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**

Отдел международной жизни («Вокруг России») Сергей Строкань **(зав. отделом)**, Леонид Велехов, Екатерина Лазарева **(редактор)**, Евгений Пахомов

Отдел экономики («Дело») Наталья Калинченко **(зав. отделом)**, Ирина Андреева, Ирина Розенберг, Светлана Солодовник **(редактор)**

Отдел общества («Общество») Елена Каменская **(зав. отделом)**, Татьяна Аскери **(редактор)**, Елена Груева, Борис Жуков, Ирина Карасева **(редактор)**, Борис Старцев

Отдел искусства («Искусство», «Библиотека», «Художественный дневник») Дина Годер **(зав. отделом)**, Юрий Гладильщиков, Марина Голубовская **(редактор)**, Николай Молок, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**

Координатор группы репортажей Маша Гессен

Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский **(зав. отделом)**, Наталья Косарева

Переводы с английского Александр Богдановский

Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина

Корректура Наталья Александрова, Белла Бург, Елена Волгинская, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Прянникова

Бухгалтерия Оксана Журавлева, Людмила Корчагина, Светлана Родионова

Референты Оксана Артюхова, Ирина Костылева, Анна Лощилина, Елена Репина, Елена Черкасова

Водители Александр Жафяров, Александр Лосев

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail itogi@7days.ru, телефон (095) 753 3304

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
ISSN 1027-3964 Подписной индекс 75587

Учредитель и Издатель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева

Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»: Нина Цобехия **(директор)**, Ирина Менабде **(зам. директора)**, Татьяна Абакумова, Нина Акопян, Ольга Василевская, Светлана Доппа **(старший менеджер)**, Елена Попикова, Екатерина Кузнецова, Ирина Лютикова, Дина Шульговская, Инна Зайцева **(старший координатор по рекламе)**, телефоны (095) 753 4145, 753 4146, факс 753 4148

Служба развития производства ЗАО «Издательство «Семь дней»: Игорь Свирин **(директор)**, телефон (095) 753 4143

Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»: Елена Каякина **(директор)**, Татьяна Голубева, телефон (095) 195 9236

Служба распространения ЗАО «Издательство «Семь дней» Александр Магазаев **(директор)**, телефон/факс (095) 753 4104

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется: АО «Международная книга», тел. (095) 238 4967, факс (095) 238 4634, **фирмой East View Publications**, тел. в США (612) 550 0961, факс (612) 559 2931

Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»: Василий Черный **(директор)**, Андрей Ажурский, Михаил Артюхин, Олег Детинкин, Павел Балахников, Роман Балашов, Лев Галустов, Андрей Борщевский **(технолог)**, Татьяна Захарова, Андрей Корнюх, Алексей Вольногорский, Александр Васильев, Александр Мелешкин, Татьяна Бутенко, Владимир Сюх, Владимир Остапцев, Алексей Исаев, Валентин Писаревский, Максим Семенов, Алексей Чарский, Валерий Чок, Артем Юркевич, Андрей Юнышев

Номер подписан в печать 14 октября 1999 года
Отпечатано в объединении **Aprint** (Финляндия). Тираж 85 000 экз.
Цена свободная